

R 121
620

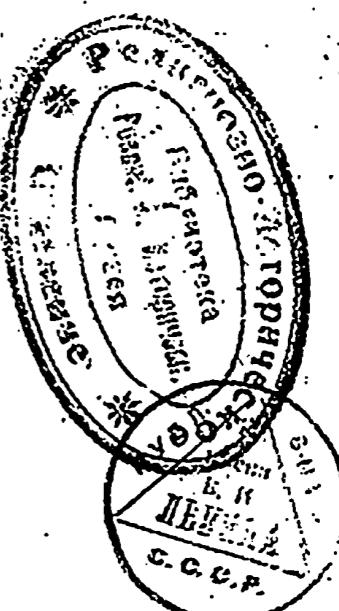
на верблюдахъ.

182

Воспоминанія изъ жизни въ Средней Азії.

Н. Уралова.

ср. 29-280

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типографія П. Н. Сойкина. Стремянная, д. № 12.

1897

№ 326

В ВЕДЕНИЕ.

Въ молодости я обладалъ безпокойнымъ умомъ... Я не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ: стремлѣніе къ дѣятельности, жажда приключеній и заманчивыя картины безконечнаго шатанія по горамъ и лѣсамъ Азіи имѣли для меня невыразимо притягательную силу, а такъ какъ свойство моей службы не только позволяло, но даже обязывало перекочевывать съ одного мѣста на другое то, благодаря этому обстоятельству, мнѣ пришлось побывать и на Хивинской границѣ, и въ Бухарѣ, и въ Срединномъ царствѣ Чжунь-го (какъ называютъ его китайцы). Не мало поѣздилъ я и караванными путями на верблюдахъ, и дикими ущельями Тинь-Шаня (Небесныхъ гор) на цѣлоногихъ, гэрбоносыхъ киргизскихъ монакахъ, чрезъ кряжистый хребеть Нарынскій, — на сартовскихъ двухколесныхъ арбахъ и, наконецъ, даже на камышевыхъ плотахъ (салы) по Сыру, этой живописнѣйшей, хотя совершенно дикой рѣкѣ всего Туркестанскаго края.

Какихъ-нибудь двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а какъ далеко-далеко кажется мнѣ это невозвратное времіе! Словно мимолетный сонъ кануло оно въ вѣчность и оставило послѣ себя лишь одно воспоминаніе да щемящую боль въ сердцѣ, — и невольно приходятъ на память чудныя строки поэта:

«Гдѣ моя юность съ чарующей паской,
«Отваги и вѣры года?
«Гдѣ сердце, что было волшебною сказкой
«Заслушаться радо всегда?
«И гдѣ эти сказки, что слушаль охотно?
«Ихъ лѣтъ — только эхо твердѣть:
«Все въ жизни непрочно, какъ сонъ мимолетно,
«Все мимо, все мимо лѣтѣть!»

Да и какъ не болѣть сердцу о прошломъ?! Тогда я былъ юный, здоровый, ни отъ кого независимый человѣкъ, смотрѣвшій на Божій міръ сквозь розовыя стекла. Безшабашная удаль духъ захватывала и просилась наружу; ни страху, ни болезни—все было тринъ-трава! Бывало, верхомъ на лошади, съ дряннымъ револьверишкомъ, годнымъ только для вколачиванія гвоздей, рыскалъ я по горамъ и ущельямъ,—и не страшны были встрѣчи ни съ двуногими хищниками-барантачами, способными за мѣдный чайникъ выпустить своимъ кривымъ ножомъ кишки, ни съ четвероногими—клыкастыми кабанами-сѣкачами (*Sus scrofa*) и хитрыми барсами (*Felis irbis*). Не то теперь! Пустое урчанье въ желудкѣ порождаетъ смертельный страхъ (батюшки, не холера-ли!),—а встрѣча съ „Его Превосходительствомъ“ приостанавливаетъ даже біеніе сердца, которое прячется въ эти минуты если не совсѣмъ въ пятки, то навѣрное очель не подалеку отъ вихъ. Прежняя независимая, полная поэзіи жизнь замѣнилась пошлымъ мыканьемъ по канцеляріямъ; вместо чудной природы—затхлый воздухъ архивовъ; вместо ежеминутныхъ приключеній—рапорты, доклады, отношенія и донесенія; вместо друзей—киргизовъ, этихъ наивно-добродушныхъ, скучастыхъ дѣтей природы—геморроидальные сослуживцы-чиновники съ перегорѣлымъ скувшымъ запахомъ, и вместо свѣтлыхъ южныхъ ночей подъ открытымъ небомъ—шатаніе по дымнымъ и душнымъ ресторанамъ, театрамъ и кафе-шантанамъ...

Кончились и выѣшилъ сторона былога, да такъ, что и слѣдовъ отъ прежняго не осталось

Цивилизация, быстро шагал впередъ, разбудила дремавшую Русь. Поднялся сѣверный колосъ и, движимый мощной силой прогресса, быстро приплылъ догонять Европу... Скоро ему стало тѣсно въ своихъ предѣлахъ и началъ онъ свое поступательное движеніе на востокъ. Повалились чалмоносныя головы хигинцевъ, какъ мячи, подъ ударами русскихъ сабель,—и вскорѣ подъ державную руку Бѣлаго Царя покорены были первыя громадиѣстя территоріи степей:

забѣлѣлся двухглавый орелъ надъ минаретами ханскихъ ставокъ, а русскіе двигались себѣ все дальше и дальше въ центральную Азію, сопровождая свой путь такими блестящими предпріятіями, какъ взятіе славнаго въ лѣтописяхъ Востока города Самарканда, Хивинскій походъ, завоеваніе Ферганы и, наконецъ, занятіе всей Арабо-Каспійской котловины. Много мѣста захватилъ Русь. Раскинулась она, по словамъ поэта, отъ

Хладныхъ Финскихъ береговъ
До пламенной Колхиды

Заблестѣлъ русскій крестъ „на далекихъ окраинахъ“ и церковный благовѣсть возвѣстилъ, что эта вновь покоренная земля принадлежитъ намъ. Глашатѣйский климатъ и сокровища новыхъ провинцій привлекли къ себѣ предприимчивыхъ людей. И вотъ различные смѣльчаки, ежегодно забирающіеся отъ своихъ насиженныхъ Ярославскихъ, Владимірскихъ, Тверскихъ и другихъ родныхъ очаговъ за сильный хребетъ Алтая, въ долины Грузіи, къ берегамъ каменистаго Свеаборга, даже къ ледяному Архангельску—широкой волной хлынули во вновь покоренный край, а за этими смѣльчаками-піонерами двинулись и промышленники-капиталисты... Вскорѣ желѣзныя дороги опоясали теперь по всѣмъ направлѣніямъ тѣ дикия мѣста, гдѣ еще только два десятка лѣтъ назалъ рыскали полосатые красавцы тигры, да въ болѣе камышахъ сопѣли и хрюкали, отфыркивались отъ мириадъ комаровъ и разныхъ болотныхъ мошекъ, щетинистые кабаны. А теперь узкоглазый туземецъ съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣть на „шайтановы тельги“ и съ трепетомъ шепчетъ про себя молитву, для избавленія себя отъ злого духа. Жалко кочевнику минувшаго; тоскливо сжимается у него сердце и съ грустью вспоминаетъ онъ „доброе старое время“, словно нашъ завязанный крѣпостникъ—блаженное для него, но позорное для народа время баршины...

Бухарѣ всю ел прѣжнюю производительность, замѣнивъ почти весь вывозной товаръ: канаву, сусу, выбойку, готовые халаты и даже фрукты. Хлопокъ, хлопокъ и хлопокъ—вотъ единственный почти товаръ, какой теперь приносить ка- себѣ верблюды.

Въ 1872 году мнѣ надо было по торговымъ дѣламъ лично побывать въ городахъ Петропавловскѣй и Акмолинскѣй. Въ настоящее время такое путешествіе не представляется ничего не только труднаго, но и особеннаго, такъ какъ начиная отъ самаго Ташкента, чрезъ города Чимкентъ, Ауліә-Ата, Вѣрный, Капалъ и Сергіополь до Семипалатинска отлично можно добраться на лошадяхъ, и далѣе до Тобольска на пароходѣ, откуда до Акмолинска рукой подать. Но такая комфорtabельная дорога не входила въ мои раз- счеты: мнѣ надо было сопровождать до Орска большую партію хлопка и потому направиться караваннымъ путемъ чрезъ Чулакъ (Тургайской области) на Акъ-Тау и чрезъ кряжъ Кокче-Тау; въ Амколлы же отъ Орска—на лошадяхъ.

II. „Корабль пустыни“.

Въ степи всѣ тяжести возятся не иначе, какъ на верблюдахъ, частію потому, что два десятка лѣтъ назадъ пре- словутый, блаженной памяти Кузнецова, почтовый трактъ былъ идеально плохъ, такъ что коммерческій людъ всегда почти избѣгалъ путешествія по нему, предпочитая хотя и медленный, но за то вѣрный способъ передвиженія „на ко- рабль пустыни“.

Въ областяхъ Туркестанскаго округа верблюды встрѣ- чаются двухъ породъ: одногорбые „наръ-тюэ“ и двугорбые „аиръ-тюэ“. Первая порода, происшедшая отъ верблюдовъ южныхъ странъ Азии, считается лучшою по силѣ и росту, но плохо выносить сѣверные холода; вторая, тюркско-мон- гольская порода, происходитъ изъ сѣверныхъ степей; она слабѣе „пара“, но привычна къ болѣе холодному кли- мату. Погреевательность верблюда въ отношеніи пищи

Томителъ песчаный, трудный путь,
И по па чёмъ тутъ взору отдохнуть:
Нигдѣ ни кустика, ни пестренькой
поляны...
Песокъ, песокъ, песчаные барханы,
Да гладь степи...

I. Мое путешествіе по пустынямъ и степямъ.

Итакъ, этому минуло уже двадцать лѣтъ. Я служилъ тогда у купца Огнева *) и на обязанности моей, между про- чимъ, лежала закупка и отправка въ Сибирь нѣкоторыхъ жироносныхъ товаровъ и въ Нижній—хлопка.

До начала шестидесятыхъ годовъ хлопчатая бумага до- ставлялась въ Россію преимущественно изъ Америки, такъ что бухарскій хлопокъ не имѣлъ почти никакого сбыта и бухарцы продавали его по четыре рубля за пудъ въ то время, какъ имъ самимъ онъ стоилъ пять. Да при этомъ еще надо принять во вниманіе, что русскіе купцы платили четыре-то рубля не деньгами, а практиковали мѣну товара; следовательно, цѣна на хлопокъ была ниже и 4-хъ рублей. Но съ 1862 года, когда загорѣлась въ Америкѣ ожесточенная междуусобная война, подвозъ хлопчатой бумаги все уменьшался, уменьшался и, наконецъ, совсѣмъ прекратился. По мѣрѣ уменьшения привоза изъ Америки, спросъ въ Бу- хару увеличился, цѣна на хлопокъ возвысилась и дошла до 22-хъ рублей за пудъ. Сборъ и вывозъ поглотилъ въ

*. Фамилія мною изменена. Фирма этого достойнѣйшаго въ своемъ родѣ человѣка существуетъ благополучно въ наши дни и есть самая богатая въ Туркестанскомъ краѣ: годовой оборотъ ея простирается на сумму свыше 8 миллионовъ рублей серебромъ.

и питья—общезвестна. Избогат горныхъ мѣстностей и рѣчныхъ долинъ съ сочною травою, верблюдъ находитъ всѣ благопріятныя для себя условія въ открытыхъ, сухихъ и знойныхъ степяхъ и пустыняхъ, каковы Аравія и Монголія, доставившія въ Среднюю Азію своихъ представителей въ видѣ двухъ породъ. Западные уѣзды Сырь-Дарьинской области обладаютъ многими мѣстностями, сходными по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ съ указанными странами и потому весьма благопріятны для разведенія верблюдовъ. Кромѣ службы выночаго животнаго при перекочевкахъ киргизъ и перевозкѣ тяжестей, верблюдъ доставляетъ хозяину густое и питательное молоко и шерсть идущую на выѣлку особой ткани (армячины) для одежды, а также на мѣшки, приготовленіе тесьмы, веревокъ (арканъ) и проч.; мясо верблюда употребляется въ пищу.

Видъ верблюда характеренъ и живописенъ въ высокой степени. Пусть понимаютъ это какъ хотятъ, но мнѣ этотъ уродъ кажется красавцемъ: рѣдко что удовлетворяетъ такъ созерцаніе, какъ видъ верблюда. Онъ художественъ по полнотѣ своихъ признаковъ, по ихъ строгому соотвѣтствію съ цѣлымъ, по выразительности идеи, проникающей весь его организмъ.

Это „сѣдло—звѣрь“, „вьюкъ—человѣкъ“; вы сразу прочитываете эту основную идею верблюда въ его горбахъ, въ его шей, въ его ступнѣ. Передъ вами живое, неутомимое движущееся сѣдло на четырехъ ногахъ. Только безгранична пустыня могла породить этого работника, не знающаго устали. Верблюдъ рожденъ работникомъ.

Работа—его органическое призваніе и его гордость, Стоитъ только разсмотрѣть наружность верблюда, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не знаю, такимъ-ли вышелъ верблюдъ изъ рукъ Творца, или тысячелѣтняя борьба съ нимъ человѣка обработала его въ такую неуклюжую и вмѣстѣ безцѣнную машину, въ такого удобнаго урода.

Силища, не мѣряющая себя, не учитывающая, глядитъ во всякомъ членѣ; размѣры все какіе-то чудо-же-ые. Вали

глазъ какъ будто не привыкъ къ звѣримъ подобнаго калибра и невольно видитъ въ нихъ запоздавшихъ собратовъ тѣхъ mastodonovъ, мамонтовъ, megaloterievъ и разныхъ другихъ исполиновъ, колоссальные останки которыхъ мы открываемъ иногда въ геологическихъ могилахъ. Верблюдъ въ одно и то же время напоминаетъ овцу и медведя. Его шерсть и неуклюжесть медвѣжий, лицо—овечье: оно совсѣмъ голое; уши и волоса какъ у человѣка. Есть что-то древнеегипетское въ умномъ и сурово-равнодушномъ взглядѣ верблюжьго лица. Кажется, будто онъ все понимаетъ и будто презираетъ васъ. Кажется, что онъ сознаетъ свою силу, свою пользу, свою незамѣнимость; сознаетъ, что исполняетъ свой священный долгъ. Оттого, можетъ быть, такъ превзительенъ его взглядъ, такъ величественны и неторопливы его движения. Вы видите не невольника, а фанатика работы. Мне кажется, въ восточномъ рабствѣ есть частичка этого фанатического взгляда на долгъ, на послушаніе...

Ранней весной, па худые и костлявые горбы верблюда, па это естественное его сѣдло, словно наброшена косматая, медвѣжья шуба: такъ обросъ онъ за зиму шерстью. Такие же тулузы мотаются у него подъ шеей и на переднихъ ногахъ, закрывая колѣна. Они придаютъ верблюду нѣсколько звѣрскій видъ.

Шея страшной силы и длины просто устроена для ярма; она спущена глубоко внизъ на самой серединѣ. То положеніе, которое даетъ шеѣ всякое животное и человѣкъ, усиливаясь тащить тяжесть, заранѣе дано верблюду самою природою: ему незачѣмъ больше нагибаться. Онъ, такъ сказать, застылъ въ работящей позѣ. Какъ горбы его просять вьюка, такъ шелъ его просить ярма. Но при этомъ устройствѣ вѣчнаго работника, голова верблюда сохраняетъ полную самостоятельность. Ярмомъ согнутая шея не препятствуетъ глазамъ смотрѣть прямо и свободно впередъ, ушамъ слышать, длиннымъ ноздрямъ—обонять. Верблюдъ не соглашенье всего своею работою, не подавленъ своюю ношою; па ходу онъ озирается съ достоинствомъ независимости и съ

философскимъ спокойствиемъ наблюдаетъ суетный міръ, обратившій его въ машину для перевозки.

Но въ чемъ особенно выказывается страшная рабочая сила верблюда—это въ его ногахъ. Переднія ноги, обросшія космами шерсти, мозолистыя, корявыя—не ноги, а просто толкачи для мѣсения песка. Копыта на нихъ—цѣлые блюда. Не знаю, чего не раздавить такая пары ногъ и когда она устанется! Заднія ноги худѣе и выше. Они толкаютъ, какъ рессоры, высокоподобранный задъ, весьма усиливая этимъ размѣръ и быстроту шага. Переднія, ломовыя, тащутъ; заднія подталкиваютъ. Вся снасть верблюда подходящая къ ногамъ: языкъ и губы, жесткіе какъ мозоли, способны съ наслажденіемъ жевать тѣ колючки и рѣпьи, которыя бы въ кровь изодрали пасть всякаго другаго животнаго; такой же терпкій желудокъ. Обшитъ верблюдъ тепло и дешево, не промокаетъ отъ дождя; крѣпко сколоченъ и свинченъ. Машина надежная, заведенная надолго: шагать—прошагаетъ не останавливаясь двое сутокъ; голодать—прогододаетъ хоть шестеро; телѣгу подавайте въ двѣ сажени длиной, возъ сѣна на телѣгу—цѣлый стогъ. Этотъ горбатый уродъ—спартанецъ по рожденію, безъ Ликурговыхъ пособій; онъ охотникъ только до жесткаго, до тяжелаго; онъ, по своему странному нраву, любить все то, что составляетъ мѣку остальному живущему. Въ этомъ—неоцѣнимое достоинство верблюдовъ.

Любо смотрѣть, какъ проходять они мимо, одинъ за однимъ: дружно, серьезно и увѣренно поднимаются они свои ногучія лапы, безучастно поглядывая ветхозавѣтными физіономіями на проѣзжихъ, а за ними легко, какъ пустая телѣжка, катится огромнѣйший возъ.

Верблюдъ можетъ нести на себѣ отъ 14 до 18-ти пудовъ, такъ что средняи норма нагрузки принята въ 16 пудовъ. Одногорбый верблюдъ, „наръ“, выносить и 20 слишкомъ, но такихъ верблюдовъ немнogo. Товаръ навьючивается на верблюда равномѣрно на обѣ стороны черезъ сѣдло (особаго устройства; для всадниковъ дѣлается съ высокой лукой);

каждая такая половина вѣсить немнogo больше или меныше восьми пудовъ и называется „тай“. Вѣсъ количества вѣса „тай“ включаются и веревки, которыя—на одного верблюда—вѣсятъ около 13 фунтовъ. Вѣсъ товара опредѣляютъ количествомъ везущихъ его верблюдовъ и, живя въ Туркестанѣ, вы будете не мало удивлены, если вамъ скажутъ, что пришелъ товаръ вѣсомъ въ сто съ половиной верблюдовъ; эту половину составляютъ молодые и малосильные верблюды, которые больше двухъ „цолу-тайковъ“ нести не могутъ. Кроме половины, есть еще и три четверти. Вообще же принято нормой считать верблюда за 16 пудовъ товару:

Возчики-киргизы („лаучи“) выходятъ партіями въ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ верблюдовъ, смотря по готовности товара къ отцу авкѣ. Съ каждой такой партіей идетъ „караванъ-башъ“ (караванный начальникъ, въ построчноомъ переводе—глава каравана), приказчикъ купца, отправляющаго товаръ, а иногда еще и переводчикъ (толмачъ). Этотъ послѣдній, впрочемъ,—въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ присутствіе его нужно, главнымъ образомъ, въ таможняхъ, а тамъ почти всегда есть свой, развѣ отлучится въ степь съ таможенными чиновниками („закетчи“) по дѣламъ службы. Что касается присутствія приказчика, то оно необходимо вотъ почему: киргизъ-возчикъ получаетъ, положимъ, два „тай“ по $8\frac{1}{2}$ пудовъ каждый, полпуда съ „тай“ сбрасывается ему на усушку. Киргизъ отправляется но на пути заѣзжаетъ въ аулъ; здѣсь онъ развязываетъ верблюдовъ и гостить два-три дня, а иногда и болѣе. Соблазнится ли онъ или грѣхъ этотъ обуяетъ его сосѣда, только мѣшокъ съ хлопкомъ распарывается, изъ него вынимается нѣсколько фунтовъ, а на ихъ мѣсто, для вѣса, вкладывается въ середину „тай“ хороший кусокъ глины; потомъ мѣшокъ зашивается снова и возчикъ преснокой по отправляется дальше. Начинаются степнія жары, доходящія нерѣдко до $+48^{\circ}\text{R}$, хлопокъ сильно усыхаетъ, такъ что по прибытии на мѣсто не оказывается цѣлаго пуда. Во избѣжаніе недостатка въ вѣсѣ, киргизы-возчики верстахъ

въ 150-ти отъ пункта сдачи обливаютъ „тай“ водой; вода отъ жары ионемногу испаряется, но вмѣстѣ съ тѣмъ хлопокъ начинаетъ гнить, перегорать, сѣмя, или „орѣшокъ“ разбухаетъ, а вата принимаетъ желтый оттѣнокъ. Такъ или иначе, а хозяинъ терпитъ убытокъ. Ни обязательствъ, ни контракта, ни условій—ничего нѣть *).

Вотъ во избѣжаніе подобныхъ то беспорядковъ, обыкновенно, и отправляется приказчикъ, въ присутствіи котораго возчики уже не смѣютъ отлучаться, или сворачивать караулъ въ сторону, а если и дѣлаютъ это съ его разрѣшенія, то уже безъ всякихъ пополненій на вѣренные имъ товары.

III. Сборъ каравана.

Стояли первые дни іюня. Медлить болѣе было невозможнo и я, высунувъ языкъ, бѣгалъ по қишилакамъ и ауламъ, чтобы собрать необходимое (по числу пудовъ товара) количество верблюдовъ. Возчики дорожились, выставляя какія-то крайне неопределенные причины, вѣрить въ которыхъ просто не хотѣлось. Въ особенности долго тянуль меня мулла таджикъ Казанджиковъ.

— Что-жъ, мулла, напинаешься что-ли? говори прямо, а то тянешь-тянешь, только время съ тобой теряю!— спросилъ я его.

— Ни знай!—лаконически отвѣтилъ сѣдобородый таджикъ, а хитрые глаза совсѣмъ сощурились: хорошо зналъ, бестія, что конкурентовъ ему не очень много,—что хотѣлъ, то и просилъ.

— Вотъ те на! если ты не знаешь, такъ кто-же знать-то будетъ, свинья, что-ли?—озлобился я.

— Щы, цы!.. зачимъ скверна слѣба скажишъ...

*) Въ 70-хъ годахъ былъ случай, что одинъ изъ богатѣйшихъ бухарскихъ собственниковъ, Шарифъ-Ходжа, отправившій изъ Бухары въ Россію 73.000 пуд. хлопка, потерпѣлъ слишкомъ 60,000 рубл. серебр. въ одинъ разъ.

— Ничего тутъ сквернаго нѣть, вѣдь ты хоть самого черта такъ изъ терпѣнія выведешь! Что ты мотаешься-то, словно бѣсъ въ рукомойникѣ, э-эхъ! а еще мулла, акъ-сакалъ (блѣлая борода)!—укорялъ я его.

— Бульна опасно... Алимкулка бунтуется!—увильнулся снова мулла Казанджиковъ, намекая на разбой славившагося въ тѣ времена батыря Алимкула.

Этотъ маневръ однако-жъ только больше поддалъ мнѣ задору: ужъ очень много слыхалъ я про подвиги степнаго разбойника, хотя и плохо вѣрилъ въ этого, почти сказочнаго киргиза.

— Ну такъ что-жъ Алимкулъ,—эка птица какая! вамъ это онъ страшень, а для меня тѣфу!—вотъ и все!—задорно возражалъ я.

— Алимкулка-то?! ой, ой! бульна сердитъ; она многа шиновна рѣзилъ! такъ мелко-мелко, совсѣмъ чучь-паръ *) дѣлалъ!—объяснялъ почтенный мулла, а глаза его такъ иискрились отъ восторга.

Я отлично понималъ, что хитрый таджикъ всю эту механику подводилъ не для чего иного, какъ выторговать лишній рубль. Однако дѣлать было нечего, промѣя его верблюдовъ другихъ пожалуй что и не найти, да и отправляться было давно пора.

— Неужели ты никакъ не уступишь, вѣдь твоя цѣна совсѣмъ несуразная! побойся Бога-то!—началъ я было увещевать Казанджикова. Но онъ понесъ опять какую-то ахинею про Алимкулку, а потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего привелъ новую причину: „Зима балшой быль!“

Я не сталъ болѣе торговаться, видя совершенную невозможность побѣдить упрямство „проклятаго дикаря“, и сразу надбавилъ цѣну почти въ полтора раза, послѣ чего пріятель мой немедленно согласился и въ видѣ вящаго

*) Тоже что и русскіе пильмени, только гораздо больше и защищиваются вродѣ пирожковъ; варятся не въ водѣ, а посредствомъ пара. Очень вкусное кушанье, сильно впрочемъ приправленное перцемъ.

удостовѣрѣнія въ своей благонадежности, сильно шлепнуль ладонью своей руки объ мою, что, кстати сказать, составляеть необходимый у киргизовъ, сартовъ и другихъ туземныхъ обитателей актъ при всякихъ купляхъ-продажахъ и иныхъ подобныхъ сдѣлкахъ, замѣнѧя нотаріальное условіе.

— Утромъ, чимъ свѣть, берблюдъ будеть! — пообѣщалъ онъ и мы разстались.

Хлопокъ у меня былъ давно приготовленъ, т. е. упакованъ и дѣло стояло только за зверблюдами.

IV. Мои спутники:

Кромѣ меня, въ нашемъ караванѣ было еще двое русскихъ: переводчикъ, лицкій казакъ-липецъ Иванъ Левашевъ, давно впрочемъ утратившій свое русское ими и известный на сотни верстъ подъ полу-русскимъ, полу-киргиесомъ титуломъ Иванъ-бай^{*)}). Это былъ сѣдовласый старикъ, чисто казацкаго покроя, высокій, широкоплечій, съ затылкомъ вола, съ большою бородой, раздѣляющею его темное огрубѣлое лицо на двѣ половины, и съ большими красивыми глазами, изъ подъ которыхъ скелетные кости сильно выступали впередъ. Этотъ наружный видъ, а равно костюмъ (Левашевъ одѣвался въ киргизскій халатъ и малахай) и, наконецъ, постоянный разговоръ на туземномъ нарѣчіи, которымъ Левашевъ владѣлъ въ совершенствѣ, — заставляли многихъ принимать Иванъ-бая за чистокровнагоnomada.

Онъ обладалъ колоссальными кулаками, но никто не могъ пожаловаться на то, чтобы кулаки эти причинили когда-либо кому-нибудь вредъ. За то ругаться Левашевъ любилъ до страсти. И, странное дѣло, въ этихъ случаяхъ

^{*)} Бай — трудно переводимое слово, пѣчто вродѣ «хозяина», или «господина». Туземцы почти къ каждому имени прибавляютъ эту частицу, желая вѣроятно выразить болѣе почтеніе: Мурза-бай, Хакимъ-бай, Наурузъ-бай и проч.

онъ прибѣгалъ уже исключительно къ родному диалекту, находя, вѣроятно, что на этомъ языке можно болѣе подобрать крѣпкихъ словъ, особенно если цитируются родители оппонента...

Левашевъ служилъ у одного со мной хозяина въ качествѣ переводчика и извѣзъ буквально весь Туркестанскій край; въ общемъ онъ представлялъ чрезвычайно любопытнаго субъекта съ темнымъ, загадочнымъ прошлымъ. Вопреки всякимъ ожиданіямъ, водки Иванъ-бай совершиенно не пилъ, за то табакъ не только курилъ илюхаль, но даже постоянно клалъ изрѣдную щепоть его за щеку, что вообще, къ слову сказать, въ большомъ употреблениѣ въ Туркестанскомъ краѣ. Кисеть съ табакомъ-махоркой и особая изъ тыквы бутылочка для „посоваго“ висѣли у него за поясомъ, а трубка была вѣчно въ зубахъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Иванъ-бай хотѣлъ ругаться, онъ не вынималъ ее, а только особымъ движениемъ губъ сдвигалъ къ одному углу рта и съ такой яростью нападалъ на соперника, что тотъ, обыкновенно, всегда оставался побѣженнымъ.

Другой мой спутникъ былъ иѣкто Семенъ Никитичъ Телѣжниковъ, выходецъ изъ Великаго Устюга; жилъ нѣсколько лѣтъ въ Ташкентѣ приказчикомъ, понаконуѣ деньжонокъ и возвращался во свой сїй, чтобы на родинѣ заняться „своимъ дѣломъ“, по его выражению. Хотя точно онъ и не опредѣлялъ, что это за „свое дѣло“, но съ первого же раза можно было безошибочно заключить, что этотъ пронырливый молодецъ ни на что болѣе не способенъ, какъ стоять за прилавкомъ съ аршиномъ въ рукахъ и спрашивать со сладкой улыбочкой: „Чего изволите-съ? Что покупаете-съ?“ Типъ известный и на Руси довольно распространенный. Если прибавить къ этому, что Семенъ Никитичъ былъ весьма набоженъ и въ разговорѣ любилъ ссылаться на различные тексты изъ Священнаго Писания, то портретъ его будетъ совершенно готовъ. Любилъ онъ также почти къ каждой фразѣ прибавлять слова: „это“, „знаете“, „того“ и проч.; въ разговорѣ не то заикался, не то торопился скрѣвѣ выска-

ваться, для чего и прибегалъ къ означеннымъ выше сло-
вничкамъ, поясняя въ тоже время свою рѣчь отчаянной же-
стикулляціей рукъ и даже всего корпуса.

Довольно любопытенъ былъ первый его визитъ ко мнѣ. Какъ-то однажды по утру я сидѣлъ въ конторскомъ кабинетѣ и пилъ чай, вдругъ въ передней кто-то осторожно кашлянулъ, затѣмъ потопалъ ногами и вообще различно выражалъ свое присутствіе.

— Кто тамъ? Войдите! — пригласилъ я.

Дверь осторожно отворилась и маленькая, плугавенькая фигурка перешагнула высокий порог кабинета, затмъ робко, бочкомъ, какъ-то по воробышному, подошла къ столу.

— Здравствите, Николай Иваныч! я знаете это... потому какъ получивши это извѣстіе... того, знаете... наслышались... Павла Кондратыча Густолѣсова изволите знать? — вдругъ задала мнѣ фігурка вопросъ, путаясь и заикаясь.

Я чуть не покатился со смеху. Смѣшие этого лица и вообще всей этой несчастной фигурки я еще ничего не видывалъ: вошедшій былъ маленький, юркій человѣчекъ съ выпученными кашью у рака и въ то же время шмыгающими глазками, красной, словно выкрашенной сурикомъ, бороденкой и съ лицомъ, сильно изрытымъ осной. Онъ размахивалъ руками, кивалъ головой, скалилъ зубы, какъ-то вилялъ и вообще чрезвычайно походилъ на собаченку, которая ластится около ногъ, боясь, чтобы ее не пнули, не ударили, и желаетъ своимъ рабскимъ, униженнымъ видомъ расположить въ свою пользу.

Одѣтъ былъ Телѣжниковъ въ коротенькой, бумазейной горохового цвѣта „спицажакъ“, красные изъ козьей кожи штаны, зашитыя за порыжѣвшія голенища сапогъ и громаднѣйшую, не менѣе аршина въ діаметрѣ, дунганскую шляпу. Весь этотъ костюмъ и самъ владѣлецъ его прежде всего возбуждали самое веселое настроеніе. Однако, едва сдерживая себя я отвѣчалъ по возможності серьеzно.

— Ни Павла Кондратьевича, ни вась—извините—не имѣю чести знать. Съ кѣмъ, позвольте спросить...

— Помилуйте-сь! это даже удивительно-сть, знаете... ови, Павелъ Кондратьичъ весьма очень извѣстные коммерсанты, знаете... это, того, какъ его...—перебилъ меня плюгавенький человѣкъ, приходя въ неописанное изумленіе, какъ это я не знаю извѣстнаго коммерсанта Густолѣсова.

— Не слыхалъ!.. Такъ собственно вамъ-то я чѣмъ могу быть полезенъ?—снова спросилъ я.

— А мы ихъ, это, приказчикъ, знаете того, этого... на отчетъ лавку, знаете, содержали; а нынѣ взъимъли это того, знаете, желаніе искать свою родину въ этомъ

Я окончательно ничего не понималъ. Приходилось задавать категорические вопросы:

— Ваша фамилія какъ?

— Телъжниковъ, Семенъ Никитичъ Телъжниковъ...
 проживали мы, знаете, того этого, какъ его... по паспорту
 въ городѣ Ташкентѣ, а нынѣ, знаете, это очинно хотимъ
 родительницу свою повидать, потому знаете какъ это, того...
 Писаніи отъ святыхъ отецъ сказао: чти отцა твово
 и матерь... родительница у насъ старушка весьма даже
 престрѣлья... повидать желательно...

— Очень похвальное намѣреніе, но я то при чём тутъ?
Что вамъ отъ меня угодно?

— Потому какъ, знаете, извѣстились мы... это, что вы Николай Иванычъ, въ патюшествіе это изволите вояжировать... съ караваномъ.

— Да-а! Вотъ что! Дѣйствительно я на днѣахъ думаю отправляться, давно уже пора да вогъ верблюдовъ все не могъ подыскать. Цѣны такія лунятъ, что просто слышать страшно... Такъ вы со мной желаетеѣхать? Да садитесь пожалуйста, что-жъ вы стояте-то!..

— Извѣстно, мошенники! это, знаете, мы ихъ, можно сказать, буквально понимаемъ... И въ Писаніи сказано: не мечите бисера!

Я только ротъ отъ удивленія разинулъ

— Т. е. кто мошенники? вы о комъ говорите?

— Эти самые верблюжники. Мы, знаете, ага, Николай
на лошадях.

Иванычъ, тоже дѣла съ ними всяческия происходили, довольно знаемъ...

Оказывалось, что гость хотѣлъ мнѣ посочувствовать, что вотъ, моль, какъ трудно найти караванныхъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и попалъ въ самую чувствительную струпу. Ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ сочувствіе посторонняго къ вашему горю. Вы, обиженныя какой-нибудь житейской неудачей, чрезвычайно обрадуетесь, когда встрѣтите человѣка понимающаго и раздѣляющаго ваше горе. Я, по крайней мѣрѣ, стала смотрѣть на своего гостя совсѣмъ иными глазами.

При дальнѣйшей бесѣдѣ выяснилось, что онъ желалъ въ караванѣ вмѣстѣ со мной дѣхать до Орска, гдѣ у него было какое-то „первѣнцей важности“ дѣло, чтобы оттуда отправиться на родину въ Великій Устюгъ Лишній человѣкъ, да еще русскій, не только не могъ помѣшать мнѣ, но былъ даже весьма желателенъ: все же веселье скучать въ такомъ долгомъ пути.

— Только вотъ что, господинъ Телѣжниковъ, вы можете не скоро еще соберетесь, а вѣдь я положительно на дніяхъ йду, рѣшилъ ужъ и за цѣной не стоять: хоть и дорого, а ничего не подѣлаешь.

— Помилуйте-сь, весьма очинно пріятно даже... знаете, и это и расчетъ получилъ отъ Павла Кондратьича... можно сказать, совсѣмъ, знаете, собрался, только...

Видя, что господинъ Телѣжниковъ замялся, я спросилъ:

— Что только?

— Изволите видѣть... можетъ обидно покажется, но это... какъ передъ Истиннымъ Богомъ... не при деньгахъ... этого того, какъ его... касательно напримѣрно, цѣны? то есть, здѣшнѣ за провозъ сколь положите?

— Такъ я то при чемъ тутъ? вы попросите арбакеша Казанджикова,—я у него нанимаю верблюдовъ,—ему вѣдь все равно, по пути; лишній человѣкъ не будетъ въ тягость.

Гость вдругъ какъ-то сжался, съёжился, сдѣлался еще меньше и завилялъ всей фигуркой.

— Нѣтъ, Николай Иванычъ, знаете, явите это Божеckую милость! потому какъ намъ не сподручно... при тоже не при деньгахъ-сь!.. Сами изволите видѣть-сь, дорога весьма очень пространственная, при томъ же хотѣлось родительнице что нинаесть привезти, знаете, въ домъ, то ись это... того... я, Николай Иванычъ, знаете, дорогой помогу вамъ, въ случаѣ, этого того...

— Да мнѣ, въ сущности, все равно, конечно... Ну, а сколько же вы можете дать за дорогу?—спросилъ я совсѣмъ ужъ скорчившагося при этомъ вопросѣ Телѣжникова.

— Девять рублей-сь, знаете, изволите получить это, напримѣрно...

— Да онъ положительно идіотъ! За такую дорогу предлагаетъ девять рублей и почему именно девять?!— подумалъ я,—право, идіотъ!

Прежде чѣмъ мы покончили и условились относительно платы, прошло еще добрыхъ полчаса. Телѣжниковъ божился, распинался, вилъ всей фігурой и торговался такъ отчаянно, словно онъ отстаивалъ собственную жизнь. Наконецъ, въ виду усиленныхъ просьбъ, вѣря, что онъ дѣйствительно „не при деньгахъ“, я согласился взять его съ собой за двѣнадцать рублей.

— Ну, вотъ и очинно расприкрасно! Знаете, вамъ Богъ поможетъ за это, Николай Иванычъ, того этого... да иѣхать, напримѣрно, вдвоемъ совсѣмъ другой коленкоръ выходить-сь, знаете... а теперча изволите это, задатокъ того этого получить!..

При этомъ Телѣжниковъ отвернулся въ сторону, вытащилъ изъ кармана большой красный платокъ и, предварительно порывшись среди кицы какихъ-то бумагъ, извлекъ три рубля и обратился ко мнѣ:

— Зеленевскую гумажку изволите получить, знаете, по обнаковенію, этого того...

Я взялъ и еще разъ предупредилъ, что скоро намѣренъ выѣхать и потому, чтобы онъ былъ готовъ.

— Въ самую глухую полночь хошь сегодня, знаете, это *

расположенъ буду, потому какъ мы, значить, расчетъ получили и завсегда въ аккуратѣ это...

— Хорошо, хорошо ну, а теперь, извините, мнѣ надо къ хозяину по дѣламъ сходить.

— До пріятнаго свиданія, Николай Иванычъ, знаете, того, въ добрый часъ, это...

Мы разстались.

Казанджиковъ собственно былъ содержатель верблюдовъ, а можетъ и подрядчикъ; начальникомъ же панятаго мною каравана явился киргизецъ Нысанъ-Кебековъ, олицетворявшиі собою типъ настоящаго степняка: длинная, рѣдкая, съдая борода обрамляла скуластое лицо, узкіе наискосъ разрѣзанные глаза свѣтились природнымъ умомъ и отъ всей фигуры муаллы Нысан'бая вѣяло почтенностию. Кебековъ довольно хорошо говорилъ по-русски, хотя конечно съ акцентомъ; караваны сопровождалъ почти во всѣ стороны: бывалъ въ Бухарѣ, бывалъ въ Оренбургѣ и даже не разъ заглядывалъ въ Нижній-Новгородъ; однимъ словомъ, тертыи ка-лачъ былъ караванъ-башъ Нысанъ бай Кебековъ.

Верблюдovъ въ нашемъ караванѣ насчитывалось тридцать семь, да двое киргизовъ вхали на лошадяхъ. Кроме того, два наманганскихъ сарта имѣли ишаковъ (ословъ); сарты эти впрочемъ вхали до первого караванъ-саarya, откуда шуть имъ лежалъ совсѣмъ въ другую сторону. Левашевъ также явился на своеемъ „карабаирѣ“ *). Эта была совсѣмъ ворона, безъ отмѣтки, лошадь, какъ будто покрытая чернымъ атласомъ, съ черными же, искрящимися глазами и сухой типичной горбоносой головой. За спиной Иванъ-бая висѣла винтовка въ чехлѣ изъ мохнатаго бурочнаго сукна, черезъ плечо—шашка въ потрескавшихся кожаныхъ ножнахъ, а за поясомъ торчали два кремневыхъ пистолета, да на ремнѣ болтался кривой, отточенный какъ бритва, ножикъ.

Я долженъ еще отмѣтить повара Кулпашку и мальчугана узбека Йозюгана Басантіева. Всего же нашъ караванъ состо-

* Помѣсь отъ туркменской производителя и киргизской матки.

ялъ изъ 16 киргизовъ, насы троихъ русскихъ и таджики-муллы Сайдъ-Басмана:

Душой этого небольшаго каравана являлся Басантіевъ. Это былъ всего лѣтъ четырнадцати мальчикъ, обладавшій необычной живостью ума и подвижностью тѣла. Всякое его слово и всякое движение вызывали смѣхъ и вообще онъ являлся въ караванѣ самымъ неистощимымъ источникомъ веселости и остроумія. Но обѣ немъ, впрочемъ, послѣ.

V. Начало пути.

7-го іюня 1872 года, въ шестомъ часу утра мы оставили городъ.

Прощай, Ташкентъ! часто я покидалъ тебя; казалось, могъ бы и свыкнуться съ той разлукой, а все-таки каждый разъ, когда я оставлялъ позади себя золотой крестъ церкви, а затѣмъ пестрый шлагбаумъ, бывало какъ то неловко въ груди, а на этотъ разъ сердце щемило еще больше обыкновеннаго ..

Миновавъ русскую часть города, мы вѣхали въ узкія Улицы Старого Ташкента. Потянулись чувалы (глинобитные заборы), почти сплошь залитые яркою зеленою тополей, ветль, карагачей, айлантусовъ, кленовъ, акацій, глядичій, бигноній и проч. Домовъ не было видно совсѣмъ: они затерялись въ лабиринтѣ маленькихъ дворовъ и ни одно окно не выходило на улицу изъ-за стѣнъ этихъ послѣднихъ. Совершенный востокъ, гдѣ внутренняя жизнь человѣка глубоко скрыта отъ постороннихъ взоровъ и гдѣ всего яснѣе опредѣляется раздѣленіе общества на семейства, какъ было во времена патріархального.

Стѣны, окружающія дома, сдѣланы не столько для защиты отъ воровъ, сколько для огражденія отъ любовныхъ подмигиваний сосѣдей, вѣчно злоумышляющихъ въ этомъ отношеніи (въ Туркестанѣ вообще взгляывать на женщину, даже на нѣкоторомъ разстояніи, считается безчестіемъ).

Вскорь мы попали на базаръ. Толпы туземцевъ буквально запрудили площадь. Несмотря на ранній часъ утра, уличная жизнь была уже въ полномъ разгарѣ: неумолчный шумъ, трескотня, отрывистые звуки гортанного сартовскаго наречія рѣзко поражали ухо. У некоторыхъ лавокъ, тутъ же на улицѣ, были устроены небольшія кузницы, гдѣ выдѣлывались разныя мелкія вещи.. Самые товары расположены въ строго систематическомъ порядкѣ: тутъ тянулся рядъ исключительно мѣдныхъ, блестящихъ кумгановъ *), далѣе цѣлія коллекціи фаянсовыхъ чашекъ, тамъ пестрѣли различныя восточные ткани, а рядомъ — арсеналъ холоднаго оружія различного образца и размѣра, начиная отъ длиннаго, тяжелаго, великолѣпной чеканки, хороссанскаго **) клинка, и кончая небольшимъ кривымъ, стальнымъ ножикомъ. Груды фруктовъ: персиковъ, винограду, яблокъ, грушъ, гранатовъ, дынь, арбузовъ и проч. наполняли воздухъ пріятнымъ ароматомъ. Но всего интереснѣе былъ отдѣль войлочныхъ издѣлій: поистинѣ надо было удивляться, чего-чего не выдѣлываетъ сартовскій кустарь изъ верблюжьей шерсти. „Развѣ только каши не варить!“ — какъ справедливо замѣтилъ Левашевъ. Между тѣмъ какъ толпа глухо шумѣла и гудѣла, продавцы разныхъ разностей какъ будто силились заглушить и ее, и другъ друга, и ревъ верблюдовъ, и пронзительное ржаніе муловъ. Кто звенѣлъ въ тазъ, кто гудѣлъ въ рогъ, кто щелкалъ желѣзными плитками, кто ревѣлъ своимъ и не своимъ голосомъ. Какой-то жицій, растянувшись во все тѣло подлѣ одной лавки, стоналъ что есть силъ, желая обратить на себя вниманіе. Это — дувона (юродивый). И все это тѣснилось, шумѣло, сталкивалось другъ съ другомъ, путалось въ стадѣ прогоняемыхъ тутъ же барановъ; собаки шныряли между народомъ, голодныя, взлохмаченные, понуривъ головы и жалобно завывая.

*) Мѣдный, высокій кувшинъ, чеканной работы, служащей главнымъ образомъ для омовенія.

**) Хороссанъ — сѣверная провинція въ Персіи, известная по выдѣлкѣ дорогихъ шашекъ.

Мы едва выбрались изъ этого ада. Съ удаленіемъ отъ базарной площади, улицы становились все пустынѣе и пустынѣ; но вотъ кончились дворы и только изрѣдка попадались отдѣльные кишлаки — признакъ, что городъ миновали. Поля, разстилавшіяся между кишлаками и дорогой, были покрыты сѣтью небольшихъ арыковъ и пересѣчены множествомъ глинобитныхъ стѣнокъ, отдѣлявшихъ одинъ владѣльческій участокъ отъ другаго.

Немного далѣе мы поѣхали низменными долинами, сплошь засѣянными рисомъ (шалы), ежеминутно сгоняя черногузокъ *), которыя, сильно хлопая крыльями, взлетали кверху и съ унылымъ клектаньемъ кружились надъ нами. Наконецъ, кончилась и болотистая мѣстность, за ней мертвые солончаки и степь (чуль) съ мѣстной флорой (бижгунъ, кукичекъ, жусланъ) раскинулись на сотни верстъ. Гдѣ только глазъ могъ окинуть пространство, все степь и степь, производящая самое безотрадное впечатлѣніе мертвой пустыни. Впрочемъ, въ первый день признаки близости города еще не совсѣмъ исчезли: то и дѣло попадались верховые всадники, арбакеши; временами слышалось мѣрное звяканье бубенчиковъ и на дорогѣ показывался медленно движавшійся на топцемъ ишакъ загорѣлый, убого одѣтый киргизъ, или сартовскій мулла. Гдѣ-то далеко впереди раздался странный, рѣжущій ухо скрипъ — такъ кричать журавли, когда тянутъ высоко надъ землею, — а въ скоромъ времени показался и источникъ этого странного звука — азіатская, двухколесная несмазанная арба, высоко нагруженная снопами клевера.

Мы поравнялись. Арбакешъ, зазидѣвъ русскаго „тюру“ привѣтливо раскланялся.

— Это можетъ быть послѣдняя арба! — почему-то подумалось мнѣ, и я съ любопытствомъ принялъ ее разглядывать, какъ будто до этого времени никогда и въ глаза не видѣлъ подобнаго экипажа. Въ самомъ дѣлѣ, было любопытно: несмотря на небольшой размѣръ приложенной надъ

*) Аисты — священнали для магометанъ птица.

осью платформы, она была такъ ловко нагружена, что вмѣ-
щала не менѣе сноповъ, чѣмъ и нашъ обыкновенный,
крестьянскій возъ. Снопы далеко свѣшивались назади, а
впередъ выступали настолько, что закрывали впряженную
въ арбу лошадь почти до самой головы; поддерживаясь
искусно придѣланными къ платформѣ жердями. Вслѣдствіе
этого издали, покуда еще ничего нельзя было разсмотрѣть
кромѣ массы паваленныхъ сноповъ, громадныхъ колесъ
арбы, да двигающихся подъ снопами прикрытыхъ ими ногъ
лошади, получался очень странный видъ: точно какое-то
исполинское насѣкомое, скрытия, двигалось по степи...

Мы разѣхались, а я все продолжалъ глядѣть вслѣдъ
удалявшейся арбѣ, но вотъ она исчезла, а вскорѣ замолкѣ
и скрипѣ,—и снова предъ глазами безбрежные пески. Въ
первые три днѣ путешествія величественное, безпредѣльное
безмолвіе стеци—безмолвіе могильное—произвело на меня
сильное впечатлѣніе. Я по дѣлымъ часамъ смотрѣлъ, не
сводя глазъ, въ пространство предъ собою, и такъ какъ
спутники мои—киргизы воображали меня погруженнымъ въ
религіозный соцерданія, то меня очень рѣдко тревожили. Бу-
дто сквозь сонъ я видѣлъ, какъ во время пути вѣкоторые
изъ членовъ нашего каравана дремали, покачиваясь на верб-
люжихъ спинахъ, и доставляли и своими движениями и
тревожными вздрагиваніями, время отъ времени, крайнее
удовольствіе остальной нашей бодрствовавшей компаніи. Желавшиe поспать налегали обѣими руками на высокую
сѣдѣльную лишку, но это не мѣшало имъ вѣсмъ частенько
стукаться подбородкомъ о сѣдло съ такою силою, что даже
зубы щелкали, а не то — и сами сѣдоки при сильныхъ
толчкахъ, стремглавъ, летѣли съ сѣдла на раскаленный
песокъ. Эта экивилистика вызывала всегда искренній
хохотъ въ компаніи. Упавшій долженъ былъ въ продолженіе
днѣ выносить перекрестный огонь насыщекъ и шутокъ.
Въ особенности это потѣшало мальчугана Басантіева, кото-
рый, несмотря на то, что подъ его вѣдѣніемъ находился одинъ
павлюченный верблюдъ, по большей части шелъ пѣшкомъ

и, бѣгалъ вправо и влѣво, пугая криками табуны дикихъ
ословъ (ишаковъ) и муловъ (хачиръ) показывавшихся по
временамъ на окраинахъ дороги.

Ишаки въ дикомъ видѣ встрѣчаются преимущественно
въ окрестностяхъ Ташкента. Киргизы Казалинского уѣзда,
какъ наиболѣе земледѣльческаго района, ловятъ ихъ, при-
ручаютъ и разводятъ въ изрядномъ количествѣ. Несмотря
на свой маленький ростъ (до 6 четвертей) ишаки очень
сильны и легконесутъ грузъ въ восемь пудовъ, почему
въ домашнемъ хозяйствѣ употребляются какъ верховые и
вьючные животныя, представляющія ту выгоду, что чрез-
вычайно нетребовательны въ пище, приближаются въ этомъ
къ верблюдамъ. Наибольшую пользу ишаки приносятъ гор-
нымъ жителямъ, которые формируютъ изъ нихъ караваны
для перевозки товаровъ и хлѣба по узкимъ горнымъ тро-
памъ, идущимъ по карнизамъ скалъ и ущелій.

VI. Первый ночлегъ.

Дрожитъ прозрачный воздухъ надъ раскаленною полу-
деннымъ солнцемъ пустынею, бѣжитъ легко, волнистою
струйкою по буграмъ отдаленныхъ песковъ... Выше и выше
солнце, сильнѣе сухой жаръ, въ воздухѣ не шелохнеть, за-
мерло все. Но вотъ шелохнулся горячій воздухъ, закру-
тился маленькій вертунецъ, собралъ легкую пыль и быстро
 побѣжалъ спиральнымъ столбикомъ... Чрезъ минуту вихрь
уже далеко, разросся въ рѣзко очерченный, упругій столбъ
съ круглымъ облакомъ сѣрой пыли на верху,—и опять ти-
шина; отдаетъ жаромъ раскаленная почва, спить молчали-
вая степь подъ томительнымъ зноемъ...

Изъ небольшой ложбинки, среди степи, показалось какое-
то животное. Остановилось, посмотрѣло; затѣмъ прошло на
минуту за изгибомъ местности и вдругъ снова бойко вы-
неслось на ровную степь. „Это ишакъ!“—закричалъ Басантіевъ,
молча до сего всматривавшійся своими узкими, не-
вѣроятно зоркими глазами, и съ дикимъ гикомъ понесся па-

встрѣчу. Ишакъ совершенно спокойно и даже нѣсколько удивленно смотрѣлъ на насъ, затѣмъ круто повернулъ, наддалъ задомъ и моментально исчезъ за бархавами.

— Что, другъ, не поймалъ? — спросилъ я вернувшагося мальчику. Тотъ разсмѣялся, показавъ при этомъ белые перламутровые зубы и что-то быстро-быстро залоцоталъ по своему.

Выше поднималось солнце на ярко-синемъ небѣ, сильнѣе разгорался зной надъ степью, дремота начала одолѣвать меня съ такой силой, что я не помню, какъ свернулся кубаремъ полетѣлъ въ песокъ...

Къ вечеру первого дня мы остановились въ караванъ-сарай наманганского сарта Хусайна-Ширъ-Маметова.

Караванъ-сарай — это постоянные дворы для проходящихъ каравановъ, такъ сказать, степные гостиницы самого примитивнаго устройства. Представьте себѣ саклю, выведенную изъ сухихъ комковъ глины, смѣшанной съ саманомъ (мелко-рубленой соломой), сахою, которая огорожена на цѣлыхъ пять десятинъ высокимъ чваломъ, образующимъ дворъ. Окна въ такихъ сакляхъ совсѣмъ нѣть, а свѣтъ проникаетъ черезъ дверь, постоянно открытую настежъ, пробитую въ лицевой части, выходящей на дорогу. У одной изъ стѣнъ каждого такого помѣщенія находится широкая труба или пробита въ самой стѣнѣ, если послѣдняя достаточно толста, или, если стѣна тонка, то выѣленная изъ алебастра съ внутренней ея стороны. Тутъ практикуется кипяченье чайниковъ и варится пловъ и кавардакъ *), словомъ, это кухня. Посреди каждой сакли находится вырытое въ землѣ, часто выложенное жженымъ кирничемъ, небольшое, аршина полтора въ диаметрѣ, четырехъугольное углубленіе; въ холодное время сюда насыпаются горячіе уги, надъ ними ставить большую квадратную скамью, которую покрываютъ ватнымъ одѣяломъ, спускающимся до земли и задерживающимъ тепло, исходящее отъ углей. Сюда-то

попадаютъ резябшіе туземцы, въ зимніе холода, усѣвшіеся вокругъ, прятуть свои ноги и кисти рукъ, защищая остальное тѣло отъ холода толстыми ватными халатами. Низкій потолокъ сакли, представляющей снаружи плоскую крышу, состоитъ изъ нѣсколькихъ балокъ, положенныхъ попрекъ продольныхъ стѣнъ сакли, покрытыхъ камышевыми плетенками и смазанныхъ сверху болѣе или менѣе толстымъ слоемъ глины все съ тѣмъ же саманомъ.

Передъ самой саклей дѣлается обыкновенно терраса, подъ которой застилается камышевыми плетенками. Наружные стѣны Хусаинова караванъ-сарада были покрыты арабскими надписями и узорами, сдѣланными не то изъ кафельного кирпича, не то изъ чего-то особеннаго. На плоской крышѣ сложены были пирамиды-сноповъ джемушки *); на особо сдѣланномъ возвышеніи стояли рядомъ нѣсколько мѣдныхъ чистыхъ кумгановъ съ острыми рыльцами и фигурными ручками и крышками, находившихъ горячей водой, а на террасѣ, готовый къ услугамъ желающихъ, дымился чилимъ (среднеазіатскій кальянъ). Чилимъ дѣлается, обыкновенно, изъ особаго рода тыквы (чилимъ-қаду), форма коей напоминаетъ длинноватый, грушевидный флаconъ. Такіе флаconы вставляются въ мѣдиную оправу и посять на себѣ иногда очень изящныя украшения изъ бирюзы, граната, сердолика и серебряныхъ инкрустаций.

Скоро верблюды были развязаны и отпущены во дворъ, а мы, въ ожиданіи илова, попивали изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ зеленый индійскій чай. Киргизы о чёмъ-то горячо разговаривали съ хозяиномъ, должно быть сообщали ему городскія новости, а Иванъ-бай, растянувшись на паласѣ, отчаянно затягивался изъ чилима. Послѣ ужина я улегся спать. Гостепріимный хозяинъ приготовилъ мнѣ постель на славу: на террасѣ, подъ открытымъ небомъ, постлали нѣсколько войлоковъ, покрылъ ихъ ватнымъ одѣяломъ, а въ головы положилъ матакъ (подушка-валекъ ци-

* Жареное изрѣзанное мясо кусками

*) Чучерна.

линдрической формы), — и я заснуль какъ убитый. На слѣдующее утро, едва лишь заалѣла на востокѣ небольшая полоска горизонта, мы оставили караванъ-сарай и отправились въ путь.

Я далекъ отъ мысли вести читателя день за днемъ, перѣездъ за перѣездомъ, по всему пути отъ Ташкента до Орска, описывать направление дороги, разстояніе между привалами и другія подробности, слишкомъ однообразныя и для него, и для путешественника. Благо, если путешественникъ любить природу, если онъ понимаетъ ея величие и красоту и въ состояніи увлечься ими. Но если его не интересуетъ ни скучное степное растеніе, ни обломокъ какого-нибудь камня, ни гряды облаковъ, ни брошенная тѣнь отъ нихъ, — то скучно будетъ ему, бѣдному, въ этой обширной пустынѣ: каждый день все одно и то же, одно и то же; поневолѣ, сидя и покачиваясь между двухъ горбовъ верблюда, спишь до одурѣнія...

VII. Бесѣды въ пустынѣ.

Совершенно чистый, бѣлый, слегка переходящій въ желтизну, песокъ, какъ саваномъ покрылъ печальную, безжизненную равнину; начались значительные наносы, постоянно увеличиваясь и заполняя собою окрестность. Барханы *) становились чаще и выше, но мы, несмотря на сыпучій песокъ, подвигались довольно быстро. Верблюды плавно шагали, ритмически позванивая бубенцами; впереди щахъ Иванъ-бай, а въ хвостѣ каравана гарцевали таджикъ Сайдъ-Басманъ и поваръ Кулнашка верхомъ на лошадяхъ. Сарты, владѣльцы ишаковъ, остались въ караванъ-сарай.

День прошелъ безъ особыхъ приключений, а ночью мы останавливались часа на полтора, даже не развязывая верблюдовъ.

На третій день нашего путешествія, часамъ къ двѣнад-

*) Бугры иѣ песка, напоминающіе пустынныя дюны.

цати дни, жара достигла такой степени, что дышать становилось трудно. Куда ни кинешь взглядъ, всюду одни только мелкие желтые пески (сары-кумы) и ничего болѣе. Выгорѣла жалкая трава, изъ песка тамъ и сямъ торчить какая-то щетина, — сверху синее безоблачное небо: совершенно какъ въ морѣ. Я вынулъ было изъ хурджины (такъ называется переметная сумка) взятую съ собой книгу, одинъ изъ тѣхъ наполненныхъ уголовщиной романовъ, коихъ госпожа Ахматова издала сотни, но на первыхъ-же строкахъ оставилъ явившееся намѣреніе почитать: мозгъ совершенно пересталъ функционировать, да и мѣрное покачивание верблюда, на которомъ я щахъ, отчасти мѣшало процессу чтенія. Книга была положена на прежнее мѣсто, а я самъ началъ какъ-то неестественно покачиваться на сѣдлѣ, обнаруживая желаніе вздремнуть; въ глазахъ все стало какъ бы застилаться туманомъ, голова невольно склонялась и сознаніе оставляло меня... Но что это движется тамъ впереди? Да это верблюды... вонъ они тянутся одинъ за другимъ, качая своими длинными шеями, то опуская внизъ головы, какъ будто скусывая что-то по дорогѣ, то высоко ихъ поднимая, поглядываютъ по сторонамъ... какъ плавно шагаютъ, убаюкивая меня словно въ люлькѣ...

Спалъ я довольно долго, какъ убитый и когда проснулся, то было уже часовъ 8 вечера. Солнце медленно опускалось за горизонтъ, обливая пурпуромъ синѣвшіе вдали гребни горъ (то были отроги Акъ-Уйрекскаго хребта — какъ объяснилъ мнѣ Нысанъ Кебековъ). Караванъ по прежнему медленно подвигался по безбрежному морю песковъ, но было замѣтно общее утомленіе и глаза всѣхъ иѣть да и посмотреть на караванъ-баша. Онъ, въ свою очередь, высматривалъ во всѣхъ направлѣніяхъ мѣсто, удобное для остановки и отдыха, т. е. мѣсто съ наиболѣшимъ количествомъ корма для верблюдовъ.

Но вотъ опытный глазъ Кебекова отыскалъ, что было нужно, съ молча поверотилъ своего верблюда въ сторону, молодые члены нашего каравана тотчасъ-же, какъ-бы по

взаимному соглашению, съ радостными криками разсыпались палово и нальво собирать сухие корни, аргалъ (кизякъ) и другое горючее.

Слѣзть съ сѣдла, разобраться и раскинуться на покой—дѣло нѣсколькихъ минутъ: веревки проворно развязываются, тяжелые тюки товаровъ снимаются съ верблюдовъ и складываются въ высокія груды и бивуакъ готовъ.

Я въ особенности ясно помню эту третью ночевку нашего каравана, отдыхавшаго въ Азіатской степи за сотню слишкомъ верстъ отъ всякаго цивилизованнаго міра. Во вторую ночь, какъ сказано выше, мы останавливались не надолго, но теперь верблюдамъ надо было дать больше продолжительный отдыхъ.

Скоро верблюды были связаны по 4 и по 5 вмѣстѣ. Дѣлается это обыкновенно такъ, что веревка, продѣтая сквозь верхнюю губу одного, привязывается къ хвосту другого и такимъ образомъ составляется кружокъ; отойдя на некоторое разстояніе, но однако не теряясь изъ вида, „корабли пустыни“ весело жевали бижгунъ и жусканъ и сосали сочный волчецъ. Левашевъ, принявъ на себя роль распорядителя, грозно покрикивалъ на киргизовъ:

— Кульчиганъ, таши, сучій тысынъ, скорѣе турсукъ-то *). су керекъ, ну живва!

— Хазыръ, Иванъ-бай, хазыръ булады! (сейчасъ, сейчасъ будетъ!) и услугливый Кульчиганъ стремительно бросался исполнять приказаніе, побуждаемый не столько грознымъ окрикомъ Иванъ-бая, сколько надеждой, что авось и ему перепадеть чашка-другая чаю, до котораго онъ былъ большой охотникъ.

— Николай Иванычъ, это, не желаете-ли ромпу хватить, знаете, съ устатку?—обратился ко мнѣ Тельжниковъ, предупредительно протягивая посудину.

*) Турсукъ—большой, часто въ нѣсколько ведеръ объема, изъ тонкой баранины или козлиной цѣлой шкурѣ мѣшокъ; въ немъ перевозится вода (су). Керекъ—впечатъ падо.

— Спасибо, Семенъ Никитичъ; не хочется пока, по-поздне разѣ.

— Напрасно, это... а я, признаюсь, давеча, знаете, хватилъ того этого... да всю почтай дорогу это и спаль знаете, какъ сурокъ, слони, даже потекли это, знаете...

— И я спалъ все время... Подсаживайтесь сюда!—прогласилъ я его и мы растянулись на паласѣ *), разостланномъ на пескѣ.

Между тѣмъ, большой медный чайникъ привѣтливо звонилъ и весь съ наслажденіемъ ждали момента, когда можно будетъ тянуть драгоценную влагу. Эта драгоценная влага, вирочемъ,—ничто иное, какъ зеленоватая, часто мутная водица; а между тѣмъ человѣческое искусство еще не открыло пищи, не изобрѣло нектара, который бы былъ такъ пріятенъ и действовалъ столь благотворно въ степи, какъ этотъ незатѣйливый напитокъ. Я помню его удивительное влияніе: проглотишь, бывало, чашку-другую и чувствуешь въ жилахъ отрадную теплоту, какой-то живительный, восстанавливающій огонь. Послѣдующія чашки дѣйствуютъ на сердце и на голову; глаза начинаютъ горѣть, блестѣть, чувствуется невыразимая вѣга, какая-то истома комфорта...

Подкрѣпивъ силы чаемъ, караванъ нашъ мало-по-малу становился дѣятельнѣе и шумиѣ. Киргизы разбились на нѣсколько кружковъ и въ каждомъ такомъ кружкѣ тотчасъ же отыскалось какое-нибудь дѣло: поваръ Куллашка усердно мыслилъ черное тѣсто, чтобы приготовить баурсаки **). Онъ позанился такимъ образомъ съ полчаса, а руки все еще оставались грязными, потому что массы тѣста недостаточно было, чтобы поглотить грязь, накопившуюся въ теченіе яѣсколькихъ дней. Старшіе занялись кто починкой, кто просто сидѣлъ и, въ ожиданіи ужина, съ любопытствомъ смотрѣлъ въ громадный котелъ, въ которомъ кипѣла какая-то бурда.

*) Паласъ—родъ ковра, только грубѣй.

**) Мелко изрѣзанное, крутое прѣсное тѣсто, сваренное въ бѣлчесомъ салѣ.

Молодежь веселилась. Въ одномъ кружкѣ раздались звуки кобуза *) и поглились заунывой, душу трогающей нотой среди торжественной тишины чудной Азиатской ночи.

Спать никому не хотѣлось, благо днемъ чуть не восемь часовъ занимались этимъ дѣломъ. Къ ночи стало прохладѣе. Темнота быстро наступила послѣ заката солнца и какая темнота—настоящая тропическая—хоть глазъ выколи! А на темномъ, почти черномъ небѣ ослѣпительно сверкали мириады брилліантовыхъ звѣздъ.

Семенъ Никитичъ, хвативши „ромцу“, началъ клевать носомъ, я же растянулся и наслаждался покоемъ; думать ни о чёмъ не хотѣлось. Въ молодости часто бываютъ такія минуты...

— Что за чудо эта гора Темирчи: Ѣдешь, Ѣдешь до нея—и никогда нельзя доѣхать!—сказочнымъ тономъ, нѣсколько нараспѣвъ началъ какое-то повѣствованіе старый Уразъ-Аталыкъ-Магома.

— Говорять, на ней, на самой вершинѣ чудеса-то бываютъ?..

— И еще какія! О, единый Аллахъ! настоящія чудеса...

Спрашивавшій подвинулся поближе и съ очевиднымъ любопытствомъ задалъ новый вопросъ.—А что же такое? Расскажи, бабай.

Бабай Магома нѣмного подумалъ, заложилъ себѣ за губу **) шюхательного табаку и отвѣчалъ вопросомъ:

— А ты слыхалъ про кузницу Темеръ-Ленка? (такъ называютъ киргизы Тамерлана).

— Слыхать-то слыхалъ... да что-жъ тутъ особеннаго? Наковальня, какъ наковальня, да еще и есть ли она тамъ?

*) Кобузъ—музыкальный инструментъ въ видѣ небольшой віолончели съ двуми волосяными струнами. Есть и другой—саазъ, круглая, дынеобразная балалайка съ длиннымъ тонкимъ грифомъ и четырьмя струнами.

**) Киргизы и сарты любятъ жевать табакъ, закладывая его подъ языки или между щекой и десной. Вместо табакерокъ употребляются маленькие флякончики изъ тыквы-горлянки.

— Всѣ говорятъ...—вмѣшался лауч Насырка.

— Да говорить-то разно: иные сказываютъ, что она желѣзная, еще будто бы пополамъ съ мѣдью, а другіе—будто просто камень, похожій на наковальню. Ну а кто ее видѣлъ? Ужъ полно, есть ли она тамъ, говорю?!

— Есть ли она тамъ?.. Когда бы не было, такъ бы и вѣковали на ней.

— Да кто же тамъ куетъ?

— А кто его знаетъ! Слышно только по почамъ—тукъ, тукъ, тукъ!

— Вотъ что... ты слышалъ?

Мулла Уразъ-Аталыкъ-Магома нѣмного замялся, но, впрочемъ, отвѣчалъ утвердительно и, минуту спустя, добавилъ:

— Жертвы бы не стали приносить даромъ горѣ, коли бы на ней не было этой наковальни.

Но слушатель должно быть былъ большой скептикъ: онъ презрительно улыбнулся и сказалъ:

— Жертвы! Какія-жъ это жертвы!? Сотни байгушей собираются къ горѣ, заколютъ барана, да потомъ и цоскачутъ на лошадяхъ; спѣшатся бороться, а затѣмъ и разойдутся. Это на каждой байгѣ такъ-то бываетъ. Нѣть, вотъ у насъ другое дѣло...

— А у васъ что?

— А развѣ не слышали вы про гору Чингизъ-тау?

— Поятное дѣло не слышали!—вмѣшался опять лауч Насырка,—гдѣ-жъ имъ слышать про что-нибудь хорошее...

— А ты, пріятель, помолчи, когда старшіе разговариваютъ!—оборвалъ лаучу рассказчикъ Менды-бай.

— Я слыхалъ, да только въ толкъ не возьму, какъ было дѣло-то!—отвѣчалъ старый Магома.—Расскажи!

— Чингисъ-ханъ около этой горы охотился; истомился, пить захотѣлъ, а чашки не было. Людишки гдѣ-то поостали, должно быть въ лѣсу растерялись. Вотъ онъ и думаетъ, какъ ему быть! Смотрѣть, а чаша предъ нимъ готовая чаша и какъ разъ по немъ... и теперь эта чаша на горѣ Чингизъ-тау находится...

— Ты видѣлъ?—поинтересовался въ свою очередь мулла Уразъ-Аталькъ.

— Видѣлъ!—не заскучнувшись отвѣчалъ Менды-бай и началъ торопливо описывать свалившуюся съ неба чашу.

— Ведерь въ пятнадцать будетъ; сдѣлана изъ смѣси желтой и красной мѣди и чугуна. Когда къ ней приносятъ жертвы, такъ самъ Магометъ присутствуетъ; настоящій Магометъ, а не то чтобы что-нибудь другое...

Кругомъ накаплялись слушатели и жадно ловили каждое слово рассказчика, а тотъ продолжать, сильно поощренный вниманиемъ:

— Да еще говорятъ, что не надо и жертвы нести: придутъ на гору, а чаша уже полна и молока, и чаю, и сластей, а кто наполняетъ ее—неизвѣстно! Только смотрять: на какую сторону перельется молоко, въ той сторонѣ и благодать въ тотъ годъ...

— Ахъ онъ собака!—ахъ, стерва ты этакая! о-о-о!—вдругъ произительно, на всю степь заоралъ Левашевъ.

Мы всѣ повскакали съ мѣстъ и бросились къ Иванъ-баю, раздались тревожные вопросы: что такое? кто его? Чего онъ закричалъ? и т. д.

Оказалось, что Левашевъ неосторожно легъ прямо на песокъ, не подоставъ паласа, и его ужалилъ скорпіонъ.

Въ Туркестанскомъ краѣ отдѣль вредныхъ животныхъ представляетъ большое разнообразіе и паносимый ими вредъ весьма великъ. Къ пимъ принадлежать массы комаровъ и слѣпней, скорпіоны, фаланги, тарантулы, каракурты, ришта, саранча и проч. Всю массу видовъ насѣкомыхъ нѣсколькими именами охарактеризовать невозможно. Укушеніе скорпіоновъ и фалангъ не смертельно, хотя и причиняетъ мучительную боль (особенно если укушеніе произошло въ сильный жаръ, обусловливающія наибольшее развитіе яда у этихъ насѣкомыхъ). Укушеніе „каракурта“ (*Ladrodetes lugubris*) этого небольшаго чернаго научка, похожаго на тарантула, смертельно какъ для человѣка, такъ и для животнаго; даже рослый, здоровый верблюдъ, укушенній этимъ

ничтожнымъ насѣкомымъ, гибнетъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Дѣйствіе яда, сопровождающееся судорогами, особенно сильно проявляется на шейныхъ мускулахъ.

„Ришта“, или гвинейской червь (*Tilapia madagascariensis*) распространена въ Сыръ-Даринской области всюду. Находясь въ мелкихъ, безцѣнныхъ животныхъ, наполняющихъ загрязненный воды, зародыши ришты падаютъ въ жѣлудокъ человѣка вмѣстѣ съ водою, развиваются въ кишечномъ каналѣ, чрезъ ткани тѣла идутъ подъ кожу, гдѣ по истечениигода, принимаютъ видъ тонкаго червя, достигающаго иногда до полутора аршинъ длины. Извлеченіе червей изъ тѣла очень трудно и требуетъ много времени и искусства. Единственное средство избѣжать этого животнаго—не пить сырой воды, а непремѣнно прокипяченную. Скорпіонъ укусилъ Левашева въ локоть правой руки; страшная, рвущая боль заставила его простонаТЬ цѣлую ночь, къ утру же вся рука представляла безобразную, распухшую массу.

— И какъ это ты, Иванъ, не поберегся?! Вѣдь ужъ кому-кому, а тебѣ то слѣдовало бы знать, что зря на землю ложиться не годится!—укорялъ его Нысанъ-Кебековъ.

Левашевъ только зубами скрежеталъ да ругался на всю степь. За то Семенъ Никитичъ навострилъ, что называется, уши и обращался почти ко всемъ съ разспросами:

— Это, того... бай, какъ тебя... значить, средство какое-нибудь есть отъ гнусу, знаете, а?

— Какой гнусъ?

— По нашему, это... того, гнусъ, то есть значить на-примѣрно скорпіоны, аль фаланги эти называются..., того, это, можно отъ нихъ уберечься, значить?

— Аллахъ на то человѣку и разумъ даль, чтобы онъ зналъ, какъ беречь себя...

— А того, какъ же это, значить?.. то есть на-примѣрно что же надо предпринять?—нетерпѣливо допытывался трусливый Семенъ Никитичъ.

— Средство самое простое: надо разжечь костеръ, а по-томъ вынести это мѣсто на чисто, разослать паласъ и тогда

*

спи спокойно, лихоманки не будетъ и ни одна моска не заползть на волосяные паласы!—неожиданно посовѣтовалъ пострадавшій Левашевъ и выругался самой клейкой бранью. При этомъ миѣ невольно вспомнилась пословица: русскій заднімъ умомъ крѣпокъ. О, милые, русскіе люди! Вездѣ-то вы одинаковы: авось, небось да какъ нибудь—вотъ вашъ вѣковѣчный девизъ.

Поговоривъ еще на тему о различныхъ насѣкомыхъ, всѣ мало-по-малу разошлись и вскорѣ караванъ нашъ погрузился въ сонъ. Слышались только стоны оплошавшаго Левашева, да лѣнивое чавканье полусонныхъ верблюдовъ, медленно жевавшихъ свою постоянную жвачу. Уже яркое созвѣздіе Ориона довольно высоко поднялось надъ головою на востокѣ протянулась свѣтлая полоска—первый предвѣстникъ скораго разсвѣта,—когда я заснулъ, завернувшись съ головой въ теплое адрессное одѣяло.

VIII. Быть киргизовъ.

Киргизы *), какъ извѣстно, ведутъ кочевую жизнь. Пере-кочевки съ мѣста на мѣсто совершаются весьма часто, смотря по состоянію кормовыхъ травъ. Ауль останавливается на мѣстѣ мѣсяцъ, иногда меныше. Каждый киргизъ водїще старается распредѣлить свои кормы такъ, чтобы ихъ хватило его стадамъ въ теченіе года, причемъ вытравлять кормъ чужихъ ауловъ строго воспрещается.

Зимою степные животныя сами часто разрываютъ снѣгъ копытами; киргизы этимъ пользуются, для чегопускаютъ сперва лошадей, а потомъ прочій скотъ. Это называется „тебепевкой“. Въ гололедицу, когда степь покрыта слоемъ льда, добываніе кормовыхъ травъ изъ—подъ снѣга становится труднымъ и скотъ отъ того худѣетъ **).

*) Кир—значитъ поле, газъ или газ—происходитъ отъ корня глагола *тозмек*—странистовать. Слово *киргизъ* значитъ человѣкъ странствующій по полямъ, кочевникъ.

**) Въ 60-хъ годахъ, когда русскія войска подвигались въ глубь

Скотоводство составляетъ главное занятіе киргизовъ, за-нимъ слѣдуютъ звѣринный, рыбный и соляной промыслы. Киргизы также любятъ охоту, но ружья еще и по настоя-щее время у нихъ не особенно распространены и, но боль-шей части, они охотятся при помощи собакъ и нарочно къ тому обученныхъ хищныхъ птицъ (ястребовъ, соколовъ и беркутовъ). Точно опредѣлить количество охоты на всемъ пространствѣ степи невозможно; но, сообразжаясь съ дан-ными таможенного вѣдомства, можно сказать, что этотъ промысел доставляетъ киргизамъ ежегодно по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Главные предметы промысла: лисица, горностай, выхухоль, куница, сайчакъ (родъ дикой козы) и проч. Изъ птицъ всѣ роды дичи: фазаны, лебеди, гуси и т. п. Рыболовство производится также въ громадныхъ размѣрахъ. Во многихъ рѣкахъ (Тургай, Эмба, Сырь-Дарья, Или, Чу и друг.) и озерахъ (Аральское и Каспійское моря, Акъ-Суатъ, Челкаръ-Тенгизъ, Балкашъ, Иссыкъ-Куль и проч.) можно найти чуть не всѣ породы рыбъ, начиная отъ осетровъ *) до плотвы и головлей (*Leuciseus dobula*). Можно безъшибочно сказать, что на Оренбургскую и Си-бирскую линіи вывозится ежегодно разной рыбы на сумму свыше ста тысячъ рублей.

Солянымъ промысломъ занимаются также многіе изъ киргизовъ. Благодаря множеству степныхъ, самосадочныхъ озеръ, ежегодно сбываются на помянутыя выше линіи до 600,000 пудовъ соли.

Туркестана, покоряя по дорогѣ города, снѣгъ въ степи почти весь стаялъ и наступившими всѣдѣ за симъ моровами сковало кара-кумы на сотни verstъ; скотъ погибалъ тысячами, не находя себѣ корму и азиатцы такое печальное явленіе прямо отнесли къ русскимъ, яко бы, занесшимъ съ собой смерть Божію. (Снѣгъ по киргизски—каръ) Аст.

Любопытно, что оригинальное мнѣніе, будто русскіе «приносятъ съ собою снѣгъ и зиму», приходилось и намъ слышать въ Туркменіи, а также въ Закавказіи. Прим. ред.

*) Въ рѣкѣ Чу встрѣчаются громадной величины сомы.

Сверхъ этихъ главныхъ занятій, киргизы промышляютъ, какъ мною и раньше замѣчено, извозомъ. Между киргизами уѣздовъ Казалинскаго, Перовскаго, Туркестанскаго и Чимкентскаго этотъ промыселъ развитъ особенно сильно, какъ дающій хозяевамъ верблюжьихъ стадъ больши барыши. Въ прежнее время имъ болѣе другихъ киргизскихъ колѣнъ занимались чумекеевцы (Малой Орды), возивши товары съ Оренбургской и Сибирской линій въ Бухару и Хиву; съ развитіемъ русской ввозной и вывозной торговли, послѣ занятія края, къ этому промыслу примкнули и другія колѣна Малой и Средней Ордъ, захвативъ въ свои руки, вслѣдствіе отсутствія конкуренціи со стороны осѣдлаго населенія, всю транспортировку кладей черезъ киргизскія степи, а также въ полосѣ осѣдлостей. Послѣднее обстоятельство объясняется исключительно отсутствиемъ сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія между многими торговыми пунктами Области. Хотя двухколесная туземная арба и не прихотлива на счетъ дороги, но и для нея требуется известная ширина дорожного полотна, мосты и проч., верблюдъ же проходитъ вѣздѣ: и по камышевымъ зарослямъ и по бурристой степи, изобилующей оврагами, и по зимней грязи. Не только въ степяхъ и пустыняхъ, куда извозчикъ-сары (арбакешъ) не можетъ проникнуть со своею арбою и лошадью, но и для сообщенія между осѣдлыми пунктами верблюдъ имѣть огромное значеніе. Кромѣ перевозки вьюкомъ, верблюды начали употребляться въ упряжку для перевозки громоздкихъ тяжестей. Раньше киргизы не имѣли объ этомъ никакого понятія и первые уроки получили на Орско-Казалинскомъ почтовомъ трактѣ, вслѣдствіе долговременного неустройства которого проезжающимъ для перебѣза Карапумскихъ песковъ приходилось прибѣгать къ найму верблюдовъ и приспособлять ихъ къ запряжкѣ въ экипажи. Въ упряженїи (оглобли привязываются за горбы) верблюдъ идетъ ровно и можетъ везти отъ 40 до 50 пудовъ.

Земледѣлемъ прежде занимались исключительно байгуши,

имѣвшіе мало скота, а затѣмъ въ 60-хъ годахъ стало замѣтиться, что и богатые изъ киргизовъ, отправляя свои стада изъ кочевки, начали воздѣлывать поля, огороды и бахчи. Конечно, работы эти, требуя безпрестанной поливки, или искусственныхъ орошеній, составляютъ, при неусовершенствованіи земледѣльческихъ орудій, такъ сказать, египетскій трудъ, котораго такъ не любятъ и всячески избѣгаютъnomads...

Внутренняя торговля въ стени довольно обширна и производится кромѣ укрепленій Оренбургской степи и городовъ Сибирской Семикаратинской областей, а также Сырь-Даргинскихъ фортовъ, во всѣхъ пограничныхъ форпостахъ и станицахъ. Какъ по преимуществу мѣновая, она имѣеть мѣриломъ своей цѣнности трехъмѣсячнаго барана, т. е. животнаго, достигшаго уже такого возраста, послѣ котораго цѣна его не быстро увеличивается. Конечно, такая мѣновая единица нѣсколько цѣнѣе на линіи, чѣмъ внутренняя, но это однако-жъ не мѣшаетъ киргизамъ сравнивать съ нею цѣнность прочихъ товаровъ. Вообще надо сказать, что киргизы, по природѣ ли своей, или отъ образа жизни, до сихъ поръ не выказали способностей къ коммерческимъ оборотамъ и далеко отстоятъ въ этомъ отношеніи отъ бухарцевъ, хивинцевъ и другихъ азіатцевъ. Поэтому торговля ихъ представляеть пока линію вымѣнъ избытка на необходимое.

Киргизы считаются магометанами Суннитской секты, но они такъ слабы въ своей религіи и такъ равнодушны къ ней, что составляютъ самый низшій разрядъ мусульманъ. Это однако-жъ не даетъ права заключать о томъ, чтобы они не были способны къ фанатизму: нѣтъ, напротивъ, исторія указываетъ, что этотъ правственно-религіозный двигатель, общій всемъ восточнымъ народамъ, проявлялся весьма часто и между ними. Религіозныхъ обрядовъ у нихъ мало, по крайней мѣрѣ, таковыя весьма мало соблюдаются. Намримиръ, въ Оренбургской стени нѣтъ ни установленныхъ отъ правительства муллъ, ни мечетей, по некоторыя

лица берутъ на себя обязанности богослуженія и называются въ народѣ муллами. Не многіе изъ таковыхъ получили религіозное образованіе въ Бухарѣ или Самаркандѣ, а большинство знаетъ только читать и писать по татарски, да на арабскомъ языке нѣсколько молитвъ изъ корана. Пользуясь уваженіемъ къ своему сану, нѣкоторые изъ муллъ имѣютъ вліяніе на народѣ, присутствуютъ при важнѣйшихъ домашніхъ и общественныхъ событіяхъ, но другіе совершаютъ только обряды при бракахъ, похоронахъ и т. д., что у киргизовъ весьма часто обходится и безъ муллъ. Народѣ не любить постовъ, но молится весьма охотно; Изъ молитвъ соблюдаются, впрочемъ, только утренняя „Намазъ-баумдатъ“ и вечерняя „Намазъ-хұфтинъ“, остальная же, предписываемая кораномъ, киргизы пропускаютъ. Въ числѣ постовъ у нихъ болѣе въ уваженіи „Ураза“, кончающаяся „курманъ-байрамъ“ (известный магометанскій праздникъ). Но рѣзче всѣхъ праздничныхъ обрядовъ у киргизовъ „тризна“ (поминки мертвыхъ), которая иногда становится народнымъ торжествомъ. На поминки по богатому и знатному киргизу стекается нѣсколько тысячъ единовѣрцевъ, а самое распоряженіе этимъ широмъ поручается кому-нибудь изъ біевъ или султановъ. Гости такихъ поминокъ раздѣляются на младшихъ и почетныхъ. Первые угощаются и даже кормятъ изъ собственныхъ рукъ послѣднихъ; прислуга же, байгуши, а также и женщины довольствуются обѣдками. Послѣ угощенія начинаются игры: джигитовка, стрѣльба, скачки, борьба силачей и проч. Самая забавная игра, въ которой участвуютъ оба пола, состоитъ въ томъ, что молодая девушка скачетъ на конѣ отъ своихъ преслѣдователей, которые стараются её догнать и поймать. Если девушка обладаетъ ловкостію смѣлой наездницы, то игра эта возбуждаетъ общій смѣхъ, когда степная амазонка, увертываясь отъ молодыхъ людей, осыпаетъ ихъ ударами ногайки. За джигитовку, скачки и искусственную стрѣльбу выдаются призы.

Такія поминки бываютъ спустя сорокъ дній или черезъ

годъ послѣ смерти. Могилы дорогихъ сердцу родственниковъ или батырей насыпаются въ видѣ большихъ кургановъ, а скрываемые ими остатки почитаются нерѣдко святыми. Если покойный при жизни чѣмъ-нибудь славился— богатствомъ или удальствомъ, а по смерти оставилъ хорошее состояніе, то на могилѣ его совершаются жертвоприношенія, состоящія изъ разныхъ костей головъ и роговъ. Обративъ такимъ образомъ общее вниманіе на подобную могилу, причисляютъ потомъ усопшаго къ святымъ.

Похороны сопровождаются воемъ и плачомъ всей семьи умершаго. Покойника одѣваютъ въ лучшее платье и завертываютъ въ холстъ. Могильная яма устраивается такъ, чтобы земля не давила трупа, для чего яму покрываютъ накатникомъ или въ одной изъ сторонъ ея дѣлаютъ углубленіе, достаточное для помѣщенія покойника. Мулла читаетъ молитвы при выносѣ и погребеніи. Домашній вой и плач продолжаются по утрамъ и вечерамъ въ теченіе года.

Домашній бытъ киргизовъ незавиденъ по обстановкѣ. Живутъ въ юртахъ (желомейкахъ) какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Одежда ихъ состоитъ изъ „чапана“ (родъ халата изъ бумажной или другой матеріи) и „чембаръ“ (широкихъ шароваръ изъ бараньей кожи), часто расшитыхъ шелками или окрашенныхъ въ желтую краску. Только зажиточные носятъ рубашки, а байгуши (бѣдняки) ладѣваютъ чапанъ прямо на голое тѣло. Бритая голова покрывается тюбетейкой и остроконечной мѣховой высокой шапкой (малахай) съ широкою шишкою на затылкѣ. На ногахъ кожаные, съ острыми загнутыми носками и высокими каблуками, сапоги; иногда сверхъ того калоши (ичиги). Чапанъ перетягивается цоясомъ (калта) съ разными привѣсками: огнивомъ, ножомъ, сумочкой для денегъ и проч.

Женщины одѣты почти въ такой-же чапанъ, только безъ разрѣза спереди. Голова ихъ обматывается холстомъ въ видѣ цилиндра, косы заплетаются и украшаются разными побрякушками, въ числѣ которыхъ предпочтительне монеты. Обувь и поясе такие же, какъ у мужчинъ. Въ общемъ—

одежда киргизовъ некрасива и неопрятна и хотя богатые изъ нихъ одѣваются въ дорогие бархатные чапаны, вышитые золотомъ, но безобразіе затмѣваетъ цѣнность такихъ нарядовъ.

Домашняя утварь немногочисленна и состоитъ изъ деревянныхъ, кожаныхъ и металлическихъ сосудовъ. Глиняная посуда не въ употреблениі, потому что скоро бѣется. Нѣсколько стакановъ или чашекъ въ сѣмье—составляетъ роскошь. Кушанье варится въ котлы (казаны), который ставится по срединѣ кибитки; или виѣ едятъ на открытомъ мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ дымъ улетаетъ въ широкое отверстіе (тюндюкъ), оставляемое въ вершинѣ юрты. Имущество хранится въ сундукахъ русского издѣлія, разставляемыхъ по бокамъ кибитки и застилаемыхъ коврами или кошмами, (войлоками).

Пища и питье не разнообразны: наиболѣе распространенное кушанье, это—„баламыкъ“, для приготовленія кото-раго берется мука или рожь, иногда просо или ишеница, поджаривается въ салѣ и разводится водой. Хлѣбъ (пант) киргизы любятъ, но сами не пекутъ. Въ праздники дѣлаютъ „башбармакъ“, поджаривая мелко изрѣзанные куски мяса въ салѣ. Кроме того, у киргизъ приготовляется еще „кругъ“—родъ сыра изъ овечьего или другого молока. Главный и любимый напитокъ—кумысъ, который пьютъ въ большомъ количествѣ. Часто можно видѣть киргиза, жующаго измельченное просо, рисъ и т. п. прямо изъ горсти и, несмотря на свою прожорливость, многие изъ нихъ, отираясь въ путь, ничего не берутъ съ собой, кроме нѣсколькихъ горстей рису.

Домашнее хозяйство—въ рукахъ женщинъ, мужчины же, обыкновенно, ничего не хотятъ знать въ домѣ, кроме своего коня, да и того зачастую ловитъ ему въ табуинѣ и осѣдлываетъ жена. Киргизъ лѣнивъ и беспеченъ и, если домашнія дѣла идутъ хорошо, рѣдко бываетъ дома. Обычай угощать проѣзжаго за хорошія вѣсти сильно распространенъ; вѣроятно дѣлать это заставляетъ любопытство и желаніе разузнавать

какія-нибудь новости и сообщать ихъ одноаульцамъ. Чрезъ это выходитъ, что едва выѣдетъ въ степь кто-либо изъ русскихъ военно-служащихъ съ линіи, какъ уже мгновенно отъ Урала до Сырь-Дарьи начинается передача, какъ-бы по телеграфу, этого событія. Поэтому нельзя удивляться, что киргизы хорошо знаютъ о ходѣ дѣлъ не только въ Оренбургѣ, но въ Хивѣ, Бухарѣ и Кокандѣ.

IX. Охота въ пустынѣ.

Нысанъ Кебековъ проснулся первый. Плеснувъ изъ мѣднаго кумгана воды себѣ на руки, онъ сдѣлалъ утреннее омовеніе, сотворилъ намазъ (молитву), оборотясь лицомъ къ востоку и началъ громко поднимать караванъ.

Какъ приказание отдохнуть было принято весело и радостно, такъ непріятно и печально отозвался на всѣхъ сигналъ къ продолженію пути. Верблюды однако-же первые явились на зовъ караванъ-баша, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ; они сами остановились возлѣ тѣхъ тюковъ съ товарами, которые были на нихъ навьючены. Чрезъ какихъ-нибудь три четверти часа караванъ уже двинулся. На мѣстѣ стоянки, кроме нѣсколькихъ обглоданныхъ до чиста костей и обуглившихся остатковъ, костровъ, ничего не осталось.

Скоро взошло солнце и озарило однообразную мертвую степь.

— А что же я не вижу горъ, которыхъ вчера были во мнѣ тамъ?—обратился я къ Кебекову.

— Опѣ вѣдь остались, теперь горы долго не встрѣтимъ.

— А намъ все-таки придется вѣхать черезъ горы?

— Не одинъ разъ. Этотъ же хребетъ, который теперь уклонился, пересѣчемъ дважды: подъ Басъ-Фарабутакомъ и Джалтыръ-Бузомъ. Только это еще не скоро будетъ.

— Неужели же до тѣхъ поръ все степью пойдемъ?

— Все степью. На-дняхъ, впрочемъ, на колодцы Тендерли пріѣдемъ, такъ около ихъ сопка небольшая есть—Бакбау называется...

Мы замолчали. У Ивана должно быть унялась боль, онъ бодро щжалъ на своемъ ворономъ красавцѣ и даже затянуло было: — „высота-ль, высота поднебесная“, да сей-часъ же оборвалъ: лѣпъ одолѣла.

— Тюра, ей, тюра! гляди-ка... — подбѣжалъ ко мнѣ мальчуганъ Басантіевъ.—Ну-ка, достань его своимъ мултукомъ!

Я взглянулъ по указанію вытянутаго пальца, и увидѣлъ, какъ высоко надо мню, распластавъ крылья, почти неподвижно стоялъ въ воздухѣ большой орелъ (стервятникъ — какъ зовутъ его въ степи).

— Надаль гдѣ-нибудь лежить! — замѣтилъ какъ-то сумрачно караванъ-башъ и мнѣ показалась какая-то тревожная нота въ его голосѣ.

— Пожалста, тюра, достань! — приставалъ мальчишка.

У меня былъ отличный английскій нарѣзной фальконетъ, да и мишенъ-то ужъ очень соблазняла; я соскочилъ съ верблюда, прицѣлился, — и сухой, обрызгистый выстрѣлъ, можетъ быть въ первый разъ огласилъ эту безконечную песчаную степь. Орелъ дрогнулъ, судорожно взмахнулъ крыльями и, какъ-то бокомъ, быстро сталъ опускаться на землю. Пролетѣвъ такимъ образомъ нѣсколько сажень, онъ вдругъ, сложивъ крылья и перекувыркнувшись раза два, тяжело шлепнулся, — въ ясокъ. Басантіевъ гикнулъ и понесся къ нему; оказалось, что пуря перебила орлу щечу. Птица была весьма основательной величины, какого-то темнобураго цвѣта съ острымъ и горбатымъ клювомъ. Семенъ Никитичъ также подошелъ, съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ, и, покачавъ, головой, началъ укорять меня въ безполезномъ убийствѣ.

— Это, напрасно, знаете, пресѣкли жизнь... оно, скажемъ, птица вредная, а все же того, этого... сказано: „ни единатварь да не погибнетъ отъ рукъ твоихъ“.

Хотя текстъ этотъ и не вполнѣ подходилъ ко мнѣ, какъ къ охотнику, но я сознавалъ, что убийство было совершено напрасно и потому отъ упрековъ Тельжниковъ почувствовалъ себя виноватымъ вдвое; зато Басантіевъ находился

въ неописанномъ восторгѣ: онъ скакалъ, прыгалъ и съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ на мой мултукъ, такъ далеко сразившій птицу.

— А что, знаете, я думаю, это и выпить по маходѣской можно, того этого? — обратился совсѣмъ ужъ любезно ко мнѣ Тельжниковъ, но я опять отказался.

— Помилуйте! да какъ же это... того, въ настюшествіи и не пить?! — удивился онъ.

— Ну, знаете, я за васъ это одинъ выпью!.. — И Тельжниковъ, отвинтивъ стаканчикъ, служившій въ то же время и пробкой, отъ большой дорожной фляги, налилъ его и моментально опрокинулъ въ горло живительную влагу.

— Славный напитокъ, знаете, оживляющій, этого, того... — сталъ расхваливать Семенъ Никитичъ, — выпьешь это и какъ будто, знаете, бодрѣе станешь... э-эхъ, какъ это вы, Николай Иванычъ, право это того...

— Не хочется, жарко; къ тому же я утромъ и пить совсѣмъ не могу.

— Приходится одному, знаете... — какъ бы съ сожалѣніемъ произнесъ онъ и опять налилъ стаканчикъ. Залпомъ проглотивъ водку, Семенъ Никитичъ крякнулъ и проговорилъ.

— А теперь того, это и закусить, знаете, можно. Жалко очинно, что я это мало захватилъ закусокъ-то. Есть, знаете, сардинки, да это того совсѣмъ не тотъ каленкоръ.

— У меня ветчина есть, не желаете ли?

— Благодарю, Николай Иванычъ! только это, знаете... теперь бы мнѣ чего-нибудь солененькаго или кислененькаго... — сладострастно мечталъ Тельжниковъ, — дичинки бы тоже это не худо, знаете, раздобыть! эхъ, ежели бы это, напримѣрио, вместо стервятника-то, знаете, вы хоща бы рябчиковъ, это, настрѣяли!

— Погодите, авось и рябчики попадутся.

— Будемъ подождать! — съостриль Семенъ Никитичъ и добавилъ, — а теперь, знаете, пойду и спать лагу; это я всю ночь почитай не спалъ.

— Отчего же?

— Гнусу много, знаете. Теперь меня Левашевъ, это, напугалъ.. днемъ спать буду.

— Ну, пріятныхъ сновидѣй вамъ желаю.

Солнце поднималось все выше и выше; и опять, какъ и вчера, и третьего дня, люди начали клевать носомъ. Одни верблюды неизмѣнно шли впередъ медленнымъ и ровнымъ шагомъ, безъ остановки, покачивая длинными шеями и обводя окрестность своими томными глазами. Позади меня бѣхъ киргизъ Байтакъ и пѣлъ какую-то тихую пѣсню. Я вслушался. Байтакъ пѣлъ:

„На берегахъ Дарьи лѣтомъ гулялъ бѣлый конь; хозяинъ замѣтилъ его горячій норовъ и крѣпкую стать и пустилъ въ бѣгъ на далекое разстояніе. При бѣгѣ у коня показывалась кровавая пѣна,—такъ сильно бѣжалъ онъ,—а когда узнавалъ на бѣгу своего хозяина, то становился еще прытче—совсѣмъ стрѣлой летѣлъ бѣлый конь! Хотя Дарья, рѣка глубокая, и покрывала водою всего верблюда, однако бѣлый конь пробѣгалъ черезъ рѣку только по колѣна въ водѣ. Его ноги не скользили по горамъ и скаламъ, и онъ догонялъ даже дикихъ козъ. Происходилъ бѣлый конь изъ табуна Темучина и.. былъ предметомъ удивленія всѣхъ тѣлохранителей великаго хана.. На праздникъ Курманъ-Байрамъ бѣлый конь семь разъ былъпущенъ въ бѣгъ и каждый разъ опережалъ другихъ коней; тогда онъ былъ еще молодъ, когда же достигъ совершеннаго возраста, то былъ отправленъ къ самому хану Чингизу. Тутъ коню были и холя, и пища, и пойло, только нѣжъся бѣлый конь, да роскошничай, а конь не Ѣсть, не пить: все думаетъ, какъ бы въ степь да па волю...“

Напѣвъ унылый, тихій, монотонный, но пріятный, отзывающійся въ душѣ чѣмъ-то близкимъ сердцу и знакомымъ.

Пѣсня смолкла; я дремалъ и едва различалъ неясный очеркъ Байтакова тѣла. Вдругъ влево отъ насъ послышался изъ-за песчаныхъ бархановъ звукъ, чрезвычайно похожій па пѣніе моего сосѣда. Протяжно застонало какое-то живое

существо и стоицъ этотъ оборвался болѣзnenной нотой; но чрезъ минуту снова послышался, но уже не одинъ.

Я мгновенно очнулся и стала вслушиваться. Даучча Байтакъ прислушался также и засмѣялся тихо, сквозь зубы:

— Кто это?—обратился я къ нему съ вопросомъ.

— Каскыръ! *)— отвѣчалъ киргизъ.— Ихъ много тамъ, должно быть падаль нашли.

А въ воздухѣ дѣйствительно что-то сильно попахивало; пѣть иѣть, да и попесеть такой мертвениной, что просто хотѣть носъ затыкай. Нѣмного погодя, Байтакъ снова затянулъ протяжную пѣсню, но уже на другой ладъ, про другого коня, кажется буланаго. Я слушалъ, слушалъ, затѣмъ задумался, а солнце дѣлало свое дѣло, поднимаясь все выше и выше... Вдругъ какіе-то новые звуки поразили мой слухъ:

— Что бы это могло быть?—подумалъ я и какъ бы въ отвѣтъ на это двѣ чернобрюхія птицы, съ куропатку величиною, быстро подлетѣли, сдѣлали вольть почти надъ самой моей головою и неожиданно опустились въ нѣсколькихъ аршинахъ, вытянувъ свои сѣро-желтые короткія шеи... Я хотѣлъ было достать ружье, но птицы быстро сорвались и съ трескомъ унеслись въ даль.

Я встрепенулся, сошъ разомъ какъ рукой сняло.

— Это карабауры, ихъ тутъ въ степи много!—сказалъ Байтакъ, и я началъ внимательно прислушиваться къ звукамъ степи. Вскорѣ пронеслась стороною новая пара и къ ихъ заунывному крику, такъ гармонировавшему съ однобразіемъ пустыни, присоединились почти такие же, но болѣе отрывистые, съ нѣкоторымъ задоромъ, доносившіеся со стороны степи. Это, какъ оказалось, летѣли „мургаки“ или малые рябки. Чрезъ минуту большая стая ихъ показалась высоко въ воздухѣ, а, поровнявшись съ нами, закричала сильнѣе, заиграла, при чемъ отдѣльные особи, производя рѣзкій шумъ, бросились внизъ, удивляя ловкостью и быстроностью своего несравненнаго полета. Я быстро вложилъ пат-

*) Водка.

роны, заряженные дробью, и выстрѣлилъ въ навернувшійся косячекъ. Мургаки вдругъ смолкли и исчезли въ степи, только одна птица пошла книзу, тяжело упала въ песокъ, разбросавъ цѣлую кучу рыхлыхъ, слабо державшихся перьевъ..

Рябки представляютъ собою самыхъ характерныхъ птицъ пустынь и степей центральной Азіи; ихъ три породы. Вотъ что говоритъ извѣстный зоологъ М. Богдановъ *): „въ восточной полосѣ пустыни и вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ ея, гдѣ есть родники или каки **), каждое утро прилетаютъ стаи красивыхъ птицъ, которыхъ наши охотники зовутъ степными рябками, или же степными куропатками. По всѣмъ чертамъ своей организаціи онъ, безъ сомнѣнія, принадлежать къ отряду куриныхъ, но многія черты въ образѣ жизни, иѣкоторыя явленія половой и семейной жизни, въ высшей степени напоминаютъ голубей. Каждый день, смотря по погодѣ и времени года, степные куропатки ощущаютъ жажду и летятъ пить на родники или „каки“. Чтобы совмѣстить эту потребность въ водѣ съ общимъ безводиемъ страны, въ которой онъ обитаютъ, у степныхъ куропатокъ выработалась способность къ быстрому и продолжительному полету. Если быстроту голубей опредѣляютъ отъ 60 до 70 верстъ въ часъ, то, безъ сомнѣнія, степные куропатки могутъ пролетать отъ 90—100 верстъ въ тоже время. Понятно, что при такомъ условіи они имѣютъ полную возможность гнѣздиться и жить въ такихъ мѣстахъ пустыни, отъ которыхъ вода находится въ разстояніи сотенъ верстъ. Самый обыкновенный видъ этихъ птицъ въ Кизиль-кумахъ—это „карабауры“ (*Pterocles aegagrius*). Въ меньшемъ числѣ, и преимущественно на родникахъ степныхъ горъ, являются пить красивые „куланба-

*) Описаніе Хивинскаго похода, вып. XII. Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кизиль-Кумъ.

**) „Какъ“—лужа дождевой воды, скопившейся на глинистой почвѣ; „каки“ попадаются въ открытыхъ песчаныхъ пустыняхъ.

уры“ (*Pterocles alchata* *). Какъ только пригрѣютъ (стѣль утренніе лучи солнца, вблизи родниковъ все яснѣе и яснѣе раздаются въ воздухѣ переливчатые горловые звуки (одни изъ немногихъ, которыми нарушается мертвая тишина пустыни): то несутся на водопой къ роднику стая за стаей карабауры, къ нимъ примѣшиваются звонкие крики куланбауровъ и отрывистое трещаніе „бульдуруковъ“ (*Syringoptes paradoxus* **). Длинныя крылья и округленное туловище указываютъ силу и быстроту полета, короткія ноги служатъ признакомъ того, что эти птицы также плохо ходятъ, какъ хорошо летаютъ. У бульдурука всѣ три пальца сро лись вмѣстѣ, въ одну сплошную лапку съ мозолистой подошвой, похожею на верблюжью, чего, кажется, нельзя найти ни у одной птицы. У карабаура и куланбаура пальцы, свободные на конечной половинѣ, срослись только у основания.

„Я слишкомъ далеко бы зашелъ, если бы вздумалъ польнять всѣ особенности организаціи этихъ красивыхъ, узорчатыхъ птицъ, а потому скажу лишь въ общихъ чертахъ обѣ образѣ ихъ жизни. Карабауръ и бульдурукъ водятся по преимуществу въ ровныхъ глинистыхъ и песчаныхъ стенахъ; куланбауръ любить скалистыя невысокія горы. Пища всѣхъ этихъ птицъ состоитъ изъ сѣмянъ различныхъ степныхъ травъ, особенно онъ любить сѣмена астрагаловъ. Весной всѣ эти виды разбиваются на пары. Гнѣздо ихъ представляется въ видѣ простой линки, безъ всякой подстилки, на глиниѣ или въ пескѣ, въ которую самка кладетъ три яйца. Яйца, формой похожія на голубиные, двѣтомъ бываютъ зеленоватыя, съ темными пятнами. Цвѣтъ и величина яицъ

*) Каланбауръ—значить буланое или соловое брюхо. Это название неизвѣстно въ культурныхъ оазисахъ; здесь малаго рябка зовутъ или мургакъ, или бульдурукъ.

Авторъ.

**) Это саджа. Вблизи культурныхъ оазисовъ именемъ „бульдурукъ“ называются всѣ три природы; такъ какъ саджи въ такихъ мѣстахъ рѣдки, то имя, бульдурукъ, въ частности приимѣняется къ мургаку.

представляютъ небольшия особенности у каждого вида. Молодые вылупляются изъ лицъ зрячими и покрыты густымъ, красивымъ и узорчатымъ пухомъ. Въ первое время они, однако, какъ и голубята, не могутъ ходить и остаются въ гнѣздахъ, пока не достигнутъ половины роста и не оперятся. Тогда они оставляютъ гнѣзда и начинаютъ бродить съ матерью и отцемъ по степи, гдѣ пріучаются отыскивать пищу:

Большой рябокъ или карабауръ, величиною съ самого крупнаго голубя, съ короткимъ плотнымъ тѣломъ; онъ весь сѣро-песчаного цвѣта съ красновато-желтымъ цвѣтомъ горла и груди, которая перерѣзана черною полоскою, брюхо черное, отъ чего онъ и получилъ свое название. Мургакъ меньше, съ полевую горлину, свѣтлѣе перомъ, пестрѣе и красивѣе первого; горло и грудь красноватаго цвѣта съ двумя черными тесемочками, брюхо и подбой крыльевъ бѣлаго цвѣта; острый хвостъ оканчивается двумя длинными перышками темнаго цвѣта. Рыхлое мягкое оперение на обѣихъ птицахъ держится очень слабо, что вмѣстѣ съ силою и энержией птицы дѣлаетъ стрѣльбу ихъ довольно трудною: съ плохимъ ружьемъ можно убить только тѣхъ, которыхъ налетаютъ шаговъ въ двадцать, да и то не всегда. Иной разъ рябокъ, весь израненный дробью, потерявъ множество перьевъ, съ раскрытымъ клювомъ, изъ которого каплетъ кровь, улетаетъ изъ вида и гибнетъ въ степи. Мясо ихъ вкусно только въ концѣ лѣта, когда они нагуляютъ жиръ, да и то его надо употреблять сильно прожаренное, чтобы уничтожить присущую ему жесткость.

Собственно бульдурукъ, или саджа, птица вполнѣ пустынная. Ея родина — величайшая пустыни Азіи: Гоби, пустыня Бассейна р. Тарима, Кизиль-Кумы и пески по лѣвой сторону рѣки Аму-Дары вплоть до Персидскаго залива. Изъ этихъ пустынь саджи предпринимаютъ иногда далекіе перелеты или путешествія, если такъ можно выразиться, и появляются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ о нихъ и не слыхали раньше, какъ, напримѣръ, въ Германіи и Франціи, о

чемъ упоминаетъ Брэмъ въ своей „Иллюстр. жизни животныхъ“. Въ Туркестанѣ, вблизи культурныхъ оазисовъ, онъ появляются совершенно неожиданно и держатся недолго, исчезая опять неизвѣстно куда.

Остальные двѣ породы, кроме песчаныхъ пустынь, весьма обыкновенны въ глинистыхъ, покрытыхъ тощую растительностью степяхъ и въ предгорьяхъ хребтовъ, окружающихъ пустыни и степи Туркестана. Сюда онѣ прилетаютъ съ юга очень рано весною, во второй половинѣ февраля, разбиваются на пары и приступаютъ къ гнѣзданью въ мартѣ и апрѣлѣ. Карабауры гнѣздятся вездѣ, мургаки же выбираютъ мѣстности повыше: бугристыя степи и предгорья, прилетая на водопой утромъ и вечеромъ парами на какую-нибудь степную рѣчку, озеро или просто на разливъ близъ иригационной канавы. Въ самый разгаръ лѣтнихъ жаровъ, въ іюнѣ и іюлѣ, въ степи и у водопоя появляются косячки молодыхъ, а въ августѣ мургаки сбиваются въ стаи и совершаютъ перелеты на живища полей, гдѣ и держатся до глубокой осени, т. е. до конца октября. Карабауры никогда не сбиваются въ стаи и держатся косячками въ 10—20 штукъ, а перелетовъ на поля, кажется, не дѣлаютъ: они толкуются около тѣхъ мѣстъ, гдѣ вывели дѣтей. Вылетая изъ голыхъ степей на поля, мургаки собираются въ миллионныя стаи, летятъ быстро и высоко, сѣрыми волнившимися облачками, оглашая воздухъ звонкимъ крикомъ и рѣзкимъ, шипящимъ шумомъ крыльевъ. Выбравъ подходящее мѣсто, они разбиваются на отдѣльные стаи, но и эти стаи настолько велики, что когда мургаки снимутся почему-либо, то издали они кажутся клубами сѣраго дыма, который стелется по степи... Чудный видъ представляютъ эти неисчислимые стаи въ своихъ перелетахъ на водопой! Въ противоположность лѣту, осенью такія стаи мургаковъ выбираютъ для водопоя мѣста открытые: широкія, гальковые розсыпи какой-нибудь рѣчки, вырвавшейся изъ горныхъ тѣснинъ въ долины; отмель на срединѣ рѣки Сыръ-Дары или большого степного озера. Часовъ съ девятымъ утра стая за стаей, ко-

сякъ за косыкомъ несутся мургаки на такое мѣсто, оглашая воздухъ крикомъ и шумомъ на далекое пространство. Мургаки съ налету садятся на край отмели, поспѣшино глотаютъ два-три глотка воды и сейчасъ же спимаются, чтобы уступить мѣсто другимъ. Если же мѣста мало, то мургаки бросаются прямо къ поверхности воды, черкаютъ по ней брюхомъ, хватаютъ двѣ три капли воды и взлетаютъ въверху. Стaiи волнуются какъ дымъ на сильномъ вѣтру, скучиваются въ упругое сѣрое облако, изгибаются гигантскою змѣею, играя на солнцѣ блѣмы подбоемъ крыльевъ... Напившись вдоволь, панигравшись и пакричавшись надъ водою, мургаки длинною кишкою улетаютъ въ степи, повторяя долгое время и здѣсь свои чудныя эволюціи... Странно видѣть такую массу бойкихъ, красивыхъ птицъ въ голой пустынѣ, наблюдать такое оживленіе молчаливыхъ степей... Глазамъ просто не вѣрится!..

X. Мученія отъ жары.

Выше я уже сказалъ, что съ меня сонъ сняло какъ рукой. Выстрѣль за выстрѣломъ оглашали пустынныя пески, вырывая каждый разъ виноватыхъ изъ налетавшихъ огромныхъ стай мургаковъ и косичковъ чернобрюхихъ рябковъ... Птица была непуганая, навертывалась близко, глупо и платилась за это жизнью. Стволы ружья сильно накалились, такъ что я обжигалъ уже себѣ пальцы, а Басантіевъ все кричалъ: „мона, тюра еще!“— и указывалъ рукою на новыя стаи. Я не зналъ куда дѣвать такую массу убитыхъ, но находчивый мальчишка быстро разрѣшилъ мое недоумѣніе:

— Ты, тюра, сними свою куйлюкъ, завяжи рукава, да и свалимъ птицу туда!— псовѣтовалъ онъ, указывая на мою блузу.

Между тѣмъ караванъ отошелъ уже довольно далеко впередъ и я таки ругнуль себѣ за жадность... Да развѣ удержаться можно, когда щельмы курлыкаютъ надъ самой головою и шипятъ своими острыми крылами?! Мы съ Басантіевымъ быстро приняли шагать, во ютъ скоромъ времени

до того устали, что по неволѣ пришлось сдѣлать отдыхъ. Ноги погружались въ песокъ, который обжигалъ даже сквозь сапоги.

— Квасу бы теперь сюда! кажется ведро бы выпилъ...— подумалъ я и самъ улыбнулся этому желанію.

А кругомъ было такъ хорошо! Безконечное, будто изъ расплавленного золота, море песковъ; небо, переходящее отъ огненнаго цвѣта у горизонта въ пурпурово-желтый, зеленовато-голубоватый надо мною,— и ни звука, ни вѣтерка! Чувство полнаго одиночества, отъ которого становится хорошо и жутко: кричи сколько хочешь, никого не дозволишься...

Много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло; измѣнились обстоятельства, истрепала меня жизнь, задавилъ гнетъ неудачъ, болитъ душа и ноетъ сердце и лишь временами эта пора вспоминается:

Какъ что-то сердцу дорогое,
Какъ сказка изъ минувшихъ дней,
Какъ память лучшаго былого,
Когда жилъ веселый...

Мечтать однако было некогда, караванъ почти ужъ скрылся изъ глазъ, и мы снова начали путешествіе.

— Басантіевъ, хочешь выстрѣлить изъ моего мултука?— предложилъ я своему спутнику, имѣя въ виду одну наклонившуюся мысль.

Глаза мальчишки такъ и разбѣжались отъ этого предложенія..

— Таиръ-джалгассенъ *), таиръ-джалгассенъ, тюра!

— Только вотъ что, я дамъ тебѣ выстрѣлить, а потомъ ты неси рябчиковъ до каравана, ладно, а?

Басантіевъ согласился и вскорѣ выстрѣль загремѣлъ, а я избавился отъ ноши. Прошагали съ добрый часъ, пока наконецъ, увидѣли караванъ, до котораго оставалось еще съ версту.

— Однако, что это такое? Вдали показались какія-то штиды,

* Спасибо.

чрезвычайно похожи на вороновъ. Неужели они здѣсь есть?!— подумалъ я и прибавилъ шагу. Чрезъ нѣсколько минутъ уже не оставалось никакого сомнѣнія, что чернѣвшія птицы были дѣйствительно вороны. Они кружились на одномъ мѣстѣ, то опускаясь на землю, то снова поднимаясь кверху. Караванъ остановился, и мы вскорѣ подошли къ нему, заткнувъ носы, потому что воздухъ былъ убийственный. Оказалось, что стадо воронья, перебывшее цѣлымъ островомъ, собралось около издохшаго верблюда, брошенаго, вѣроятно, за болѣзнью въ степи, какимъ-нибудь караваномъ. Кѣбековъ, впрочемъ, и говорилъ даже, что за пять дней до нашего отѣзда ушелъ большой караванъ, но за все время путешествія мы не встрѣчали ни малѣйшаго признака слѣдовъ. Однако, трупъ верблюда не изсохъ и даже не былъ растѣщенъ волками, значитъ, издохъ онъ недавно. Вороны отпрянули было и разлетѣлись съ зловѣщимъ карканьемъ, но вскорѣ снова собирались и нагло разсѣлись на трупѣ.

Грустная картина! Не дай Богъ никому умирать въ степи...

Мы двинулись далѣе, желая удалиться отъ смердящаго запаха, который долго еще провожалъ насъ. Но вотъ мало-по-малу воздухъ очистился.

Красиво разсыпались песчаные барханы, разнообразя степь причудливымъ формамъ своихъ вершинъ. Почва развертывалась, какъ вздутая юе-гдѣ вѣтромъ пелена. На сѣверо-востокѣ тянулась гряда возвышенностей Еркету и сливалась съ горами Мусъ-бель, довольно скалистыми, оставшимися отъ насъ влѣвѣ.

Воздухъ теперь былъ замѣчательно чистъ, и я вдыхалъ его полной грудью, находясь въ обаяніи чудного простора. А воображеніе неустанный работало; цѣлая вереница думъ охватывала его, заставляя усиленно биться сердце... Не помню, долго ли я находился въ состояніи забытья, спаль, или только задумался, какъ вдругъ совершенно ясно увидѣлъ на горизонтѣ зеркальную поверхность какой-то рѣчки; ел спокойная и гладкая струя ярко блестѣла на солнцѣ, маня своей прохладой. Я видѣлъ у ея берега и купу ивъ.

Низко склонившихся надъ водой, какъ бы любующихся своимъ изображеніемъ, отражающимся въ этомъ роскошномъ зеркалѣ; и стадо верблюдовъ, жадно глотающихъ студеную влагу; я совершенно ясно видѣлъ ихъ разнообразныя позы, вырисовывающіяся на водяномъ фонѣ, я даже невольно ткнулъ ногой верблюда, на которомъ Жхаль, желая поскорѣе добраться до этой рѣчки, какъ вдругъ... все впеванно исчезло. И эта вода, и эта влага, прохладу которой я уже ощущалъ, все—пропало. Наирасно я протиралъ глаза, не желая такъ скоро разстаться со своей мечтой—передо мной была все та же унылая равнина. Оказалось, что все это былъ обманъ моихъ чувствъ, обманъ зренія, утомленнаго monotонностью впечатлѣній. Все это былъ лишь миражъ,—явленіе столь обычное въ степи. Такіе миражи появлялись намъ не одинъ разъ.

Промежутокъ между горой Сандыкъ-Тау до озера Чуварь-Тениза представляетъ одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ переходовъ въ мірѣ.

Представьте себѣ безбрежное море песковъ, лишь изрѣдка, въ видѣ небольшихъ площадокъ, прерываемое такъ называемыми „такырами“ (оазисы солопцеватой глины),—и болѣе ничего. Съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя страшными бурями, съ другой зеркально-гладкой поверхности, слегка волнуемая тихимъ вѣтромъ. Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ—ни червя, ни жука; есть лишь слѣды угасшей жизни—кости погибшихъ здѣсь животныхъ...

Не даромъ переходъ этотъ зовется „Адамкирыланъ“ (т. е. мѣсто, гдѣ погибаютъ люди). Мрачный видъ моихъ спутниковъ въ продолженіе всего перѣзда до озера Чуварь-Тениза былъ лучшимъ доказательствомъ этого.

Несмотря на палящій зной, мы должны были идти до 15 часовъ въ день, чтобы скорѣе выйти изъ этой мѣстности, гдѣ была полная вѣроятность попасть подъ гибельное дѣйствіе „Теббада“ *), который на твердой равнинѣ

* Теббадъ—персидское слово и значитъ—лихорадочный вѣтеръ.

только мучить лихорадочными припадками, среди же песковъ Адамкирылгана въ одно мгновеніе можетъ засыпать всѣхъ. Мы не жалѣли бѣдныхъ верблюдовъ, хотя двое изъ нихъ, утомленные непосильными переходами, кое-какъ вѣчили поги.

Удушливый жаръ и безъ теббада отнялъ у всѣхъ людей и животныхъ силу, а тутъ еще, въ довершеніе несчастія, киргизъ Мусульманъ-Кулъ принужденъ былъ идти пѣшкомъ възвѣ своего ослабѣвшаго верблюда и, наконецъ, такъ рѣхорался, что мы должны были положить его на верблюда Кебекова, который хотя и чувствовалъ себя, повидимому, бодро, но тѣмъ не менѣе сильно задумывался. Большой Кулъ ежеминутно говорилъ: „воды, воды“. Жажда страшно томила несчастнаго, языкъ его былъ совершенно черенъ, нѣбо—серовато-блѣлаго цвѣта, впрочемъ, черты лица не слишкомъ исказились, только губы растрескались и ротъ былъ открытъ.

Я боялся, что вороны не ошиблись собраться; очевидно, онѣ чувствовали новую жертву...

Послѣ трехдневнаго пути по сыпучимъ пескамъ пустыни, мы должны были, наконецъ, достигнуть твердой равнины и увидать разстилавшійся къ сѣверу хребетъ Мусъ-Бель. Къ сожалѣнію, наши животныя не могли больше идти и мы провели еще четвертый день среди песковъ.

Междудѣй жара увеличивалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и отъ дѣйствія ея вода въ турсукахъ замѣтно уменьшалась. Это открытие заставило меня удвоить надзоръ за своимъ мѣхомъ, въ чёмъ мало-по-малу всѣ начали слѣдовать моему примѣру.

На четвертый день въ моей кожаной флягѣ оставалось не болѣе 5—6 стакановъ воды. Къ моему ужасу, жажда мучила нестерпимо и сопровождалась головной болью. Я чувствовалъ сухость во рту, языкъ сдѣвался словно суконный; я тотчасъ выпилъ половину моего запаса воды, думая этимъ спастись, но увы! жажда усилилась...

Къ полуночи, когда мы могли ясно отличить облако-образ-

ная очертаанія Мусъ-Беля; я почувствовалъ, что силы начали совсѣмъ оставлять меня. По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ горамъ, песокъ все болѣе и болѣе уменьшался и всѣ стали уже всматриваться—нѣть ли гдѣ желомейки, или стада, какъ вдругъ Кебековъ указалъ намъ на приближавшееся облако пыли и вѣтеръ носившіо сойти съ верблюдомъ. Умныя животныя уже знали, что это было приближающійся „теббадъ“; съ громкимъ ревомъ опустились они на колѣни, вытянули свои длинныя шеи, припали къ землѣ и старались спрятать головы въ песокъ. Только что успѣли мы прилечь сзади ихъ, какъ вѣтеръ съ глухимъ шумомъ пронесся надъ нами, покрывъ насъ слоемъ песка пальца въ два толщины; первыя песчаніки жгли, какъ искры. Застань насъ этотъ вѣтеръ раньше тремя десятками верстъ въ степи,—мы всѣ погибли бы...

Сухой песокъ забивался во всѣ поры. Должно быть, проникъ и въ легкія, потому что дыханіе становилось торопливое, перовное, а между тѣмъ жгучій вѣтеръ все усиливался и усиливался. Ему вторили завыванія шакаловъ и ревъ верблюдовъ.

Внутренности мои жгло адскимъ огнемъ, голова болѣла страшно и я уже началъ было впадать въ безпамятство, какъ вдругъ раздался громовой ударъ, а вслѣдъ за нимъ, почти моментально, запущенный дождь, по дождь душный и горячій, который, казалось, никакъ не оставлялъ, несмотря на то, что платье наше почти въ минуту промокло до нитки. Песокъ жадно всасывалъ дождевыя кашли и почва около насъ была совсѣмъ сухая. Но вотъ верблюды подняли головы, понюхали воздухъ и сами собой, безъ малѣйшаго понужданія, встали. Опасность миновала. Страшный „теббадъ“ пропесле.

— Нѣть Бога, кромѣ Бога, а Магометъ Пророкъ его!— вдохновенно проговорилъ Кебековъ,—и по его просыпѣвшій физіономіи я могъ убѣдиться, что мы спасены.

Дождь продолжалъ лить какъ изъ ведра. Половина пеба сияла радужнымъ свѣтомъ тогда какъ другая—была одѣта

разноцветными тучами, то окаймленными пурпуромъ, то черными, безпрерывно меняющимися въ фантастическихъ изображеніяхъ, среди которыхъ иногда видѣлась яркая лазурь неба. Радуги то и дѣло являлись то въ одномъ концѣ, то въ другомъ, описывая полныя дуги, въ два и три ряда съ чуднымъ фиолетовымъ отливомъ въ промежуткахъ, но вотъ опять испустились концами своими на землю, дождь сталъ затихать, небо стущевываться. На очищившемся синеватомъ горизонте показалась золотистая полоса и на ней кругъ склонявшагося къ закату солнца; ярко озаряло онокрай неба, едва достигая своимъ свѣтомъ высотъ его, которая блѣднѣли, блѣднѣли и, наконецъ, скрылись въ поднявшемся туманѣ...

XI. Остановка съ непріятными приключениями.

Мы довольно поздно пришли къ Чуварь-Тенизу, гдѣ и расположились на почлегъ.

Мусульманъ-Кулу становилось совсѣмъ плохо.

Его завернули въ нѣсколько войлоковъ и положили близъ разведенаго костра. „Авось отлежится!“ — проговорилъ Кебековъ. Вотъ ужъ поистинѣ справедлива фраза Гоголевскаго Землянику, что „если больной выздоровѣть, то и такъ выздоровѣть, а умреть, то и такъ умреть“ — невольно пришло мнѣ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, что мы могли подѣлать въ степи, не имѣя подъ руками ни малѣйшаго признака, какого-либо медикамента? Да и какая болѣзнь постигла бѣднаго киргиза? Вѣроятнѣе всего, что его поразилъ солнечный ударъ, а отсутствіе воды усугубило симптомы этой болѣзни. Киргизы вообще чрезвычайно равнодушно относятся къ несчастіямъ ближняго и это происходитъ не въ силу ихъ жестокосердія, а скорѣе въ силу фатализма. „Воля Аллаха!“ вотъ фраза, которую они объясняютъ всякимъ приключеніемъ и, надо сознаться, что фраза эта не пустой звукъ, а глубокая, неизколебимая вѣра въ Бога

Вода въ озерѣ Чуварь-Тенизѣ оказалась отвратительной, какого-то необычайно горько-соленаго вкуса; къ тому же за нѣсколько десятковъ шаговъ до воды берегъ былъ тошкій, илистый; ноги проваливались, почва лопалась и отъ выдѣляющихся изъ нея газовъ не хватало воздуха для дыханія.

Въ воздухѣ пахло грозой. Едва поднявшаяся надъ горизонтомъ луна освѣщала окрестность колеблющимся свѣтомъ и контуры побережнаго камыша, густой щеткой окаймлявшаго озеро, принимали загадочный, безпрестанно меняющіяся очертанія. Царившая вокругъ тишина нарушалась лишь отрывочными кваканьемъ лягушекъ, да изрѣдка криками какой-то ночной птицы.

Въ караванѣ хотя и было оживленіе, но люди двигались, какъ въ полусне: жажды томила всѣхъ и забота читалась почти на каждомъ лицѣ. При вспыхивающемъ свѣтѣ костра я успѣлъ разглядѣть, что эти лица моихъ спутниковъ приняли какую-то обрюзгловѣсть и безжизненный желтоватый цвѣтъ. Мне вдругъ сдѣлалось необыкновенно жутко, я почувствовалъ страшную, непреодолимую охоту уйти куда-нибудь какъ можно дальше отъ этого мѣста.

Зачѣмъ люди любятъ движеніе и шумъ? къ чему это непреодолимое желаніе къ путешествіямъ? для чего и кто вложилъ въ душу ихъ желаніе видѣть незнакомыя страны, желаніе заглянуть въ глубину морскую, взлетѣть на планеты небесныя и познакомиться съ тайнами, тамъ скрытыми?.. Вотъ теперь и привело меня это желаніе въ пустыни, въ ихъ сыпучіе пески и бушующія бури, тогда какъ я пресколько могъ быть на своей родинѣ, вблизи любимой матери, братьевъ, сестеръ, а то... э-эхъ!

Страшны азіатскія ночи! И Богъ вѣсть, чего-чего не приходитъ въ голову въ такія ночи!

А кругомъ было все по прежнему тихо и спокойно... Однако, что же это? Неужели я трушу? — вдругъ скользнула новая мысль. Вѣдь все одно: двухъ смертей не будетъ, одной не миновать! нѣтъ, глупо предаваться безпричинному страху, прочь же постыдное чувство, я мужчина, я...

Болѣзненный, страдальческій крикъ, раздавшійся въ эту минуту, буквально поднялъ дыбомъ волосы на моей головѣ; крики, шумъ, ревъ верблюдовъ сдѣлались общими. Верблюды ринулись бѣжать, лаучи за ними, а что было дальше, я не помню...

— Вѣдь этакая ихъ прорва тутъ! я въ жизнь свою столько не видывалъ, знаете, того, этого...

— Вотъ она пословица-то и справедлива, что „нѣтъ худа безъ добра“... не побѣги бы верблюды, такъ мы безъ воды бы и остались, а теперь вотъ чайничекъ кипятимъ!

— Безъ воли Божией, знаете, волосъ не упадеть это, съ головы человѣка...

— Да вотъ теперь такъ и волосъ не упадеть, а давеча первый бросился бѣжать.

— Да я, это, знаете...

— Нечего тутъ: знаете!

— Кто это говоритъ? О чёмъ? гдѣ я и что со мной? Эти вопросы разомъ хлынули, когда я очнулся.

Приподнявшись на локтяхъ, я увидѣлъ предъ собой ярко горѣвшій костеръ, а вокругъ его своихъ спутниковъ, оживленно бесѣдовавшихъ о событияхъ ночи. Все было тихо и спокойно и если бы не боль въ вискахъ, я подумалъ бы, что все видѣлъ во снѣ.—Воды мнѣ, воды дайте!—хотѣлъ было я крикнуть, но никакого крика кроме стона не вышло: губы запеклись, въ горлѣ что-то першило. Однако стонъ этотъ былъ услышанъ и ко мнѣ подошли Телѣжниковъ и Левашевъ. Я молча, но выразительно показалъ, чего хочу, и Семенъ Никитичъ наклонившись что-то вливъ мнѣ въ ротъ.

— Ромцу, знаете, Николай Иванычъ, того... слава Богу, что очнулись! испейте это, еще, знаете, оно очень полезительно!

Дѣйствительно, глотокъ рому меня оживилъ, хотя въ первую минуту вместо облегченія я почувствовалъ какъ будто выпилъ что-то горячее, опалившее и горло, и всѣ внутренности.

— Вотъ, знаете, и распирки красно!.. а теперь этого, того, чайку мы вѣмъ приготовимъ, и все это какъ рукой сниметъ... Въ скоромъ времени я уже сидѣлъ между своими товарищами и слушалъ разсказъ о ночномъ приключениіи.

Оказалось, что змѣя укусила верблюда и его-то крикъ, въ связи съ полнымъ моимъ первымъ разстройствомъ, повергнулъ меня въ обморокъ.

— Змѣевъ здѣсь, Николай Иванычъ, знаете, миллионы ползаютъ—видимо невидимо, того—этого агромадное количество!—пояснялъ мнѣ Телѣжниковъ.—Когда вы, это, изволили упасть безъ чувствія, я подбѣжалъ первый къ вамъ и увидѣлъ...

— Да не ври ты, сдѣлай милость! Первый-то ты дѣйствительно былъ первый, да только тотъ, который, какъ сумасшедший, ринулся съ воплемъ бѣжать, сломя голову, только верблюдовъ напугалъ!..

— Нѣтъ, это вы напрасно, господинъ Левашевъ, знаете, такъ говорите, потому какъ я вовсе змѣй не боюсь совсѣмъ даже...

— Батюшки, Семенъ Никитичъ, смотри у тебя на плечѣ какой „полозъ“ *) сидить! сбрось, сбрось его!..

Отвѣтомъ на это былъ дикий произительный крикъ помертвѣвшаго храбреца.

— Ну, успокойся, никого на тебѣ нѣту; не люблю я только, какъ зря люди хвастаютъ.

Дѣйствительно, мѣстность, гдѣ мы остановились, буквально кишѣла змѣями. Я сталъ присматриваться и увидѣлъ, что ихъ повсюду множество, начиналъ отъ маленькихъ пятитвершковыхъ, до порядочныхъ—въ пять и, даже, болѣе футовъ. Они ползали на разстояніи двухъ-трехъ саженъ во-

*) Полозъ—особый родъ змѣй. Формой онъ напоминаютъ колбасу: эти змѣи цвѣтомъ черные, лоснящіяся. Въ Туркестанскомъ краѣ змѣй встрѣчается много разновидностей, но о присутствіи особенно ядовитыхъ я не слыхалъ, исключая мѣдяницъ. Тѣ живутъ преимущественно въ гористыхъ мѣстностяхъ, змѣи же, живущія вблизи водъ—безусловно безвредны.

кругъ нась, но опасности намъ не предстояло никакой: во первыхъ, потому, что змѣи эти не были вовсе опасны, а во вторыхъ, предусмотрительные туземцы обложили нашъ бивуакъ волосатымъ арканомъ, въ видѣ круга въ диаметрѣ въ пѣсколько сажень, радиусы отъ центра которого къ краямъ были (какъ уже выше замѣчено мною) до трехъ сажень. Это была вполнѣ достаточная гарантія, такъ какъ известно, что ни одна змѣя въ мірѣ не въ состояніи переползти чрезъ такую преграду. Отчего это происходитъ— объяснить не берусь, по это фактъ.

Наше сосѣдство должно было раздражало змѣй, потому что они шипѣли и производили сухой непріятный шумъ, происходящій отъ того, что чешуя одной змѣи шуршала о другой, когда они переползали другъ черезъ другу.

Нечего сказать, пріятное сосѣдство!

— А какъ же верблюды-то?—спросилъ я.

— Мы и ихъ тоже окружили арканомъ, веревокъ-то, слава Богу, хватить!

— Но вѣдь, кажется, одиць верблюдъ укушенъ, что опасно, или пѣтъ?

— Кебековъ прижегъ ему укушенное място, ничего, пройдетъ теперь.

— Какъ прижегъ? Чѣмъ?

— А шомполъ накалилъ, да и запустилъ на верхушку въ рану, благо ее сразу было видно, на холѣкъ, должно быть прилегъ, а она его и куснула стеръва.

— Ну, а воду-то гдѣ вы взяли? вѣдь это совсѣмъ не оверналъ вода?

— Я и говорю—пѣтъ худа безъ добра: когда мы кинулись за разбѣжавшимися верблюдами, то не далѣе какъ въ полверстѣ нашли колодецъ—теперь, слава Богу, до самыхъ Тендерлей воды хватить.

Вскорѣ, за чаемъ, я забылъ всѣ неизгоды и съ удовольствиемъ глоталъ живительный напитокъ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ бодрствовать остатокъ ночи, да и всѣ въ караулѣ пришли къ заключенію, что гораздо лучше спать днемъ.

Вопреки всякимъ ожиданіямъ, Мусульманъ-Кулъ отлежался. Вѣроятно, въ выздоровленіи его играла большую роль вода, а можетъ и запрещенный кораномъ ромъ, кото-раго сердобольный Телѣжниковъ влилъ порядочную дозу въ запекшійся ротъ киргиза. Какъ бы то ни было, а Мусульманъ-Кулъ настолько оправился, что могъ свободно сидѣть на верблюдѣ.

Свѣжая вода и послѣдождевой воздухъ буквально ожи-вили всѣхъ. Верблюды тоже чувствовали себя хорошо и мысль обновленными силами тронулись въ путь, благодаря Аллаха, ииспославшаго намъ воду, безъ которой въ степи—смерть.

Песчаные паносы то смѣялись солончаковыми полями, лишенными всякой растительности, то послѣднія снова уступали място сплошнымъ сыпучимъ пескамъ, съ пробивавшимися по нимъ грѣбенщикомъ и колючкой. На каждомъ шагу попадались отталкивающаго вида небольшія искрасна сѣрыя ищерицы, быстро шмыгавшія по песку и исчезавшія въ своихъ микроскопическихъ поркахъ.

Утомленный зноемъ и треволненіями почти я, устроившись сколько было можно, удобнѣе, приготовился задать «храповицкаго». Волнообразная мяѣстность не открывала широкаго круговора и, безконечно лавируя между бархадами, глазъ не встрѣчалъ ничего интереснаго...

— Эхъ, ты Азія печальна!..—раздалось пѣніе Левашева, но слѣдующей строки я уже не слыхалъ: сонъ и усталость взяли свое...

XII. Первая подозрѣнія.

Я не могъ бы сказать, долго ли спалъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то толкаетъ меня и что-то кричитъ.

— Тюра, а тюра! эй проснись!..—раздалось около меня. Я слышалъ ясно это обращеніе и даже узналъ голосъ Басантиева, но проснуться не могъ.

— Пожалста, тюра, эй!..

Я притворился спящимъ, но злодѣй мальчишка, повидимому, не хотѣлъ отстать, не разбудивши меня, и снова закричалъ; а затѣмъ началъ трясти меня за плечо.

— Что тебѣ надо?—свирѣпо спросилъ я, открывая, наконецъ, глаза.

— Джаманъ, тюра: казыръ мулла Басманъ китты, анда чуль китты! Тулайманъ джаманъ *).

— Что такое? кто китты?

— Таджикъ!..—и Басантіевъ, сильно взволнованный, рассказалъ мнѣ, что Таджикъ Сайдъ велъ себя все время очень странно: нѣсколько разъ сворачивалъ въ сторону, кричалъ, прислушивался, затѣмъ опять возвращался и близко-близко подѣзжалъ къ моему верблюду, разъ даже Басантіеву показалось, будто онъ хотѣлъ тихонько вытащить мой мултукъ, но вдругъ встрѣтился со взглядомъ мальчугана, смущился, молча погрозилъ ему кулакомъ и быстро подѣжалъ „вонъ за тѣ барханы“. При этомъ хорошеные глазенки мальчишки такъ и засверкали.

Дѣло на мой взглядъ становилось действительно „тулайманъ джаманъ“ и я хотѣлъ уже обо всемъ разсказать Кебекову или Левашеву, какъ вдругъ слѣва, изъ-за песчаныхъ бугровъ, показался самъ виновникъ нашей тревоги Сайдъ-Басманъ. Онъ подѣжалъ прямо ко мнѣ и сталъ рассказывать, что отлучался за барханы, чтобы сдѣлать намазъ. Лицо его было совершенно спокойно, по я этому не повѣрилъ.

— Расскажу при первомъ же удобномъ случаѣ Кебекову, а пока надо въ оба сдѣлать за этимъ подозрительнымъ таджикомъ!—рѣшилъ я и, по возможности, спокойно спросилъ:

— Почему же ты, мулла, отѣзжалъ за барханы творить свой намазъ?

— За этими барханами есть мазарка нашего святого, я и єздилъ поклониться его праху!—спокойно и даже нѣсколько впушительно отвѣтилъ тотъ.

*) Но хорошо, баринъ! сейчасъ Сайдъ-Басманъ уѣхалъ; вонъ туда въ степь уѣхалъ. Совсѣмъ скверно!

Вотъ и извольте разсуждать съ нимъ!

— А какого святого?

— Чингисъ-хана.

Имя Чингисъ-хана окружено такимъ туманомъ вымысловъ; столько баснословныхъ сказаний приплѣтено въ исторіи, что сквозь нихъ едва можно отличить настоящій очеркъ этого необыкновенного человѣка, которымъ гордятсяnomadы, и о которомъ съ ужасомъ вспоминаетъ остальное человѣчество.

Пользуясь случаемъ, я попросилъ муллу Сайдъ-Басмана рассказать мнѣ о Чингисъ-ханѣ, которого онъ такъ рѣшительно произвелъ въ святые и который былъ извѣстенъ мнѣ какъ простой завоеватель.

Мулла охотно исполнилъ мое желаніе и рассказалъ исторію, которую я привожу ниже. Правда, въ моихъ устахъ покажется сухъ и холоденъ этотъ разсказъ, потому что народныя преданія то же, что лепетъ ребенка, который понятъ только людямъ близкимъ ему. Но послушали бы вы степняка, среди обстановки окрестной природы, среди безусловнаго отчужденія отъ цивилизациіи, и при совершенномъ уединеніи,—вы навѣрно увлеклись бы имъ, подобно мнѣ.

Однако-же мулла, прежде чѣмъ разсказать о самомъ Чингисъ-ханѣ, передалъ мнѣ повѣсть о происхожденіи таджикскаго племени. Вотъ она.

„Тысячи за двѣ лѣтъ до Чингисъ-хана, народъ таджикскій былъ истребленъ другими кочевыми племенами до основанія; осталось только два человѣка—Тугузъ и Турдешъ и двѣ женщины Санатакъ и Хурмасъ-ай. Они спаслись бѣгствомъ въ неприступныя горы Беръ-Казанъ-ай. Въ этихъ, обильныхъ водою и травою, привольныхъ для кочевья мѣстахъ потомство двухъ семей размножилось быстро, такъ что вскорѣ надо было искать средствъ выйти изъ тѣснинъ Беръ-Казана. Потомки Тугуза и Турдеша коротко были знакомы съ горнымъ и чугупоплавильнымъ дѣломъ, занимаясь издавна добычею желѣза, а потому на общемъ совѣтѣ положено было распилить гору и тѣмъ проложить себѣ

путь изъ этого ущелья. Навалили огромные костры льса и стали раздувать огонь сотнями, а можетъ быть и тысячами мѣховъ,—и желѣзная гора расплывалась и потекла, образовавъ свободный проходъ. Въ воспоминаніе этого событія, въ старыя времена, въ первый часъ первого дня новаго года, кузнецы ковали желѣзную полосу въ присутствіи самихъ хановъ, а не въ сознаніе памяти Чингисъ-хана, который будто бы былъ въ началѣ кузнецомъ."

„Одинъ изъ Беръ-Казанскихъ выходцевъ поселился съ своимъ племенемъ на берегахъ Каза-Узяка. Потомокъ его, Сабатарь-Сатыкей, оставилъ по смерти своей молодую вдову Алунъ-гою, происходившую изъ племени Курласъ, и двухъ сыновей. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти своего супруга Алунъ-гои родила трехъ сыновей. Когда родственники Сатыкея стали укорять вдову, она старалась отѣдѣтъ отъ нихъ баснею, будто бы родила сыновей отъ луча свѣта. Отъ одного-то изъ этихъ трехъ сыновей, по имени Будашчара, произошелъ въ восьмомъ колѣнѣ Чингисъ-ханъ“.

„Исугай-Багадуръ былъ главою племени „Кіатъ“ и „Наругъ“, которое впослѣдствіи къ нему присоединилось. Возвращившись однажды домой изъ своего опустошительнаго набѣга, онъ нашелъ у себя сына, котораго родила одна изъ женъ его Улунъ-Экэ („Улунъ“—облако, „экэ“—мать). Исугай назвалъ сына Тимучинъ *). Этотъ Тимучинъ, принявши впослѣдствіи столь грозное имя Чингисъ-хана, родился у горы Дулунъ-Булданъ, которая находится между Онономъ и Керелуномъ. Онъ явился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови въ правой руѣ“...

Впослѣдствіи мнѣ приводилось слышать много и другихъ вариантовъ о происхожденіи Чингисъ-хана; впрочемъ, мѣсто рожденія этого героя почти всѣми показывается одинаково, но о мѣстѣ погребенія его устныя показанія туземцевъ и письменныя историковъ разногласятся между собою.

*) По однимъ сказаніямъ, въ воспоминаніе убитаго имъ въ этомъ набѣгѣ начальника племени Тимучинъ-аге; по другимъ—въ ознаменованіе крѣпости спѣлъ иладенца: Тимучинъ значитъ лучшее желаніе.

Мелла, Гобиль и другие согласны съ тѣмъ, что Чингисъ-ханъ умеръ во время похода своего въ Тангутъ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, на берегахъ Сидзяня. Еще за годъ до смерти своей Чингисъ-ханъ, которому вѣщій сонъ предсказалъ скорую смерть, назначилъ послѣ себя преемникомъ Оготалъ, завѣщавъ дѣтямъ своимъ пуще всего жить въ мирѣ и дружбѣ между собою. Чувствуя приближеніе смерти, онъ позвалъ своего сына Тулуя, единственнаго, который въ то время находился при немъ, и своихъ полководцевъ и начерталъ имъ планъ дальнѣйшихъ завоеваній. Онъ умеръ послѣ восьмидневной болѣзни въ 1227 году, на 66 году своей жизни и 22 году правленія *). Тѣло его было вывезено изъ лагеря тайно, чтобы непріятель не узналъ о кончинѣ человѣка, котораго одно имя стоило цѣлой арміи; всякий, кто встрѣчался на пути, былъ предаваемъ смерти, по словамъ иныхъ для того, чтобы не распространять роковой вѣсти, по словамъ другихъ—для того, чтобы отправлялся всѣдѣль за своимъ повелителемъ на службу. Чингисъ-ханъ былъ погребенъ, по сказанію историковъ, на одной изъ горъ Бурханъ-Калдуна, изъ отроговъ которой выходятъ Ононъ, Керелунъ и Тола **): Говорятъ, онъ самъ указалъ это мѣсто, подавъ сюда однажды во время охоты случайно и пораженный величественнымъ видомъ его. Гора впослѣдствіи заросла густымъ лѣсомъ и самый слѣдъ могилы исчезъ и показывается совершенно различно. По смерти Чингисъ-хана, на три дня пути кругомъ стояли войска и сторожили тѣло героя; убили и тѣхъ, кто рылъ его могилу и тѣхъ, кто провожалъ его; на мѣстѣ елъ пущили тысячу лошадей, чтобы притоптали и сгладили равнину и самый слѣдъ могилы исчезъ павсегда отъ потомства, которое въ озлобленіи, восторжествовавъ наконецъ надъ побѣдителями, могло бы надругаться надъ прахомъ Чингисъ-хана.

*) Исторія Юньнанскаго дома. Джамі-утъ-Теварикъ.

**) Марко-Поло говоритъ—на Алхай, что довольно близко сходится съ показаніемъ другихъ (Изд. Бергерона, кн. I-я, глава XIII и слѣд.).

Такимъ образомъ ясно, что мулла Саидъ Басманъ или жестоко вралъ о могилѣ святого, очутившемся, будто бы, за этими барханами, или наивно заблуждался самъ, если только онъ и вправду ъездилъ за барханы на могилу; а не для иной какой-нибудь цѣли. Подозревать его въ чёмъ нибудь дурномъ мы пока не имѣли никакихъ оснований, но киргизская степь да еще въ началѣ 70-хъ годовъ представляла отнюдь не менѣе опасностей, чѣмъ и дикія преріи дальніаго запада Америки, такъ что осторожность не мѣшала.

Я слѣзъ съ верблюда подъ предлогомъ пройтись, ускорилъ шагъ и направился къ Кебекову.

— Бай, ты хорошо знаешь нашего таджика?

— А что?

— Да по некоторымъ признакамъ онъ не внушиаетъ мнѣ особаго довѣрія и я думаю, что не мѣшало бы за нимъ послѣдить.

Кебековъ на это ничего не отвѣтилъ, но по его задумчивому виду я догадался, что и ему не чужды были сомнѣнія; однако жъ, немногого погодя, онъ отвѣтилъ:

— Бояться нечего, лѣтомъ караваны почти безопасны отъ разграбленія.

— То то и оно, что *почти*. Значитъ бывали же случаи и лѣтомъ, да и отчего именно лѣтомъ ихъ быть не можетъ?

— Ты вѣдь знаешь, что у насъ изъ за воды-то произошло! Хвала Аллаху, что до колодцевъ добираемся безъ убыли... ну, а разбойники тѣ же люди: углубляться далеко въ степь не всякий-то рѣшился.

— Дай Богъ, чтобы обошлось благополучно! Я вѣдь это только такъ сказалъ, на всякий случай... Ну, а теперь пойду позавтракаю, чѣмъ Богъ послалъ, да, пожалуй, и опять спать засалюся: вонъ въ караванѣ-то почти все спятъ.

Дѣйствительно, караванъ представлялъ солнце царство, и мнѣ невольно сдѣлалось жутко: да и какъ не западеть на сердце тоска, когда вѣсько часовъ сряду нѣть никакого выхода изъ этой какъ бы бездушной сферы, а дни

такіе свѣтлые и жаркіе, воздухъ прозраченъ, синева неба безукоризненна, развѣ покажется какая-нибудь легкая блесковатая прожилка случайного облачка — и та стоитъ неподвижно. Однимъ словомъ, мертвая степь и все кругомъ какъ бы заснуло въ могильномъ, вѣковомъ снѣ. Это величие степи производитъ глубокое впечатлѣніе даже наnomадовъ.

XIII. Пески въ пустынѣ.

Не успѣли мы пройти и ста сажень, какъ на горизонтѣ показался великолѣпнѣйшій миражъ. Этотъ феноменъ поразительно хороши въ горячей сухой атмосфѣрѣ средне-азіатскихъ степей и представляетъ самую великолѣпную оптическую иллюзію, какую можно только себѣ представить. На безоблачномъ небѣ картины смѣнялись одна другой: города, башни, замки, — все это плясало въ воздухѣ; огромные караваны, стремительно скакущіе всадники и пѣшие люди самыхъ гигантскихъ размѣровъ, ежеминутно исчезали въ одномъ мѣстѣ, чтобы вновь появиться въ другомъ. Почти всѣ мои спутники проснулись и съ какимъ-то почтительнымъ страхомъ относились къ этому явлѣнію. Они думали (какъ я потомъ узпалъ), что это — ничто иное, какъ призраки, духи людей и городовъ, пѣкогда существовавшихъ здѣсь. Кебековъ положительно утверждалъ, что онъ вѣсколько разъ видѣлъ однѣ и тѣ же фигуры на этомъ самомъ мѣстѣ и что если памъ, или кому бы то ни было, суждено погибнуть въ степи, то чрезъ вѣсколько лѣтъ мы также будемъ плясать въ воздухѣ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ приключится погибель.

Цѣлые циклы такихъ легендъ, намекающихъ на какую то цивилизациѣ, затерявшуюся въ степи, недалеко ушли отъ новѣйшей европейской теоріи, которая утверждаетъ, что тѣ или другія мѣстности приходятъ къ разоренію или опустошенію не столько вслѣдствіе теченія естественныхъ законовъ, сколько вслѣдствіе измѣненія общественныхъ условій, общественного положенія ихъ населенія. Въ

примѣръ приводятъ велику Сахару въ Африкѣ и степи Средней Аравіи, гдѣ не такъ ощутителенъ недостатокъ въ годной, плодородной землѣ, какъ въ рабочихъ промышленныхъ силахъ.

Можетъ быть подобное предположеніе отчасти справедливо по отношенію къ этимъ двумъ странамъ, но его ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя примѣнить къ степямъ Средней Азіи. Правда, въ прошломъ столѣтіи нѣкоторыя мѣстности, какъ напримѣръ, Мервъ, Мангішлакъ, Гергенъ и Атрафъ находились въ лучшихъ культурныхъ условіяхъ, нежели теперь, но вообще эти азіатскія степи были искони вѣка самыми безотрадными, воющими пустынями. Огромныя пространства на нѣсколько дней пути безъ капли воды годной для питья, сотни верстъ въ глубокихъ пескахъ, чрезвычайная рѣзкость климата и тому подобнымъ препятствія способны охладить и затормозить самыя пламенныя стремленія самыхъ восторженныхъ цивилизаторовъ. Тутъ ничего не подѣлаютъ ни наука, ни искусство и не даромъ мулла Кебековъ, въ сущности глубочайший философъ, былъ убѣждѣнъ въ томъ что „Аллахъ создалъ Туркестанъ и его жителей въ порошокъ, и пока изъ его кѣдрѣ будутъ бить соленые горькие ключи, до тѣхъ поръ сердца людей будутъ полны злобы и горечи“...

Кара-кумы въ этомъ отношеніи совсѣмъ не то, что напримѣръ Фергана, эта бывшая долина рая. Я говорю бывшая вотъ почему: въ описаніяхъ (Наманганскаго и Андижанскаго уѣздовъ) у Султана Бабера (въ XIV в.) мы находимъ, что на берегахъ Сиръ-Дарьи были цвѣтущиѣ много-людные города, обширныя болотистыя и камышевые заросли, густые лѣса. Теперь же тамъ мертвая песчаная пустыня; населеніе въ этихъ мѣстахъ сравнительно съ находимыми у него данными, имѣетъ въ настоящее время несравненно меньшую густоту, что конечно тѣсно связано съ уменьшениемъ земельныхъ пространствъ, удобныхъ къ воздѣливанію. По послѣднимъ изслѣдованіямъ, главная причина этого печальнаго явленія заключается въ безпощадномъ истреб-

леніи лѣсовъ, покрывавшихъ горные склоны, со всѣхъ сторонъ окружающіе долину; обезлѣсеніе ведеть за собой быстрое весеннее таяніе снѣговъ, которые образуютъ безчисленные горные потоки, размывающіе горныя породы и уносящіе ихъ измѣльченными внизъ. Тамъ, гдѣ русло горныхъ рѣчекъ становится пологе, эта водяная муть постоянно отлагается въ видѣ огромныхъ песчаныхъ отмелей; отсюда уже вѣтеръ разноситъ песокъ по долинѣ. Напрасно осѣдлые жители кишлаковъ, смежныхъ съ песчаными степями, густо обсаживаютъ окраины своихъ полей таломъ и сравнительно выносливымъ къ жару джидовникомъ: раскаленный лѣтнимъ зноемъ песокъ или сжигаетъ деревья, или покрываетъ ихъ барханами вышиною въ нѣсколько саженъ. Такіе барханы часто наносятся въ одну ночь, а черезъ день или два мѣсто бывшаго наканунѣ бархана очищается и вѣтеръ переносить его на болѣе или менѣе значительное расстояніе въ сторону. Проходитъ нѣсколько десятковъ, а иногда только нѣсколько лѣтъ,—и цвѣтущее населеніе брошено разоренными жителями и обратилось въ пустыню. Двѣ—три породы степного вереска, приспособившагося къ мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, являются энергичными союзниками жителей въ борьбѣ ихъ съ песчаной силой; но невѣжество и бѣдность туземцевъ мѣшаютъ имъ дать настоящую цѣну этимъ растеніямъ: всю осень и зиму киргизы шныряютъ по степи съ ишаками, нагружающими послѣднихъ идущимъ на топливо верескомъ, который они срыгиваютъ съ вершинъ оплетенныхъ и скрѣпленныхъ имъ песчаныхъ бархановъ.

Такимъ образомъ, районъ песчанаго царства раздвигается все шире и шире, отвоевывая у культурныхъ оазисовъ полосу за полосой.

Кара-кумскіе пески, напротивъ, никогда не имѣли лучшаго прошлага. По крайней мѣрѣ указаній на это нельзя встрѣтить ни въ устныхъ преданіяхъnomadovъ, ни, тѣмъ болѣе, въ какихъ-либо письменныхъ источникахъ.

Много и много пройдетъ еще десятковъ лѣтъ, а эти без-

брежные пески все будуть икоиться въ глубокомъ снѣ своей дѣственной природы и никакому волшебнику не разбудить ихъ. Не застучить топоръ, не зазвенить лопата, не заблестѣть косы на пустынныхъ окрестностяхъ...

А воды у насъ оставалось опять мало! Люди начинаютъ уже замѣтио томиться и сегодняшняя ночевка нисколько не походила на предыдущія. Правда, и поваръ Кулпашка суетился не менѣе, и кобузъ было зазвенѣль, да тотчасъ же и замолкъ. Должно быть игравшій сообразилъ о неумѣстности подобнаго веселья.

Я растянулся у костра на разостланномъ одѣялѣ и смотрѣлъ, какъ Левашевъ хлопоталъ около своего коня, протирал ему полой халата ноздри и награждалъ самыми отборными ласковыми именами. Сегодня и спать всѣ раньше улеглись, какъ бы желая скорѣе скоротать время. Всѣмъ какъ-то не по себѣ было, а тутъ еще Телѣжниковъ расхандрился, хотя, повидимому, и старался поселить надежду въ другихъ.

— Возверзи на Господа печаль свою!—совѣтовалъ онъ, но говорилъ это такимъ иоющимъ тономъ, что просто тошно становилось.

Все дѣло въ томъ, что Кебековъ, повидимому, заблудился. Воды мы съ собой взяли ровно столько, сколько надо было, чтобы дотянуть до колодцевъ. И колодцы сегодняшній день обязательно должны были встрѣтить, но... или засыпало ихъ пескомъ, или просто на просто миновали ихъ. Вотъ и барханъ Сурупчаха, и Умаровы лога миновали, а колодца нѣтъ какъ нѣтъ.

— Да скоро ли мы доберемся до него?—въ сотый разъ спрашивалъ я караванъ-баша.

— Якынъ, якынъ—курмайсызма!*—отвѣчалъ Кебековъ, но я ровно ничего не видѣлъ. Шалящіе лучи солнца раскалили песокъ и въ воздухѣ чувствовалась какая-то истома, точно опь весь былъ пропитанъ всеизсушающимъ зноемъ и незамѣтно въ немъ ни малѣйшаго колебанія. Только ма-

* Близко, близко, развѣ не видишь!

рево струится вдали, представляя утомленнымъ глазамъ на открытыхъ пескахъ причудливые миражи.

— А не есть ли эти миражи въ сущности галлюцинаціи разстроеннаго мозга?—вдругъ откуда-то прилетѣла мнѣ мысль и, признаюсь, волосы на моей головѣ начали подниматься дыбомъ. Я слишкомъ много слышалъ о томъ, что значить заблудиться въ степи, да даже и не заблудиться, а просто хотя на день ошибиться и не встрѣтить колодцевъ.

По караваннымъ дорогамъ колодцы устраиваются обыкновенно верстахъ въ 40 другъ отъ друга, такъ что если сегодня мы не замѣтили и прошли мимо воды, то значить цѣлые сутки раздѣляютъ насъ отъ слѣдующаго кудука, а это поистинѣ ужасная перспектива. Да и что за вода! Или невозможна соленая, или ужъ до того прѣсал, что непривычному человѣку просто противно пить ее.

— А что какъ мы не найдемъ Тендерли?—снова сверлила мой мозгъ другая мысль. Вѣдь въ степныхъ колодцахъ вода зачастую плѣснѣвѣеть и протухаетъ; въ нихъ заводятся пиявки, лягушки, мокрицы и всякая прочая дрянь, брр!..

Я опять взглядалъ на Кебекова, но его загорѣлое лицо, покрытое крупными каплями грязнаго пота, мало предвѣщало хорошаго.

— Что, Тамыръ, не спишь, аль днемъ выспался?—подошелъ онъ ко мнѣ, усаживаясь на корточки.

— Да, не хочется что-то!—отвѣчалъ я—подвигалась немного, чтобы очистить уголокъ одѣяла для караванъ-баша. Мы замолчали.

— Больно ночь хороша!—восторженно воскликнулъ старикъ и, какъ-бы про себя, добавилъ уже на своемъ родномъ діалектѣ:—„Кукъ ничиеккя, алзъ: бергнлдя булучъ кисяки джуетъ!“ (Какое ясное небо, нѣть ни одной тучки!)..

А ночь была дѣствительно хороша. Луна яркимъ свѣтомъ обливала пески, кругомъ царила абсолютная тишина, изрѣдка только нарушаемая доносившимся откуда-то неизрѣдка, хотя и оригинальнымъ воемъ шакаловъ, должно басы, почуявшихъ нашъ близуакъ.

— А что, бай, ты много годов живешь на свѣтѣ, много видѣлъ и самъ пережилъ, расскажи-ка мнѣ что-нибудь изъ вашего быта!—обратился я съ просьбой къ Кебекову.

— Да что же рассказать-то тебѣ?

— Ну вотъ, напримѣръ, замѣчаю я, что повсюду у киргизъ неокрытая бѣдность; бывалъ вѣдь я и у Аральскаго моря, и въ Ауліе-Ата, и около Каракола: везде твои соотечественники оборваны, полуголодны. Гдѣ же эти стада барановъ, у кого косяки лошадей, о которыхъ приходилось нерѣдко слышать? Не выдумки-ли ужъ эти рассказы про привольное житѣе твоихъ единовѣрцевъ?

— Зачѣмъ выдумки! Дѣйствительно нынѣ народъ очень сталъ бѣденъ, но были и лучшія времена.

— Вотъ ты и расскажи, когда это было и въ силу какихъ обстоятельствъ измѣнилось такъ все? Вѣдь навѣрно ты засталъ это блаженное время?

— Засталъ и я многое. А все же того времени, о которомъ поютъ въ пѣсняхъ наши старики,—мнѣ нельзя помнить. Да это было, очень давно. Теперь все измѣнилось къ худшему, сама природа совсѣмъ не такая была; теперь не то!

— Ну, и этотъ затянетъ сказку про „доброѣ старое времѧ“,—подумалъ я и перебилъ разсказчика совсѣмъ наивнымъ вопросомъ: ты, мулла, лучше мнѣ вотъ что скажи—любятъ-ли у васъ такъ же, какъ, напримѣръ, у насъ? Или это чувство киргизамъ, какъ дикарямъ, совсѣмъ недоступно?

Старикъ улыбнулся.

— А ты думаешьъ, что молодыя сердца не у всѣхъ одинаково бываютъ? Любятъ всѣ, какъ Аллахъ велѣлъ. У насъ даже сильнѣе любятъ, чѣмъ вашъ народъ, потому что наши „дикари“ (Кебековъ сильно подчеркнулъ это слово) и теперь еще не такъ испорчены, какъ вы... бывалъ я въ Нижнѣй и еще кой-гдѣ приводилось, насмотрѣлся на вашу молодежь... э, да что говорить! У васъ бабу за деньги всегда купить можно, ровно овцу, а наша баба и сейчасъ не имѣеть своей воли. Твердо еще блoudутся обычай, освященные ста-

риой: наша баба выходитъ замужъ за того, кому просватаютъ ее въ дѣтствѣ и даже жениха своего не видѣть до тѣхъ поръ, пока тотъ не выплатить калымъ и не берѣть ее въ свой аулъ...

Мнѣ такой выводъ не понравился и я не безъ ехидства выпалилъ слѣдующую фразу:

— Ну, вотъ то-то и есть! согласись самъ, что любить человѣка не зная и даже не видя его—вещь нелѣпая; къ тому же развѣ вашъ калымъ не таже купля женщинъ?..

— Не бери грязи въ ротъ,—перебилъ съ досадой рассказчикъ,—ты вѣдь не адвокатъ, не вилай какъ лисица; зачѣмъ хочешь сбить меня съ толку? Я понимаю продажность русской бабы совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, а нашъ калымъ есть ничто иное, какъ народный обычай. У васъ, русскихъ, не случается развѣ, что женятся тоже не зная другъ-друга до самой свадьбы, а потомъ влюбляются, привыкаютъ и бываютъ счастливы въ супружеской своей жизни? Нашъ народъ можетъ любить сильно и еще какъ! Хочешь послушать исторію про любовь одного батыря?

— Пожалуйста, расскажи, обѣ этомъ-то я и просилъ тебя.

— Ну, слушай,—и стариkъ сталъ мнѣ рассказывать одну изъ тѣхъ трогательныхъ легендъ, которую можно услышать только отъ неиспорченного сына степей.

XIV. Легенда про былое киргизовъ.

Много времени тому назадъ,—началъ Кебековъ,—еще отецъ мой былъ маленький и слышалъ отъ своего отца, что въ знаменитомъ въ то гремя родѣ Джувантоякъ *), кочевавшемъ по Далаганскимъ горамъ, былъ молодой батыръ по имени Сергале **). Исполнилось Сергале двадцать лѣтъ.

*) Киргисские роды носятъ название по имени основателей ихъ.

**) Батырь—тоже, что и русский сказочный богатырь. По понятіямъ киргизовъ, батыри, нынѣ совершенно исчезнувшіе, отличались не только физической силой, смѣлостью и храбростью, но и выдающимся умомъ и честностью. Прежде батыри имѣли громадное значеніе въ

Жажда жизни и подвиговъ въ молодомъ батырѣ была очень сильна, избытокъ силъ былъ ключемъ... Онъ тосковалъ отъ бездѣлательности, миная монотонная жизнь его не удовлетворяла. Была у него и жена, съ которой онъ жилъ, но не приходилась она по душѣ ему, хотя и исполняла всѣ желанія своего молодого мужа, не упуская усердно заниматься хозяйствомъ. Она еще въ дѣтствѣ была выскатаа ему, не видаль онъ невѣсту до 18 лѣтъ, а потомъ тихая, покорная, безгласная, она наводила на него только тоску и никакъ не затрагивала теплыхъ струнъ его молодого сердца...

Тоска по чѣмъ-то неизвѣстномъ, неизвѣданномъ тѣснила грудь Сергале, туманила его умъ, такъ какъ не можетъ же умъ оставаться спокойнымъ и холоднымъ, когда горитъ душа. Онъ рѣшился отправиться къ славившемуся въ то время Абызу *) Кельдею, жившему въ горахъ Боноръ-Дага, съ цѣлью узнать свою судьбу.

Кельдей абызъ былъ несообщительный, съ мрачнымъ характеромъ и угрюмымъ видомъ, старикъ. Холодомъ вѣяло отъ него, а когда начиналъ онъ свои предсказанія, сопровождалъ ихъ наводящими ужасъ гримасами и тѣлодвиженіями, то робкіе убѣгали отъ него, не дожидались даже игры на кебузѣ, на которомъ старукъ игралъ такъ, какъ не умѣютъ уже играть пынѣ: у слушателей невольно навертывались слезы, какъ и у самого игрока и онъ начиналъ отрывисто

народѣ, чтавшись имъ, такъ какъ они употребляли всѣ силы свои какъ физическія, такъ и духовныя, на пользу народа, были въ этомъ отношеніи, такъ сказать, прямолинейны и безупречны. Они появлялись на сцену только въ затруднительныхъ случаяхъ народной жизни, а въ мирное время всегда помогали торжествовать правдѣ.

Никто не могъ упрекнуть истиннаго батыря въ томъ, что онъ покривилъ душой, даъ разгуляться своей удали и молодечеству только для прославленія свсего имени, а не того рода, къ которому онъ принадлежалъ,—такъ какъ этого и быть не могло.

*) Абызъ или бакса (бакша)—такъ называется у киргизовъ предсказатель будущаго. Типъ предсказателей — отголосокъ старинного шаманизма того времени, когда киргизы кочевали въ границахъ Китая и откуда вышли въ югъ за Уйнуртами.

выкрикивать предсказанія, упорно и дико смотря въ глаза рѣшившемуся заглянуть въ будущее *).

Сергале тихо подъѣзжалъ къ стоявшей одиноко въ скалахъ Боноръ-Дага убогой желомейкѣ Кельдяя и невдалекѣ остановился какъ очарованный: изъ желомейки прорицателя неслись такие заупытные звуки, что становилось томительно жутко, тяжело, но слушать эту волшебную музыку хотѣлось еще и еще, не отрываясь; хотѣлось, чтобы эти чарующіе звуки не прерывались долго, долго: они многое говорили душѣ, въ которой что-то какъ бы пробуждалось отъ долгаго спа и вторило рыдающимъ звукомъ чудной музыки.

Но вотъ и прекратились ласкающіе ухо чудные звуки, а Сергале все стоялъ какъ бы въ забытьѣ и не попуждалъ своего скакуна сдѣлать иѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ его отъ желомейки музыканта.

— Батырь Сергале!—раздался вдругъ грубый голосъ,— что стоишь, не подъѣзжаешь? Или забылъ, зачѣмъ прѣхалъ?

Очиулся тогда Сергале и удивился, что его называютъ по имени. Старый абызъ не могъ его знать, такъ какъ никогда раньше не видѣлъ; но Сергале не поддался этому первому чувству страха, спокойно подъѣхалъ къ юртѣ, слѣзъ съ лошади и, привязавъ ее къ „бельдсү“ **), вошелъ въ желомейку.

Мрачный старикъ, не давши Сергале проговорить обычныхъ привѣтствій, не дожидалась и вопросовъ, за разъясненіемъ которыхъ онъ прѣхалъ, сказалъ грубымъ голосомъ, не сводя при томъ угрюмаго взгляда съ глазъ батыря, котораго онъ какъ бы изучалъ.

*) Нынѣ уже такихъ чистыхъ типовъ предсказателей неѣтъ. Да и самыѣ пріемы ихъ измѣнились, какъ и способы, какими они дѣйствуютъ на слушателей; они измѣльчали и уже не производятъ того по-давляющаго впечатлѣнія на слушателей, какое производили въ старину.

**) Веревка, которую закрѣпляютъ турлукъ—кошму, обивающую нижнюю часть деревянаго остова юрты, и къ которой привязываютъ прѣажіе посѣтители лошадей.

— Мнѣ ранѣе открыто было, что ты, Сергале, долженъ ко мнѣ прѣѣхать и даже извѣстны причины и цѣль этого. Предъ твоимъ прѣѣздомъ я особо испрашивалъ у высшихъ духовъ откровенія о томъ, какая судьба тебя ожидаетъ и вотъ тебѣ отвѣтъ...

Занимавший слушатель молчалъ, замолчалъ и абызъ Кельдей, какъ бы не рѣшалась сказать Сергале всю правду.

— Но готовъ ли ты, храбрый батырь, выслушать то, что мнѣ открыли духи, еслибы даже судьба твоя и была страшна и ужасна какъ могила?—угрюмо проговорилъ, наконецъ, Кельдей.

— Я прїѣхалъ за этимъ къ тебѣ, абызъ Кельдей, и не уѣду безъ отвѣта! Будущее меня не страшитъ: всѣ умремъ когда-нибудь и какъ-нибудь, но страшитъ меня прошедшее и настоящее. Неужели не будетъ конца ему? Неужели тоска, разъѣдающая мнѣ сердце и угнетающая душу, не прекратится? Неужели прошлое и настоящее станутъ моимъ будущимъ?—отрывисто спросилъ Сергале.

— Ну, такъ слушай же! Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, въ которые ты успѣешь выказать и удалъ, и молодечество, и силу свою. Народъ начнетъ уважать тебя, видѣть въ тебѣ опору рода въ будущемъ... Тоска твоя пройдетъ, но короткъ будетъ твой вѣкъ! Ты умрешь въ цвѣтѣ лѣтъ и силь и именно тогда, когда узнаешь счастье человѣческое, когда жизнь будетъ дорога для тебя, потому что будешь любимъ. Умрешь ты поруганный и твоими родичами, и твоими врагами...

Старый абызъ замолчалъ, точно ему тяжело было говорить.

Прошла минута молчанія и вдругъ взволнованный Сергале спросилъ:

— Не ошибаешься ли ты, старикъ? Точно ли меня ждеть такая мрачная будущность?

Тогда предсказатель схватилъ кобузъ и опять раздались потрясающіе душу звуки.

Глазъ не могъ отвести Сергале отъ страшного старика, лицо которого стало измѣняться, прищурить то зловѣштій

видъ, то видъ испуганного зайца... Наконецъ, на губахъ абыза показалась пѣна и онъ, выронивши кобузъ, забился въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Прощелъ припадокъ, абызъ отдохнулъ и продолжалъ.

— Нѣтъ, я не обманывался. Придетъ время, когда ты у скалы, въ нашихъ горахъ, возвышающейся надъ быстро текущей рѣчкой, берега которой поросли большимъ лѣсомъ, встрѣтишь дѣвушку... Какъ сейчасъ вижу ее, духи показали ее... высокаго роста, стройная какъ газель, волосы черные словно крыло ворона, лобъ высокій, глаза темные и глубокіе, какъ темна осенняя почь и глубоко дно морское. Изъ-за этой дѣвушки, которая станетъ твоей женой, ты умрешь такъ, какъ предсказалъ... Теперь ступай, батырь Сергале, пользуясь тѣми немногими годами, которые отдѣлила тебѣ судьба, и отъ которой ты не уйдешь. Я же хочу отдохнуть!..

Уѣхалъ Сергале отъ страшного абыза, оставивши въ даръ ему конченое мясо.

Тихо возвращался молодой батырь домой ущельями горъ, невольно задумавшись о той исключительной судьбѣ, какая ему предопредѣлена. Конь, не управляемый властной рукой хозяина, тихо переступалъ черезъ камни, осторожно пробираясь лѣсными тропинками, какъ бы не желалъ тревожить думы хозяина. И вдругъ почувствовалъ Сергале, какъ томившая его прежде тоска спадаетъ, отстаетъ отъ него, точно зимняя шерсть отъ верблюдовъ. Онъ осмотрѣлся кругомъ: громадныя скалы въ ущельи, большой, будто спящій, лѣсъ и быстро текущая рѣчка. Сергале невольно пришло на мысль, что жизнь его очень схожа съ этой картиной природы: величественные скалы—вѣчность, тихо спящій лѣсъ—его прошлая жизнь, а рѣчка—быстро и безвозвратно уходящее время, которымъ онъ не пользовался, не жилъ, а прозябалъ. Молодость всегда мечтаетъ.

Прошло семь лѣтъ послѣ предсказанія абыза.

За это время молодой батырь Сергале сдѣлался извѣстнымъ на далекое пространство. Не было дѣла за что время,

въ которомъ бы онъ не выказалъ себя справедливымъ или храбрымъ, а потому онъ сталъ играть дѣятельную роль въ народной жизни, несмотря на свою молодость. Сергале сдѣлался постояннымъ предводителемъ предпримчивой молодежи во всѣхъ набѣгахъ и барантахъ на враждебные роды, но ни разу не предпринялъ ничего, за что можно было бы упрекнуть его: онъ или защищалъ свой родъ, или мстилъ за разбойничьи набѣги, которые совершили сосѣди. Въ мирной жизни онъ всегда становился на сторону обиженнаго и слабаго и защищалъ ихъ. Многіе благословляли его, въ особенности бѣдняки-киргизы, многіе же, какъ, напримѣръ, біи (народные судьи) не любили его въ душѣ за то, что имъ приходилось дѣлиться съ нимъ вліяніемъ и почетомъ въ народѣ.

Послѣ удачныхъ набѣговъ для отплаты за грабежи и воровство, прославившихъ Сергале въ родѣ Джувантаяковъ, насталъ миръ. Никто уже не смѣлъ тревожить этотъ родъ, умѣвшій постоять за себя, нигдѣ не находилось такого батыря, какимъ былъ Сергале...

Наступило благодатное лѣто. Кипучая натура знаменитаго батыря не выдерживала долго мирной семейной жизни; бездѣятельность его, какъ и всѣхъ мужчинъ-киргизовъ, не знающихъ, что такое домашняя работа, не могла не отразиться и на его душевномъ состояніи. Семейная жизнь его текла по прежнему, но прежнему онъ не чувствовалъ привязанности къ своему домашнему очагу,—и прежняя тоска стала охватывать его вновь.

Дурныя ощущенія всегда врываются въ человѣческое сердце вдругъ и почти моментально вытѣсняютъ изъ него все, что вложило въ него продолжительное счастье и радость. И тоска Сергале стала вытѣснять радости прошлыхъ продолжительныхъ удачъ.

Чтобы какъ-нибудь развлечься, однажды Сергале отправился съ беркутомъ на охоту за лисицами. Долго рыскаль онъ по холмамъ и долинамъ, но на этотъ разъ охота была неудачна, лисицъ не встрѣчалось. Такъ онъ проѣхалъ почти

до горы Ніязъ, лежащей къ юго-востоку отъ кочевокъ его рода, въ мѣстности, занимаемая Матаевскимъ родомъ. Съ одного холма беркутъ, которому Сергале открылъ глаза для того, чтобы дать осмотрѣться, вдругъ взвился и, поднявшись высоко, высоко, направилъ свой могучій полетъ къ горѣ Ніязъ. Слѣдомъ за нимъ помчался на своеъ лихомъ скакунѣ и Сергале. Недалеко отъ Ніяза беркутъ, остановившись въ высотѣ и распластавъ свои сильныя крылья, сталъ дѣлать громадные круги надъ однимъ мѣстомъ, все понижаясь къ намѣченной цѣли,—это значило, что онъ виситъ въ воздухѣ надъ лисицей и не даетъ ей выбраться изъ дѣлаемыхъ имъ круговъ. Круги становились все меньшѣ и меньшѣ, ниже и ниже опускался беркутъ... Въѣхавшему на холмъ Сергале видно было, какъ извивается лисица, стараясь перехитрить беркута и ускользнуть отъ зоркаго глаза его. Напрасный трудъ. Избравъ удобный моментъ, беркутъ съ громадной высоты ринулся внизъ на лисицу одной лапой схватилъ ее за морду, другой —за спину около переднихъ ногъ, всадилъ въ нее огромные когти и съ силой сталъ заворачивать на сторону голову пойманной добычи. Бѣдное животное было уже во власти беркута, который спокойно поджидалъ прѣѣзда хозяина. Шодскакаль Сергале, добилъ лисицу, снялъ съ нее шкуру, разрѣзълъ животъ и вынувъ не остывшее еще и трепетавшее сердце, отдалъ беркуту лисицу, а потомъ и печень. Этимъ закончилъ онъ свою охоту.

День клонился къ вечеру, домойѣхать было далеко ауловъ вблизи не представлялось. Въѣхалъ Сергале на сопку и увидѣвъ въ одномъ изъ ущелій Чакгана, недалеко отъ Кхана, тонкой лентой извивающейся дымокъ. На этотъ дымокъ онъ и поѣхалъ, увѣренный, что тамъ найдетъ ауль а, следовательно пищу и пріютъ на ночь. Онъ не ошибся и вскорѣ увидалъ небольшой ауль, расположенный около выдвинувшейся скалы. Вдругъ Сергале остановился какъ вкопанный; да и было отчего: предъ нимъ внезапно очутилась дѣвушка чудной красоты, какъ бы со знакомыми чертами лица, гдѣ-то и когда-то виданная.

И не могъ Сергале проговорить обязательного привѣтствія при встрѣчѣ: до того поразила его эта степная, здоровая красота. Что-то припоминала, сидѣлъ онъ на своемъ конѣ. И вдругъ пронеслось предъ нимъ предсказаніе абыза, уже позабытое; стыдливый взглядъ дѣвушки, брошенный на молодого батыра, доказалъ остальное. Да, это была она, назначенная судьбой въ жены ему, это были тѣ чудные, темные и глубокіе глаза, о которыхъ говорилъ абызъ. О смерти и позорѣ забылось.

Молодость рѣдко помнить смерть: всѣ знаютъ, что должны умереть, но и всѣ не вѣрятъ въ скорый приходъ ея. За то наступаетъ у каждого минута, когда въ глубину его души проглядываетъ солнечный лучъ и оживляетъ все, что вложила въ нее природа и что только и ждало этого животворнаго луча, чтобы дать ростокъ, а потомъ и нынешній цветокъ. Солнечнымъ лучемъ для Сергале была встрѣченная дѣвушка.

Въ жизни каждого человѣка бываетъ своя весна, свой праздникъ природы; тогда сердце и душа человѣка падаютъ подъ всѣми непрѣятностями и мелочами обыденной жизни, стряхиваетъ ихъ и отдается только своему празднику, поднимающему духъ его. Этотъ праздникъ дала Сергале та-же красавица и свершила переворотъ въ душѣ его.

Дѣвушку звали Ханликъ. Она была уже просватана отцемъ за богатаго и пожилаго киргиза Мундузъ; большая половина калмыка за нее уплачена и, въ силу обычая, батырю Сергале или приходилось побороть въ себѣ страсть, или же, нарушивши обычай старины, соединиться съ избранницей сердца на вѣки, обрекая себя на страшную месть. Не утаилъ Сергале отъ Ханлика и предсказаніе абыза Кельдея и тѣмъ убѣдилъ ее окончательно, что отъ судьбы, которая назначила имъ нарушеніе дѣдовскихъ обычаевъ, не уйдешь.

Конечно, все это произошло не въ одно свиданіе. Сергале участилъ свои охотничьи поѣздки въ эту сторону, волей-неволей потамырился *) съ братомъ Ханликомъ, а въ одну

*) Тамыръ—пріятель, съ которымъ происходилъ величайший обменъ подарковъ.

изъ темныхъ ночей они сбѣжали; дома мулла благословилъ ихъ союзъ,—и молодые зажили припѣвающи въ аулѣ Сергале.

Сильно любили они другъ друга, но еще больше окрѣпло ихъ чувство, когда молодая мать почувствовала движение маленькаго существа подъ сердцемъ...

При этихъ словахъ старый Нысанъ глубоко вздохнулъ, задумался и затѣмъ мечтательно, какъ бы про себя, сказалъ:

— Говорять, что человѣческая душа и въ адѣ будетъ надѣяться на перемѣну положенія въ будущемъ! Да, это такъ!..

Немного погодя, онъ продолжалъ разсказъ.

— Сергале и Ханликъ чувствовали блаженное состояніе людей, не имѣющихъ другихъ желаній, кроме сохраненія своего текущаго счастья; надѣялись они, вспоминая абыза, что послѣдняя часть его предсказанія не сбудется. Не знали и не гадали того, что гроза уже надвигается надъ ихъ головами... Долго искали оскорблѣнныя и осмѣянныя родители Ханлика, долго тратился на розыски соблазнителя обиженный и влюбленный Мундузъ. Упрекалъ онъ и родителей, говоря: „за молодыми дѣвушками и женщинами надо смотрѣть въ оба: онъ такъ же лакомы сердцемъ, какъ дѣти ртомъ, и можетъ случиться, что онъ обѣдится вместо вкусныхъ ягодъ—блѣны, что и сбылось съ вашей Ханликой по пословицѣ „когда казанъ безъ крышки и у собаки нѣтъ стыда лѣзть въ него, то добра не жди; ну вотъ какая то собака и сблудила“...

Наконецъ, все открылось...

Первой вѣстницей этого была баранта Матаевцевъ и Джувантолковъ,—это мстилось за оскорблѣніе рода. Когда же Джувантолки, подъ начальствомъ Сергале, отплатили съ убыткомъ для первыхъ, то Матаевцы обратились къ Мундузовцамъ и оскорблѣнному покинутому жениху. Два года продолжалась взаимная баранта, нерѣдко кончавшаяся убийствами, наконецъ обѣ стороны утомились и обратились уже къ посередничеству бievъ. Долго отстаивалъ бій Джувантолковъ—Бишкабанъ — своего любимца Сергале отъ мнѣнія

старшаго біл Чалпака, избраннаго всѣмъ родомъ Тобукты въ біи, который былъ за выдачу преступниковъ Матаевцамъ,— и только тогда, когда Бишкабанъ находился въ отлучкѣ, Чалпаку удалось заманить въ ловушку Сергале и Ханликъ съ родившимся мѣсяца четыре до этого, у нихъ сыномъ...

— Какъ же такой умный батырь какъ Сергале, могъ попасться въ ловушку?— невольно прерваль я рассказчика.

— И умный дуракомъ сдѣлается, когда его одурачатъ! Горе Сергале было велико: изъ-за него погибло и разорилось уже не мало родичей, а конца не предвидѣлось этой ужасной барантѣ. Забылъ онъ, что Чалпакъ не можетъ желать ему добра... но опять надѣялся, что никакая несправедливость, а тѣмъ болѣе жестокость, не можетъ совершиться безъ поддержки народа, въ преданности которого онъ не сомнѣвался! — Наставительно пояснилъ Нысанъ, видимо недовольный, что я прерваль его. Немного погодя онъ продолжалъ.

— Была весна... въ степи все казалось обновленнымъ: свѣжая лѣсная зелень, трава, выбившаяся изъ земли, сплошнымъ зеленымъ ковромъ покрыли окрестность; степной воздухъ, полный здоровья, вливался въ грудь, свѣжилъ, бодриль... Всюду веселье и радость! Но вотъ Чалпакъ однажды собралъ сто Тобуклинцевъ и, пригласивъ столько же Матаевцевъ, назначилъ судъ на одной изъ сопокъ Акъ-Чека, куда и привезли преступниковъ. Матаевцы настойчиво требовали выдачи ихъ для выполнения обычая предковъ, т. е. смертной казни. Чалиакъ хотя для видимости и отстаивалъ Сергале, но въ душѣ желалъ его смерти, такъ какъ онъ пріобрѣлъ симпатію народа, которую не хотѣлось дѣлить ни съ кѣмъ...

И сбылось предсказаніе абыза. Выдалъ Чалпакъ Сергале и Ханликъ Матаевцамъ,— и кровавое дѣло не заставило себя ждать... На шею связанныаго Сергале накинули арканъ, привязали его къ хвосту лошади, на которой сидѣлъ родственникъ оскорблѣнныхъ. Грустно взглянулъ Сергале на Божій міръ, на свою молодую жену, на малолѣтнаго сына, въ го-

ловѣ быстро промелькнуло прошедшее, вся прожитая жизнь; но взвилась ногайка, рванулась лошадь и... по прошествіи некотораго времени обезображенное тѣло Сергале привезено было на глаза Ханликъ. Бѣдная жена и мать въ это время тщетно обращалась съ мольбой къ Тобуклинцамъ, не слѣдавшимъ, какъ и Матаевцы, съ лошадей, говоря: „Я знаю, что меня ожидаетъ, и смерти не боюсь, даже желаю ее, потому что не хочу переживать мужа, но пожалѣйте певинаго младенца, вѣдь онъ вашей крови! Возьмите его, воспитайте, онъ не долженъ отвѣтить за грѣхи родителей“... Такъ молила бѣдная мать, но никто не внялъ несчастной.

Скоро и съ ней покончили ревнители старины;бросили трупы въ приготовленную ранѣе яму и, какъ бы сговорившись, поѣхали въ разныя стороны. Никто не оглянулся, не подобралъ малютки казненныхъ; онъ оставленъ былъ на мѣстѣ казни на произволъ судьбы въ своей маленькой колыбелькѣ и тутъ умеръ, надрываясь плачомъ... И теперь существуетъ могила на сопкѣ подъ названіемъ Ханликъ-Сергале, и теперь еще не разрушились могилы бѣвъ Бишкабана и Чалпака. Отъ первой жены Сергале остался сынъ, потомки котораго хранятъ разсказъ о жестокой расправѣ съ основателемъ ихъ рода—Сергале. Свершилась жестокая казнь и погибли безвременно три жизни...

Мулла замолчалъ и, повидимому, погрузился въ глубокую задумчивость.

О чёмъ думалъ онъ? О томъ-ли, какъ прежде каралось у киргизовъ преступление противъ семейнаго очага и обычавъ съ нимъ связанныхъ? Или, можетъ, онъ жалѣлъ, что съ водвореніемъ русскихъ быстро измѣнился весь старый строй степняковъ? Измѣнились ихъ нравы, измѣнилась, наконецъ, сама природа, а съ нею вмѣстѣ канули въ Лету и счастливыя времена и могущество народа, а тотъ, что остался,—измѣльчалъ въ конецъ... Да, впрочемъ, развѣ можно узнать, о чёмъ думаетъ старый степнякъ?

Рассказанная нехитрая киргизская повѣсть и на мелк

иавляла какую-то грусть. Я почему-то думалъ о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ измѣльчали люди. Гдѣ въ наши дни встрѣтишь такую страстную любовь? Влюблются, правда, молодые люди всѣхъ странъ, но истинно любить рѣдко и это стало модной болѣзнью нашего худосочного вѣка. Многіе, нося въ себѣ пустую страстишку, раздуваютъ ее до чрезвычайности; носится съ ней словно курица съ яйцемъ, обманываютъ и себя, и другихъ преувеличеніемъ ея до трагизма, но проходить время, страстишка остываетъ, не оставляя и слѣда въ пустой, дрянной натуришкѣ. Этимъ хотя и разбивается, быть можетъ, другая жизнь, съ болѣе устойчивымъ характеромъ въ привязанностяхъ, но... „мало горя!“ думать никогда, такъ какъ на смѣну просится на квартиру, въ одинъ уголокъ сердца, другая страстишка...

XV. Снова въ пути.

Звѣзды гасли одна за другой: темнота мало-по-малу окутывала даль песковъ. На горизонтѣ появилась блескавшая полоса: то заря занималась, скоро разсвѣтъ, значитъ, будетъ. Сдѣлалось холоднѣе. Я плотнѣе завернулся въ одѣяло и приготовился соснуть, а старый Нысанъ по прежнему сидѣлъ, оперевъ щеку рукой; его старческие слезящіеся глаза были устремлены въ пространство.

Кто-то во снѣ застоналъ, кто-то громко выругался и вновь захрапѣлъ, выдѣливая удивительныя трели носомъ... Небо болѣе и болѣе прояснялось, луна поблѣднѣла окончательно. Надо было отправляться въ путь, такъ какъ верблюды уже окончательно отдохнули и до жары можно было сдѣлать порядочный перегонъ. Скоро мы собрались и отправились. Миѣ невольно пришло на память стихотвореніе Лермонтова „Три пальмы“, а именно то мѣсто, гдѣ поэтъ говорить:

Когда же на западѣ умчался туманъ,
Обычный свой путь продолжалъ караванъ;
И слѣдомъ печальныи на почвѣ безплодной
Видѣлся лишь пепель сѣдой и хододный..

Отъ нашего временнаго бивуака тоже ничего, кроме сѣдого пепла, не осталось. Но эти слѣды человѣческой жизни въ степи такъ же быстро из消нутъ, какъ и возникли. Впрочемъ, иногда, но очень рѣдко, климатическая случайности щадятъ ихъ на продолжительное время и въ такомъ случаѣ какъ отрадно путешественнику напастъ на такое заброшенное огнище! Чёрное, обуглившееся мѣсто кажется ему великолѣпнымъ караванъ-сарамъ и мысль,—что тутъ были люди,—дѣлаетъ обширныя пространства степи болѣе похожими на жилище.

Говоря объ этихъ мѣстахъ съ обуглившимися остатками костровъ, я невольно вспоминаю объ огромныхъ выгорѣвшихъ пространствахъ, которыя, иногда на нѣсколько дней пути, попадались мнѣ въ прежнія путешествія въ степи между Персіей и Китаемъ, и о которыхъ я слышалъ такъ много удивительныхъ сказаний изъ устъnomадовъ.

Въ жаркую пору, когда жгучее солнце превратить траву и кустарники въ „нѣчто, подобное труту“, часто случается, что искра, небрежно брошенная и раздута вѣтромъ, за jakiгаетъ всю степь. Пламя, находя себѣ всюду свѣжую пищу, мчится съ такой страшной быстротой, что человѣкъ на лошади съ трудомъ успѣваетъ спастись. Оно катится по равнинѣ грознымъ потокомъ и, встрѣчаясь съ кустарникомъ, вспыхиваетъ съ какимъ-то дикимъ воплемъ. Огонь, подго-ниаемый всегда почти возникающимъ въ такихъ случаяхъ вихремъ, съ изумительной быстротой заливаетъ цѣлые десятки верстъ, губя на пути своею все, что попадается. Пробѣгая огромныя пространства въ короткое время, бѣщеное пламя можетъ быть остановлено только рѣкой или озеромъ. Степные пожары особенно страшны ночью, когда весь горизонтъ превращается въ море пламени; тутъ самые храбрые блѣднѣютъ и теряются, трусу же и нерѣши-тельному нѣть никакого спасенія. Но человѣкъ съ большими присутствиемъ духа можетъ спастись, если, завидѣвъ пламя вдали передъ собой, догадается спалить свою траву вокругъ себя, вслѣдствіе чего образуется пространство, на которомъ

приближающейся огнь не найдетъ себѣ пищи; въ этомъ-то пространствѣ и спасается человѣкъ. Тщетно тогда въ бѣшеной ярости лежутъ разсвирѣвшія волны огня голую землю, тщетно наляющимъ дыханіемъ и миллионами исѣрь обдастъ бѣгледа страшный противникъ, ему не настигнуть намѣченной жертвы, попавшей въ тихую пристань,—и огонь, обойдя выжженную равнину, также бѣшено несется далѣе, устилая пройденный путь, чернымъ могильнымъ покровомъ.

Выходить, что противъ огня человѣкъ можетъ бороться съ успѣхомъ только при помощи той же стихіи. Вирочемъ по тому пути, гдѣ слѣдовалъ нашъ караванъ, ничего подобнаго быть не могло. Песчаныя и солончаковыя пространства, раскинувшись на сотни верстъ, были почти вовсе лишены растительности, если не считать чахлой бижгуни.

Мы вѣхали молча, занятые каждый одною думою. Дума эта была о водѣ. Правда, караванъ-башъ успокоилъ людей, что къ закату солнца вода будетъ и это обѣщаніе подѣствовало весьма отрадно, хотя на всѣхъ просто жаль было смотрѣть,—такъ подтянула жажда.

— А вдругъ это фантастичность одна, знаете, тогда что станемъ дѣлать, а?—сказалъ подѣхавшій ко мнѣ Телѣжниковъ.

— Какая фантастичность?—не понялъ я.

— Касаемо значить, воды! Того, этого, незамѣтно какъ будто, знаете, ничего похожаго.

— Ахъ, да оставьте вы, Семенъ Никитичъ, право! И безъ того тошно, а тутъ еще усугубляетъ ужасъ своими предположеніями.

— Оно точно, знаете „коемуждо воздастся по дѣломъ его“, а все же того, этого, какъ его...

— Ну, и подождемъ до вечера! Кебековъ обманывать не станетъ, а чтобы не такъ скучно ждать было, лучше спать лѣчь...

— Какая у насъ, Николай Ивановичъ, съ вами соната? я тоже, знаете, хотѣлъ это предложеніе на счетъ сна сдѣлать.

Между тѣмъ высокіе шишицы и барханы бугристыхъ песковъ, въ которые мы вступили, начали разнообразить бывшія до сего равнину. На плоскомъ, далекомъ горизонтѣ вставали призрачныя горы изъ бѣлыхъ облаковъ, рѣзко очерченныя по верхнему контуру свѣтло-голубою полосою неба.

Черезъ нѣсколько времени барханы перешли опять въ волнообразную холмистую поверхность; изрѣдка началъ попадаться саксаулъ (*Halimonden-pron*) и низкорослая таволга (*Albari Kirghisorum*). Эта перемѣна еще болѣе вселила во мнѣ увѣренность, что скоро мы доберемся до воды.

— Тюра, видишь вонъ энту сопку?—спросилъ меня маленький, приземистый киргизецъ Булекталь Назарбековъ, подѣхжалъ на своей горбоносой лошаденкѣ и указывалъ концомъ камчи *) куда-то въ пространство.

Зная уже по опыту силу зреїнія киргизъ и не надѣясь на свое, я вытащилъ бинокль и действительно увидѣлъ вдали чуть виднѣвшійся холмъ.

— Ну, теперь вижу. Что жъ изъ этого?

— Ой бой, ой бой, джаманъ мѣсто.

— Отчего джаманъ?

— Уръ конъ! Самъ Алимкулка тамъ ёздить **).

— Что ты!?—оживился я,—а мы мимо этой сопки поѣдемъ?

— Какъ мулла скажитъ, минъ бильменъ! (т. е. я не знаю) велитъ ёздить—поѣдимъ.

— Можно, значитъ и не заѣзжать на нее?

— Большой кругъ давать надо, теперь су только у этой сопки и найдемъ, анда тендерли булады ***).

Это сообщеніе чрезвычайно заинтересовало меня. Однако-жъ сколько я ни приставалъ съ разспросами къ Назарбекову относительно Алимкулки, онъ только отрицательно моталъ

*) Такъ называется нагайка.

**) Худое мѣсто, разбойниковъ много.

***) Су—вода, Анда Тендерли Булады, т. е.—тамъ колодцы будутъ. Тендерли—мии собственное.

головой, неизменно отвѣчая: *минъ билъмен!* Повидимому, действительно и самъ ничего не зналъ; опасно да и только, тѣмъ и ограничивались его сообщенія.

Теперь Левашевъ ѿхалъ въ хвостѣ каравана, а Кебековъ впереди, останавливать ихъ мнѣ не хотѣлось, а разспросить такъ и подмывало; я слѣзъ съ верблюда и отправился пѣшкомъ, но не успѣлъ сдѣлать и двадцати шаговъ въ сторону, какъ былъ заинтересованъ какими-то движущимися предметами краснаго и желто-бураго цвѣта. Когда я подошелъ ближе, то къ удивленію своему увидѣлъ, что эти движущіеся предметы были просто-на-просто черепахи (*Testudo*) весьма большаго размѣра. Ихъ было такое множество, что буквально весь песокъ двигался какъ живой. При моемъ приближеніи черепахи быстро втягивали головы и прятали ноги, такъ что снаружи оставалась одна чешуйчатая скорлупа. Желая испытать твердость ихъ роговой оболочки, я сдвинулъ двухъ черепахъ вмѣстѣ и стала на нихъ, но отъ этого никакого измѣненія не произошло и костики отлично выдерживали тяжесть моего тѣла.

Черепахи, впрочемъ, не всѣ были одинаковой величины, попадались и маленькия. Чрезвычайно заинтересованный, я долго разглядывалъ ихъ и вскорѣ двѣ не замедлили обогатить мою коллекцію всякаго зоологического хлама, я положилъ ихъ въ шляпу и, прибавивъ шагу, вскорѣ сравнялся съ переднимъ верблюдомъ, на которомъ покачивался караванъ башъ. Громадный верблюдъ плавно выступалъ по песку, красивые глаза смотрѣли его чрезвычайно серьезно, словно онъ сознавалъ свое превосходство надъ человѣкомъ въ этой безлюдной степи. Впрочемъ, пропущенная черезъ носъ веревка исказала серьезное выраженіе и мнѣ невольно пришло въ голову, что въ этомъ видѣ верблюдъ очень напоминаетъ моднаго франта съ лорнеткой на носу: также вздернута голова кверху, также осѣдланъ носъ и, пожалуй, также обоихъ водятъ за носъ.

— Усталъ сидѣть должно быть? — обратился ко мнѣ Кебековъ.

— Да, что-то ноги поразмѣять захотѣлось.

— Ничего, пройдись, это хорошо...

Мы замолчали. Кебековъ видимо находился въ тяжеломъ положеніи человѣка, такъ или иначе обманувшаго возложенное на него довѣріе. Косые взгляды членовъ каравана, изнуренный видъ людей — какъ укоры совѣсти, мучили этого почтенаго старика.

— Что это у тебя въ шапкѣ-то? — спросилъ онъ.

— Черепахи, хочу довезти ихъ до Петропавловска... а что, мулла, мы дойдемъ сегодня вонъ до той сопки, что виднѣется?

Дрогнули личные мускулы у Кебекова, грузно повернулся онъ въ сѣдлѣ и, сердито крякнувъ, сказалъ:

— Около сопки и привалъ сдѣляемъ; надо дойти во чтобы то ни стало, все равно ближе воды не встрѣтимъ.

Изъ подчеркнутыхъ Кебековымъ словъ я понялъ, что онъ на меня обидѣлся.

— Да я, мулла, не о томъ вовсе; я просто хотѣль спросить тебя, не опасно ли у этой сопки, говорятъ будто у этихъ колодцевъ пошливаютъ.

— Воля Аллаха! — кротко вздохнулъ Кебековъ и немного погодя добавилъ, — впрочемъ, теперь давно не слыхать про это, а раньше действительно случалось. Мѣсто-то очень удобное для нихъ.

— Какъ такъ? почему?

— Да вѣдь отъ этой самой *акчи-куймы* (въ буквальномъ переводе значить: „береги деньги“) начинаются Бугаты-Сайскія горы, въ которыхъ есть много лощинъ и ущелій значитъ, дурнымъ людямъ есть гдѣ спрятаться. Не даромъ и прозвали это мѣсто „акча-куйма“, понимаешь вѣдь, что это обозначаетъ по вашему?

Я мотнулъ головой: понимаю, молъ!

— Ты, впрочемъ, мултукъ-то свой осмотри, приготовиться на всякий случай не мѣшаешь! — посовѣтовалъ Кебековъ и я это принялъ, по канцелярскому выраженію, къ свѣдѣнію.

XVI. Степные разбойники.

Мулла Алимкуль, кокандский бекъ (кинчакъ родомъ), былъ энергичный и талантливый противникъ генерала Чернышева.

Будучи регентомъ кокандского хана Худояра, Алимкуль самостоятельно распоряжался дѣлами ханства. При наступлении русскихъ, онъ поднялъ всѣ силы ханства и бился во многихъ мѣстахъ съ нашими отрядами. Между своими соотечественниками этотъ батыръ пользовался безграничнымъ вліяніемъ и уваженіемъ и при томъ, надо сказать правду, славился беззавѣтною храбростью. Вотъ что говорить про него одинъ изъ изслѣдователей Средней Азіи.

„... Кокандцы были увѣрены въ усіхъ и вполнѣ убѣждены, что при своемъ численномъ превосходствѣ задавить и истребить слабый русскій отрядъ. Трудно сказать, какой былъ бы исходъ начавшейся битвы, если бы при самомъ началѣ боя, 9 мая 1865 года, Алимкуль не былъ смертельно раненъ въ грудь русскою пулею въ то самое время, когда онъ, съ саблею въ рукахъ, бросился впереди своей конницы, чтобы улечь ее въ атаку на русскіе ряды. Смертельная рана любимаго батыря навела панику на кокандцевъ, все смыкались и бросились бѣжать къ Ташкенту, куда увезли раненаго вождя кокандцевъ. Смѣрть его облегчила штурмъ, а битва рѣшила участь города Ташкента, который былъ взятъ 15 июня 1865 года“ *).

Вотъ въ краткихъ словахъ правдивая біографическая данная этого храбраго и славнаго вождя. Между тѣмъ, когда въ 70-хъ годахъ бродило въ степи множество различныхъ шакъ, укоренилось убѣженіе, что всѣ эти шайки организованы и дѣйствуютъ подъ предводительствомъ Алимкула. Имя его окружено было самыми легендарными сказаніями, а народная молва (хабаръ) приписывала ему даже сверхъестественные свойства. Да это и вполнѣ попытно:

*) И. А. Маевъ, Старый Ташкентъ.

путешественники, подвергшіеся нападеніямъ шакъ въ степи, сегодня слышали это грозное имя около Аральскаго моря, а черезъ день гдѣ-нибудь за цѣлыя тысячи верстъ караванъ подвергался нападенію новой шайки, и опять гремѣло тоже имя. Очевидно, разбойники хорошо понимали, что укрываться за легендарного батыря имъ выгодно. Можетъ и дѣйствительно былъ какой-нибудь самозванецъ, дерзнувшій присвоить себѣ это имя, а можетъ и просто по пословицѣ: „у страха глаза велики“, многимъ чудилось, что ограбилъ ихъ никто другой, какъ самъ мулла Алимкуль.

У насъ на Руси, особенно во времена понизовой вольницы, подобныхъ примѣровъ тоже встрѣчалось множество.

Донесшаяся въ Россію вѣсть о взятіи Ташкента,—этой столицы Туркестанскаго края,—весьма естественно породила у многихъ желаніе отправиться искать счастія въ новой провинціи. Широкой волной хлынули сюда различныхъ профессій люди и, не зная дороги, мѣстности и условій предпринимаемаго путешествія, большинство ихъ попадалось въ сѣти бродячихъ шакъ. Нашъ талантливый художникъ и беллетристъ Н. Н. Кузинъ правдиво и многократно описалъ въ своихъ романахъ такія нападенія. Безнаказанность—съ одной стороны и желаніе поживиться—съ другой побуждали придорожныхъ разбойниковъ совершать весьма дерзкія нападенія на одинокихъ путешественниковъ и даже цѣлые караваны.

Особенной жестокостью расправы и дерзостью нападеній отличались туркмены, или, какъ ихъ прозвали наши солдаты—трухменцы *).

Туркмены принадлежать къ монголо-татарской расѣ и населяютъ обширныя степи отъ Усть-Урта до Герата и Астрабада и отъ Каспійскаго моря до Балха. Они никогда не составляли цѣлаго народа, а постоянно дѣлились на племена (халькъ), колѣна (таифе) и роды (тайре). Всѣхъ туркменъ раздѣляютъ на десять главныхъ племенъ: Чодоръ,

*) Буквальный переводъ слова туркъ-менъ—значить: соинъ я.

Іомудъ, Кекленъ, Текке, Кара-Туркменъ, Салыкъ, Саррыкъ, Уа-Аймакъ, Эрзарь и Альбели.

Чодоры живутъ въ нижней части Усть-Урта, между Каспийскимъ и Аральскимъ морями, почти у самого чинка одъема на Усть-Уртъ). Іомуды занимаютъ восточный берегъ Каспийского моря съ нѣкоторыми его островами; но болѣе густыя кочевья ихъ при устьяхъ Атрека и Гюргена и у Балханского залива. Хотя іомуды, какъ иnomады, не имѣютъ городовъ, но у нихъ есть нѣкоторая постоянная мѣста, напримѣръ, Гамюшъ-депе, при Устьѣ Гюргена, Гассанъ-Кули, при устьѣ Атрека, Челекенъ на островѣ того же имени и и. друг., откуда они производятъ морскіе разбои и гдѣ собираются для нападеній на персидскіе берега. Геклены населяютъ плодоносныя долины въ верховьяхъ Атрека и Гюргена, занимаются земледѣliемъ и признаютъ подъ собой власть Персіи. Ихъ считаются до 10 т. кибитокъ. Текке—самое многочисленное, сильное и воинственное, племя, кочующее на обширномъ пространствѣ, въ южныхъ частяхъ хивинскихъ владѣній. Плодородной земли у нихъ нѣть, а потому сама природа заставила ихъ разбойничать и грабить населенія мѣста Персіи и Хивы. Текке раздѣляются на два лагеря или стана: первый при Ахалѣ, по восточную сторону болота Тедженъ, отчего и происходитъ название Ахалъ-Текке; второй при Мервѣ—мервъ-теке.

Кара-Туркмены племя небольшое, что-то около 2 т. кибитокъ, кочуетъ въ пустыняхъ между Андкуй'емъ и Мервомъ, отличаясь дикостью и бѣдностью. Самыръ и Саррыкъ — соседнія племена въ верховьяхъ р. Мургаба — отличаются храбростью и принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ туркменскихъ племенъ. Серахсъ, невдалекъ отъ р. Мургаба, главное мѣсто Салыровъ. Уа-Аймакъ—близъ Мешеда въ Персіи, въ подданствѣ которой и состоять. Ихъ насчитываются до 60 т. кибитокъ. Эрзары на лѣвомъ берегу рѣки Аму, между городами Чарджуй и Андкуй, въ сосѣдствѣ съ кара-туркменами, находятся подъ властью Бухары, которой платятъ дань. Наконецъ Альбели—малочисленное

племя, живеть въ районѣ Андкуя, смежно съ эрзарами и кара-туркменами.

Исторія свидѣтельствуетъ, что вся политическая жизнь туркменъ протекла въ междуусобныхъ расприяхъ однихъ племенъ съ другими и вѣнчаной борьбѣ съ ихъ соѣднями. На наши владѣнія туркмены также съ давнихъ поръ производили набѣги. Шайки ихъ неоднократно появлялись на Сырь-Дарьѣ, въ Барсукахъ и кара-кумахъ (название песковъ). Съ плѣнниками туркмены обходятся жестокосердно: привязываютъ ихъ подъ брюхо лошади или къ хвосту, или, наконецъ, гонятъ впередъ, безпощадно осыпая ударами ногайки. Плѣнники составляютъ у нихъ самыи видный предметъ добычи, потому что за этихъ несчастныхъ дорого платятъ (я разумѣю 70-е годы) въ Хивѣ, Бухарѣ и на другихъ восточныхъ рынкахъ.

Правительство наше, обуздавъ своеволіе и хищничество туркменскихъ морскихъ разбойниковъ въ Каспийскомъ морѣ заведеніемъ таmъ постоянного крейсерства, долгое время не могло этого сдѣлать по отношенію къ племени Чодоровъ, самыхъ дерзкихъ степныхъ разбойниковъ. Вотъ почему русскіе купцы всегда избѣгали направлять свои караваны чрезъ Усть-Уртъ, представляющій не болѣе 400 верстъ ширины. Не степной характеръ мѣстности этого перешейка и не бесплодная и безводная пустыня, а рассказы о хищничествѣ туркменъ заставляли избѣгать этого кратчайшаго пути въ Средне-Азіатскія ханства. Въ 70-хъ годахъ товары иногда отправлялись даже чрезъ Семипалатинскъ по такимъ же бесплоднымъ и несравненно обширнѣйшимъ, но за то болѣе безопаснѣмъ пустынямъ.

Туркестанская песчаная степь совсѣмъ не то, что степи хотя бы разбросанныя между Волгой и Ураломъ, или гдѣ-нибудь въ Малороссіи. Тѣ степи и въ однообразіи своеемъ имѣютъ поэтическую прелестъ: точно гигантскій коверъ, сотканный изъ зелени, разбросанъ у вашихъ ногъ. Дунеть вѣтерокъ—и степь заволнуется какъ море, берега которого гдѣ-то далеко-далеко сливаются съ горизонтомъ. Однимъ

словомъ, это не тѣ степи, которыя красотой своей привели въ художественный восторгъ бессмертнаго Н. В. Гоголя. Нѣть, при видѣ Туркестанскихъ безотрадныхъ степей, лишенныхъ всякой жизни, великий писатель навѣрно воскликнулъ бы: „Ахъ, чертъ вѣсъ возьми, степи!..“ а остальную часть фразы: „какъ вы хороши!“ такъ и не договорилъ бы....

Пески дѣлаютъ дорогу вовсе непроѣздною, колеса тонуть въ нихъ все равно, что въ водѣ, а хуже всего то, что пески эти расположены буграми: только что вѣхалъ на бугоръ, а передъ носомъ сейчасъ же слѣдующій и такъ далѣе до бесконечности. Въ оврагахъ легко можетъ спрятаться цѣлый десятокъ разбойниковъ; залягутъ словно волки и ждутъ съ истинно магометанскимъ терпѣніемъ. Подпустивъ путешественниковъ на разстояніе выстрѣла, они съ дикимъ гиканьемъ бросаются на несчастныхъ.

XVII. Привалъ предъ водою.

Нижній край огромнаго бронзово-краснаго солнечнаго диска уже изчезалъ за горизонтомъ, когда я проснулся отъ металлическаго звука колокольцевъ. Звуки эти сохранили рѣдкій, правильный темпъ, мелодично и постепенно переходя съ высокихъ нотъ на низкія и обратно. Я осмотрѣлся. Верблюды плавно выступали.

Мало-по-малу характеръ мѣстности сталъ измѣняться. Сначала изрѣдка, потомъ сливаясь все болѣе и болѣе въ плотныя массы, стали появляться густыя кустарникочкі и высокія группы джиддовыхъ деревьевъ. Мѣстами джидда уступала мѣсто саксаулу. Меня крайне поразило это оригинальное растеніе. Казалось, что колоссальные олены рога выросли изъ земли и только на самыхъ оконечностяхъ своихъ развѣтвленій украсились зелеными кистями, уподобляющими зеленымъ игламъ....

— Благодареніе Аллаху!—послышался возгласъ Кебекова и вслѣдъ затѣмъ онъ отдалъ приказаніе остановиться, чтобы вознести молитвы за благополучное достиженіе Тендер-

лей, до которыхъ оставалось не болѣе 5-ти верстъ, въ чѣмъ теперь уже не было ни малѣшаго сомнѣнія. Соскочили киргизы съ верблюдовъ и опустились на колѣна, лицами къ заходящему солнцу. Вся толпа стала набожно молиться, дружно подхватывая заунывнымъ напѣвомъ заключительные слова каждого молитвеннаго стиха. Отъ времени до времени молящіеся поднимали кверху распостертыя, съ открытыми ладонями, руки и, подержавъ ихъ нѣсколько въ воздухѣ, прикладывали большие пальцы за уши...

— Алла-Акбаръ! — провозгласилъ Кебековъ, разведя руками по обѣ стороны головы въ уровень съ ней, и пальницъ.

— Алла-Акбаръ! — прошептали остальные, подражая его движению и тоже падая ницъ.

— Алла-Керимъ! — истово продолжалъ старикъ, повторяя тотъ же приемъ.

— Алла-Керимъ!... повторили за нимъ, отпуская новый земной поклонъ.

И опять снова: Ашади-акбаръ! Ашадианна илляхъ илляхъ! Аллахъ-Аннахъ, мухамединъ расуллуплахъ! Эяль-азъ Салахъ! Эляхъ-Альфаляхъ, азъ-салатъ хеираль-минъ аль Евмъ! Аллахъ-Акбаръ!

— Эка орда косоглазая! и чего это они, знаете, руками кверху взмахиваютъ, того этого, да за ушами у себя скребутъ, знаете! — съ какой-то обидной ироніей резонировалъ Телъжниковъ.

Но на меня эта молитва „косоглазой орды“ повліяла какъ-то особенно умилительно. Подъ вліяніемъ такого настроенія, я невольно воскресилъ въ своей памяти Божій храмъ, церковное пѣніе, а далѣе — свое дѣтство, дорогую красавицу мать, — и картины счастливаго прошлаго вереницей пронеслись предъ моими умственными взорами, не внимательно скользившими теперь по развертывавшейся картинѣ.

А картина была достойна вниманія:

Заходящее солнце обливало послѣдними лучами степь на верблюдахъ.

и кусты саксаула, бросавшаго уже длинныя тѣни, ложившіяся поперекъ широкой полосы караванной дороги. Впереди колоссальной громадой возносилась почти отвѣсная скала *Мусъ-Беля*, совершенно закрывавшая собой поле зренія съ-верной стороны. На мрачной, лишенной всякой растительности, истрескавшейся и обсыпающейся ея поверхности косые лучи угасающаго свѣтила рѣзкими рельефами выдѣляли каждую выпуклость, каждый уступъ, отбрасывая въ то же время глубокія тѣни на смежныя углубленія и разсѣлины. Въ воздухѣ было совершенно тихо, и вечернее безмолвіе нарушилось лишь отдаленнымъ шумомъ ручья, усиливавшимся сосѣдствомъ скаль...

Но вотъ благодарственная молитва была окончена. Жажда хотя по прежнему мучила всѣхъ, но надежда на то, что скоро должны быть колодцы,—поселила въ насъ бодрость, воскресившую наши силы, и мы вскорѣ тронулись въ путь.

— Это послѣдняя трудная и опасная станція!—проговорилъ вздохнувшій Кебековъ.

— Какъ послѣдняя? А дальше что?

— Дальше колодцы будутъ попадаться чаще и для каравана уже не представится особенныхъ трудностей.

— А почему это мѣсто считается опаснымъ?—спросилъ я, признавшись, какая-то робость невольно охватила меня.

— Ущелье тутъ; опасно потому, что въ горахъ всегда почти скрываются бродячія шайки, которыхъ съ давнихъ временъ живутъ исключительно грабежами.

— Я не понимаю одного: неужели же до настоящаго времени русское Правительство не обуздало своеволіе этихъ дикихъ сыновъ степей?

Не помню, въ какихъ именно выраженіяхъ отвѣчалъ мнѣ Кебековъ на мой вопросъ, но я попытаюсь дать нѣ-которое объясненіе и представить картину того варварскаго міра, который въ наше время совершенно уже поглощенъ Россіей, а два-три десятка лѣтъ назадъ произвѣдилъ паническій ужасъ не только среди нась, русскихъ, но и среди нашихъ подданныхъ, населявшихъ пріуральскій

край, т. е. калмыковъ, казаковъ и Оренбургскихъ населеніевъ. Чтобы защитить это мирное населеніе, Россія была вынуждена идти въ глубь Азіи. Правда, и прежде, т. е. до 1850 года, русскія арміи проникали до самой Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря, но эти успѣхи еще не сулили тогда того, что они, дали потомъ. Сыръ—рѣка извилистая, полная мелей и неудобная для плаванія; что же касается Аральскаго моря, то оно было окружено со всѣхъ сторонъ несанчными степями и не представляло ни одной точки для колонизаціи. Создать флотилію на Аральскомъ морѣ стоило бы огромныхъ суммъ, потому что строить суда на мѣстѣ (за отсутствиемъ потребныхъ материаловъ) было невозможно, а пришлось все привозить на верблюдахъ, что представляло громадный затрудненія. Такимъ образомъ все осталось бы въ прежнемъ видѣ на долгія времена, если бы неосторожность и неисправимое варварство туркменскихъ хановъ не навлекли на нихъ роковый образомъ отдаленной грозы. Съ той поры положеніе дѣлъ измѣнилось: Малая Бухара завоевана китайцами, а Хивинскій ханъ, несмотря па свою кажущуюся самостоятельность, находится въ зависимости отъ Россіи. Богатый и цвѣтущій Коканъ завоеванъ, а то что еще свободно,—погибаетъ отъ анархіи.... Теперь, когда Россія перескочивъ безводныя пустыни, стала лицомъ къ лицу съ изувѣрами и фанатиками и, не повѣривъ искренности хановъ, путемъ оружія обратила ихъ въ вѣрноподданныхъ своихъ слугъ, теперь, повторю,—и самые разсказы о грабежахъ и паденіяхъ стали отходить въ области преданій. Ну, а три десятка лѣтъ—было иное. Полудикіе ханы, отуманенные неограниченную властію, слѣпыя орудія дервишей, оборванныхъ бродягъ, не имѣющихъ иного занятія, кроме изступленія благочестія и требующихъ войны, потому что имъ нечего терять,—худо вооруженные воины, голодные, не получающіе своего жалованья и потому вознаграждающіе себя грабежемъ,—все это ясно можетъ доказать причины, въ силу которыхъ становится понятнымъ существование степныхъ разбойниковъ, главный средства къ существованію ко-

торыхъ состояли въ охотѣ за людьми и были для нихъ столь же естественнымъ и безгрѣшнымъ занятіемъ, какъ нынѣ, напримѣръ, рыболовство.

Эти кочевые хищники собирались въ шайки, нападали на караваны, грабили ихъ, связывали мужчинъ и отсылали ихъ на бухарскіе рынки. Что испытывали эти несчастные, трудно, конечно, и вообразить, но любопытствующихъ отсылаемъ къ „Дневнику Писателя“ Достоевскаго, где есть страницы объ одномъ изъ такихъ невольниковъ—русскомъ солдатѣ...

XVIII. Одинокій путешественникъ.

По крутой, узкой тропинкѣ, затерявшейся между Алтынъ-Эмельскихъ ущелій, пробирался верхомъ на маленькой горной лошадѣ бильджуанской породы *) Тюра-Якубъ-бай. Звонкій топотъ конскихъ копытъ далеко раздавался вокругъ и нарушалъ полную тишину горъ. По временамъ, почти изъ-подъ самыхъ ногъ лошади, взлетали табуны горныхъ рябчиковъ (кѣлекъ), да на покатостяхъ утесовъ мелькали быстрыя, красноватыя, чрезвычайно ядовитыя змѣйки — мѣдянки. Это были единственные признаки жизни въ глухомъ Кастанскомъ перевалѣ. Тишина стояла необыкновенная, казалось, все спало въ солнечномъ жару: горы, воздухъ, небо... По виду лошади и путника можно было заключить, что путешествуютъ они уже давно: и безъ того поджарая лошадка совсѣмъ втянула бока, а въ углахъ губъ ея замѣтны были слѣды запекшейся крови, и она, и всадникъ, по всему было видно, испытывали страшную жажду. Да и было отъ чего. Уже другой день Тюра-Якубъ-бай не видѣлъ ни капли воды, а юньскій зной давалъ себя чувствовать. Тюра-Якубъ въ эти края попалъ впервые, а потому и не зналъ мѣстности. Быть онъ съ Ауліэ-Агача въ Чим-

*) Эти лошади при ѿздѣ по горицамъ крученъ—устойчивы, крѣпки и легки, какъ козы.

кентъ; отъ людей, что попались дорогой, услышалъ,—будто, если пересѣчь краjkъ Алтынъ-Эмельскихъ горъ, дорога вдвое ближе будетъ; послушался—и вотъ теперь приходится умирать. За себя-то онъ не боится: все равно умирать когда-нибудь надо, Аллахъ двухъ смертей не пошлетъ, а одной никакъ не избавишься, да вотъ бѣда,—Быть-то онъ не одинъ: межъ куржумовъ, что болтались по обѣ стороны передней луки сѣдла, мирно спокоился ребенокъ лѣтъ семи. Часъ тому назадъ ребенокъ выпилъ изъ тыквяной бутылки послѣдній глотокъ воды, который Тюра-Якубъ-бай, несмотря на то, что самъ умиралъ отъ жажды, отдалъ тому, кто былъ для него дороже всего на свѣтѣ. Каждую минуту ребенокъ могъ проснуться и попросить пить. Пить! Легко сказать! А где онъ, несчастный отецъ, незнакомый съ мѣстностью, возьметъ воды? Этотъ вопросъ, словно вожъ, запущенный въ сердце, причинялъ Якубъ-баю нестерпимую жгучую боль.

— Эхъ, напрасно я послушался! Бѣхъ бы степью, тамъ хоть колодцы встрѣчаются, а то вотъ...—и Тюра, не окончивъ фразы, съ горечью махнулъ рукой. Вдругъ онъ вздрогнулъ всемъ тѣломъ, почти разомъ остановилъ лошадь и замеръ. Ребенокъ отъ такой внезапной остановки проснулся и смуглыми кулачечками сталъ протирать заспанные глаза. Тюра осторожно соскочилъ съ лошади, придерживая одной рукой ребенка, спустилъ его, а самъ послѣдно прилегъ къ землѣ. Чуткое ухо его уловило какой-то неопределенный глухой шумъ, напоминавшій рокотъ ручья.

Пролежавъ совершенно неподвижно минуты двѣ, онъ радостно вскочилъ и ласково потрепавъ лошадь, обратился съ слѣдующей безсвязной рѣчью къ дорогимъ для него существамъ:

— Хазыръ су булады; милые мои, хорошие, хазыръ, хазыръ!..

Лошадь, какъ бы понявъ всю важность сообщеннаго ей извѣстія, тихо заржала. Не успѣлъ еще замереть отголосокъ ее ржанія, какъ въ отвѣтъ и совсѣмъ близко раздалось такое же привѣтствіе:

Якубъ-бай невольно схватился за висевший у него за плечами фитильный мултукъ *).

Встрѣча здѣсь, въ горахъ, могла быть очень опасна: кого-то Аллахъ пошлетъ — врага или друга? Избѣжать однако-жъ этой встрѣчи нечего было и думать, такъ какъ оставшаяся позади горная тропинка до того была узка, что мало представляла удобства спастись отъ врага бѣгствомъ, къ тому-же и воды не было, а впереди...

— Э, будь что угодно Пророку! — рѣшительно проговорилъ Якубъ-бай, подтянулъ потуже сѣдло, протеръ полой чапана воспаленный ноздри лошади и, вскочивъ на нее, бодро отправился впередъ, поддерживая лѣвой рукой ребенка, а правой крѣпко сжимая большой, нарывной, съ раструбомъ на концѣ, мултукъ.

Обогнувъ утесь, скрывавшій даль, всадникъ выѣхалъ на небольшую долину. Зоркіе глаза его разомъ охватили все пространство, раскинувшееся въ видѣ небольшаго оазиса.

Три стреноженныхъ лошади весело пощипывали траву. Хозяева ихъ лежали, растянувшись словно волки, и съ любопытствомъ всматривались въ приближавшагося гостя. Невдалекѣ гдѣ-то журчалъ невидимый ручей.

Тюра-Якубъ-бай подѣхалъ, остановился и поздоровался по всемъ правиламъ степнаго этикета, т. е., сложивъ руки на животѣ, отвѣсилъ кулдукъ, проговоривъ неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ фразы: „здравствуйте, молъ, добрые люди, откуда и куда держите путь“ и прочее въ этомъ родѣ, честь честью, какъ слѣдуетъ. Ему отвѣчали и, въ свою очередь, задали тѣ же вопросы.

— Въ Чимкентъ изъ Ауліэ пробираюсь — было отвѣтомъ, — горами поѣхалъ, сказали ближе будетъ, да вотъ дорогу-то хорошо не знаю, ну, должно быть, и заблудился.

Ничего ему не сказали, только молча переглянулись.

— Въ Чимке-е-нтъ?! — протянулъ одинъ изъ нихъ, послѣ

*) Мултукъ — среднеазіатское ружье на разнозарядныхъ, втыкаемыхъ въ гемлю для большейѣ вѣрности прицѣливанія.

минутной паузы, — ну, бай, ловко же надѣ тобой пошутили. Какой тутъ Чимкентъ, когда недѣлю воды не встрѣтишь?

Слово *воды* напомнило прибывшему о тѣхъ мѣсяцахъ, какія онъ испытывалъ вмѣстѣ съ лошадью.

— Вы вотъ говорите воды, а вѣдь я — другой день пошелъ — какъ ни капли не пилъ; увидалъ васъ — очень обрадовался ужъ, забылъ и про жажду.

— Ручей течетъ у этой муллушки; много воды, искупаться даже можно — проговорилъ одинъ джигитъ, указывая на степной сардобъ, стоявший саженяхъ въ пятнадцати.

Тюра быстро спѣшился съ лошади, отстегнулъ отъ сѣдла свернутый въ трубку небольшой паласъ, разославъ его и посадивъ ребенка, проговорилъ, обращаясь къ джигитамъ:

— Совсѣмъ смущился съ нимъ, думалъ — погибнемъ безъ воды, эхъ!..

— Нѣ, дай ему! Воды на всѣхъ хватить... и при этомъ старшій, одѣтый въ ярко-красный адрассовый халатъ, простируя мѣдный кумганъ съ чистой родниковой водой.

Жадно прильнуль къ кумгану Тюра и, не отрываясь, началъ тянуть драгоценную влагу.

— А ты не нападай сразу-то! Самъ же говоришь, другой день не пилъ, знаешь вѣдь, что вредно.

— Правда. Спасибо за совѣтъ! — поблагодарили Тюра и про себя подумалъ: люди, значитъ, не дурные, коли добру наставляютъ.

— Посиди тутъ, карагамъ-чарагамъ (милый, хороший), я пойду лошадь напою! — обратился онъ къ ребенку и, взявъ за поводъ коня, повелъ его къ ручью.

— Подозрительно что-то, и откуда такой взялся? — ворчливо началъ было узкоглазый джигитъ, тотъ что былъ по моложе, обращаясь къ старшему товарищу.

— Тише ты, видишь щенокъ-то смотрѣть какъ! — толкнулъ красный халатъ первого.

— Помѣшать еще, дьяволъ, можетъ...

— Эхъ, баба! чего бояться, пасъ шестеро.

— Я не къ тому, а откуда молъѣдетъ и кто такой.

— Чуль улькунъ *) всѣмъ мѣста хватить, а дороги ни кому не заказаны.

— Мирза, а мирза, что это у него въ куржумахъ-то по-набито, посмотрѣть бы!

— Тес!..—снова предостерегъ старшій и покосился на ребенка,—послѣ узнаемъ.

Тюра-Якубъ-бай, напоивъ между тѣмъ лошадь, началъ вываживать ее по полянѣ.

— Долго что-то наши не возвращаются!—помолчавъ, заговорилъ опять молодой.

— Вечера ждутъ, когда стемнѣется... да ты лишияго-то не болтай; вонъ *тотъ* возвращается.

Дѣйствительно, Тюра-Якубъ-бай, стреноживъ лошадь, пустилъ ее къ другимъ, при чёмъ сѣдла не снялъ, а только ослабилъ немногого подпругу: мало ли, дескать, что можетъ случиться, а самъ подошелъ къ ребенку.

— Хорошо бы теперь бишбармаку похлебать! — помечталъ вслухъ молодой джигитъ.

— Ишь чего выдумалъ, бишбармаку! тьфу ты...

— Или плову бы, а потомъ кумысу напиться! — продолжалъ первый.

— Да ну тебя къ шайтану, тьфу! тошнить даже.—Позывы къ тошнотѣ, если сказать правду, произошли у краснаго халата отнюдь не отъ того, что онъ не хотѣлъ предлагаемыхъ кушаньевъ или не любилъ ихъ; причины были совсѣмъ иные: рысая по степи уже нѣсколько дней, волки эти ничего кромѣ, чурека (сухія лепешки), неѣли, а бишбармакъ и пловъ, да еще съ кумысомъ въ заключенѣе—такія вещи, о которыхъ только помечтать и доводится вѣчно полуголоднымъ степнымъ разбойникамъ.

— А мы вотъ чайку сейчасъ вскипятимъ, у меня и чайникъ есть! — сказалъ повеселѣвшій Тюра-Якубъ, — жаль только тоилива-то нѣту...

— Что ты! какой тутъ чай... огня никакъ разводить не можно!..

*) Степь большая.

— Отчего?

— Ну, самъ знаешь... степь... дымъ далеко будетъ видно, зачѣмъ выдавать свое присутствіе, неравно худые люди пріѣдутъ...

Всѣ помолчали.

— Такъ вы саудикеры *) говорите? А гдѣ же товарь-то у васъ?—спросилъ Якубъ-бай у своихъ новыхъ знакомцевъ.

— Мы на день караванъ обогнали, дѣло было... къ вѣчеру всѣ сюда прибудутъ... да вонъ никакъ и наши єдутъ!—быстро воскликнулъ Мирза, прикрывъ рукой, въ видѣ козырка, глаза и всматриваясь вдалъ.

На горизонтѣ виднѣлись едва замѣтныя три точки:

Тюра-Якубъ-бай задумался

Теперь, когда онъ удовлетворилъ мучившую его жажду, когда возможность умереть безъ воды миновала, предъ нимъ возникъ новый тревожный вопросъ; новое чувство, доселѣ, правда, ни на чёмъ не основанное—чувство боли за ребенка закралось въ его душу: вѣдь кто знаетъ, что за люди встрѣтились ему?

— У одного вонъ кольчуга подъ халатомъ!—подумалъ тюра—а хорошій человѣкъ этой рубахи не надѣнетъ! Саудикеры,—говорятъ,—да можетъ изъ тѣхъ, что по дорогамъ беззопшенно торгаютъ... ники у всѣхъ! эхъ, волѣ тебѣ на встрѣчу,— положеніе-то какое!..

— Зачѣмъ кичкене **) съ собой везешь? дорога дальняя, трудно!—спросилъ молчавшій до этой минуты третій джигитъ, посматривая на красиваго ребенка.

— Хатынъ ***) развѣ нѣту?

— Нѣту!—вздохнулъ тюра—не съ кѣмъ оставить было, а въ Чимкентѣ большое дѣло есть.

— Ата, маганъ нацъ керекъ! ****) неожиданно заявилъ маленький путешественникъ,—нантъ берсенчъ!

*) Купцы.

**) Кичкене—маленький.

***) Баба, хозяйка, жена.

****) Отецъ, мнѣ хлѣба надо, хлѣба дай.

— Хазыръ, карагамъ чарагамъ, хазыръ!—и тюра хотѣло достать, хлѣба, да вспомнилъ, что всѣ припасы остались въ сумкѣ, привязанной къ сѣдлу,

Межу тѣмъ показавшіяся на горизонтѣ точки стали чище. Теперь уже можно было безъ особаго напряженія зрѣнія разсмотрѣть трехъ всадниковъ, гнавшихъ во весь опоръ. Песчанъ, вздымаемый шестью парами лошадиныхъ ногъ, густымъ облакомъ окружалъ наездниковъ. Еще четверть часа,— и они будутъ здѣсь.

Тюра Якубъ подумалъ минутку, затѣмъ зѣвнулъ съ такимъ аппетитомъ, что чуть не свихнуль себѣ челюстей.

— Всю ночь юхалъ, спать страшно хочется!—проговорилъ онъ, ни къ кому въ сущности не обращаясь.— Да, такъ тебѣ хлѣба, Райханъ? Пойдемъ, у меня въ сумкѣ хлѣбъ-то.

— Куда-же ты? Погоди вотъ наши пріѣдутъ, ужинъ будемъ варить.

— Худые люди на дымъ пожалуй пріѣдутъ!—съ чуть замѣтной ироніей отпарировалъ Якубъ-бай и решительно добавилъ: нѣтъ, я пойду въ муллушки, поужинаемъ съ нимъ вотъ, да и спать завалимся, а тамъ въ путь пора!—а про себя добавилъ: кто вѣсъ знаетъ, что вы за купцы таіе, если тутъ лечь, такъ пожалуй долго не проснутъся; а въ муллушки все-таки легче оборониться, въ случаѣ чего... Пойдемъ Райханъ, я тебѣ „нантъ“ дамъ.

Крѣпко захотѣлось молодому мирзѣ вѣзти въ гости, зо онъ, что-то сообразивъ должно быть, только плюнулъ: ступай, дескать, спи; намъ вѣдь все равно — теперь ли, послѣ ли тебя прикончить.

Чтобъ не навлечь какого подозрѣнія, Якубъ-бай отвязалъ куржумы и отправился съ ребёнкомъ въ муллушки, предварительно распутавъ лошадь и оставивъ её совершенно на волѣ. Онъ не боялся за своего карабаира: тотъ съ полусловами понималъ своего хозяина и всегда могъ явиться на первый свистъ, какъ бы далеко не отошелъ. Маневръ этотъ не укрылся отъ джигитовъ.

— Ишь, собака, догадался должно быть!—проворчалъ красный халатъ,—лошадь распуталъ.

Молодой Мирза ничего на это не отвѣтилъ, онъ, очевидно, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ подѣлывающихъ товарищъ, по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на приближающихся всадниковъ, не отрывая глазъ.

XIX. Замыслы разбойниковъ.

Въ Киргизской степи весьма нерѣдко встрѣчаются разбросанные тамъ и сямъ надгробные глиняные мавзолеи (муллушки или мазарки). Эти мавзолеи нерѣдко бываютъ весьма красивы да и вообще обдѣлка даже самой бѣдной киргизской могилы, въ видѣ гробницы съ полукруглымъ или заостреннымъ продольнымъ сводомъ, ясно указываетъ, что киргизы свято чтутъ память своихъ мертвыхъ.

Встрѣчающіяся въ Туркестанскомъ краѣ могилы можно подраздѣлить на нѣсколько типовъ или группъ; такъ, напримѣръ, одна изъ нихъ снабжены сверху болѣе или менѣе значительными насыпями земли (могильные курганы); иногда вместо земли могилы обкладываются камнями, особенно поблизости горъ; встрѣчаются также и съ четырехъугольными углубленіями на поверхности, выложенными плитами; эти углубленія обнесены кругомъ камнями, поставленными на ребро. Всего интереснѣе, разумѣется, мавзолеи. Представьте себѣ высокую, сажени въ три вышиною, пустую, куполообразную, глинобитную палатку. Во всей этой постройкѣ, при ея обширности и высотѣ, вы нигдѣ не найдете никакихъ желѣзныхъ связей, церемоничекъ и скрѣплений, такъ что Аллахъ ее знаетъ, на чёмъ и какъ держится вся эта масса!

Въ давно минувшія времена, когда владычествовалъ еще Абдуллахъ-ханъ—этотъ истинный благодѣтель степей, память которого много вѣковъ будетъ чтить всѣ тѣ, кого судьба забросить въ мертвые пустыни,—у киргизъ проявлялось и уваженіе къ званію, и стремленіе къ распространенію

юю науки и цивилизаций. Остатки древних арыковъ въ голодной степи и въ другихъ, вынѣ совершенно мертвыхъ пустыняхъ, величественные степные работы и монументальные сардобы—продолжаютъ свидѣтельствовать, что были свои золотыя времена и для средней Азии (исключая, впрочемъ, Кара-кумовъ, этой пуповины пустынного пространства, описанной мною выше).

Въ наши дни такія сооруженія представляютъ лишь рѣдкіе памятники старины, къ сожалѣнію, совершенно неизслѣдованные и даже не приведенные въ извѣстность. Все-сокрушающее время безжалостно уничтожаетъ ихъ...

Муллушки, въ которую отправился тюра Якубъ-бай, была сажени четыре въ диаметрѣ и аршинъ восемь въ вышину. Отъ времени материалъ, изъ которого она была построена; такъ затвердѣлъ, что при ударѣ въ него звенѣлъ какъ хороший глиняный сосудъ.

Дверка изъ краснаго дерева былаувѣшана разноцвѣтными лоскутками и тряпицами, которые обыкновенно остаются путешествующими номадами, какъ знакъ своего пребыванія на могилѣ святого (очевидно и подъ этимъ мавзолеемъ покоился какой-нибудь святой). Наствѣнныя панели оригинального памятника были облицованы узорчатыми изразцами и испещрены мозаикой надписей, заключающихъ въ себѣ молитвы и тексты изъ корана. Надъ самой дверкой надпись состояла изъ слѣдующаго текста корана:

„Всякому благочестивому открыты двери рая“.

Немного повыше, кругомъ всего мавзолея тянулась другая надпись красивыми сульскими литерами: „Аллахумма-Аллахкуна-ль Гакуни уляу-кона-ль букагу-би-кодри-саукиль-аирате“, т. е. „Вознеси, Господи, душу мою въ обитель блаженства, сопричи къ Твоимъ праведникамъ и сохрани на томъ свѣтѣ“.

Лазурно-голубой орнаментъ пріятно поражалъ глазъ и невольно переносилъ въ какую-нибудь цивилизованную страну, заставляя забыть, что вы находитесь среди песчаной, голодной, киргизской степи, гдѣ на щѣлую недѣлю времени надо

запасаться водой, чтобы не умереть самой ужасной, самой мучительной смертью.

Въ сущности, у киргизъ только по особо данному обѣту можно входить въ эти степные склепы, чтобы поклониться праху святаго; покоящемуся подъ ними.

Почему же тюра Якубъ-бай сдѣлалъ такое отступление? Это мы скоро узнаемъ.

Вновь прибывшіе (трое) джигиты, повидимому, сильно спѣшили. Взмыленныя лошади тяжело дышали и едва переводили духъ, да и пайздики были не въ лучшемъ состояніи.

— Чего это вы такъ упарились, словно за вами самъ шайтанъ гнался?—иронически спросилъ прибывшихъ красный халатъ, который, повидимому, былъ главаремъ этой шайки каракчея (разбойниковъ).

— Скоро будущъ... караванъ большой... урусь есть!.. торопливо, сильно захлебываясь, сообщилъ одинъ изъ джигитовъ, не обращая вниманія на иронический тонъ начальника.—Мы кругъ большой дали...

— Народу много?—дѣловымъ уже тономъ спросилъ красный.

— Много-то много, да никто не вооруженъ; только у двухъ русскихъ мултуки есть, остальные безо всего... спять по цѣлымъ днямъ, словно сурки...

— Байдку, значитъ, видѣли? говорили съ нимъ?

— Мало... не удалось поговорить... только и сказалъ, что спять... мы такъ, издалека .. за барханами сидѣли..

— Э, плохо дѣло! не вѣрю я этому собакѣ, пожалуй не исполнить, чего обѣщалъ.

— Что-жъ ему обманывать, я пай послалъ хорошій...

— Пай послалъ! а ты сначала поймай звѣря въ капканъ, да потомъ говори о шкурѣ... надуешь тебя твой таджикъ...

— Чего меня надувать-то, я вѣдь не козій мѣхъ!

— Ты.. дьяволы! чего раскрѣчались словно коршуны вадъ падалью, забыли развѣ про этого-то!—предостерегъ

Мирза Хакимъ, указывая глазами на сардобъ, гдѣ находился тюра Якубъ-бай.

— А что такое? кымъ анда? (кто тамъ?)

— Принесъ шайтанъ безъ васъ какого-то, спрятался вонъ въ муллушки.

— Ну-у?! кто такой?

— Проехжай какой-то, съ ребенкомъ ёдетъ, говорить заблудился.

— А вы его ужъ не могли того?..—и прибывшій джигитъ жестомъ докончилъ фразу.

— Экъ ты до крови-то жаденъ; погоди ужо, вотъ на томъ свѣтѣ шайтанъ тебя за это изжарить въ котлѣ, какъ шашлыкъ...

— Усталъ, повидимому, сильно, теперь должно быть спитъ уже...—умиротворяющимъ тономъ сказалъ одинъ изъ джигитовъ-халатниковъ.

— Ну, будетъ обѣ этомъ! тамъ посмотримъ, что дѣлать, а пока слушайте; да двиньтесь ближе, нечего на всю степь то ораты!..—повелительнымъ тономъ приказалъ красный халатъ и военный совѣтъ придорожныхъ разбойниковъ начался уже вполголоса.

XX. Нападение.

Чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ планъ мѣстности, я долженъ нарисовать топографію и сказать нѣсколько словъ о колодцахъ Тендерли—этой единственной артеріи всей кзылкумской безводной степи. Смотря теперь на карту Средней Азии, мы можемъ только удивляться поражающему количеству урошищъ съ киргизскими и русскими названіями. Боръ-Муле, Казыль-гакъ, Обалы-Томсукъ, Джандели-Конуръ таъ и чередуются съ Викторовскими, Федоровскими, Александровскими и Семеновскими станицами и пикетами, протянутыми по всей степи отъ Оренбурга и до Ташкента. Нерѣдки также нынѣ и артезіанские колодцы, словомъ—теперь путешествія по степи сдѣлались дѣломъ обычнымъ.

не только для насъ, русскихъ, но и для бухарскихъ купцовъ, во всякомъ случаѣ сильно ослѣпленныхъ предразсудками во-первыхъ, и весьма резонно побаивавшихся отваживаться прежде путешествовать по безводной пустынѣ, во-вторыхъ. Какъ Кавказъ, освобожденный отъ хищныхъ беевъ, даль возможность производительному населенію этого края развить его неисчерпаемые источники богатства, такъ и Туркестанскій край (недавно представлявшій terra incognita), сталъ въ наши дни такимъ Эльдорадо, къ которому стремятся тысячи предпріимчивыхъ людей. Въ 70-хъ годахъ, однако мы не слыхали ни о какихъ такихъ штукахъ, называемыхъ „артезіанскими колодцами“, а отправляясь въ путь, попросту брали съ собой въ запасъ воды въ количествѣ, достаточномъ для перѣзда отъ одного вырытаго колодца къ другому. Правда, подобные расчеты не всегда оправдывались: иногда отъ жары вода испарялась, иногда нечаянно турсуки отвязывались и разрывались въ лоскутья, а иногда, пріѣдя къ вырытому какимъ-то невѣдомымъ благодѣтелемъ колодцу, путешественники заставали одну зияющую дыру, откуда несло разлагающимися трупами, если не всегда человѣческими, то звѣринными.

Не всякому были и извѣстны эти степные дыры, носящія громкое название колодцевъ. Если такой опытный проводникъ, какъ Кебековъ, заблуждался, то люди менѣе его знающіе характеръ и свойства степи, зачастую дѣлались жертвами своей предпріимчивости.

И только колодцы Тендерли были той пріятной перспективой, которая еще за недѣлю впередъ вселяла надежду. Да не подумаетъ читатель, что Тендерли представляли тоже какойнибудь клоповникъ, или дыру, вырытую среди степи.

Мусъ-Бель есть отроги Мугоджарскихъ горъ, а горы эти (подъ различными, впрочемъ, названіями) съ одной стороны упираются въ городъ Вѣрный, а съ другой—граничать съ рѣкой Эмбой (Уральской области). Почти что по самой ихъ срединѣ, какъ разъ по окончаніи послѣднихъ безводныхъ Тусумскихъ песковъ, и находятся Тендерли. Въ со-

съднемъ ущельи бывают родники съ чистой, прозрачной какъ хрусталь водой. Ущелье это круто кончается сопкой, изъ подъ которой и течетъ *Карызъ*^{*)} наполняя десятокъ колодцевъ подъ общимъ названиемъ Тендерли.

Если представить поле зрея съ той стороны, какъ мы вхали, то расположение было таково: прямо высыпалась утесь, за которымъ извилистой лентой пропадало ущелье, и сколько лѣвѣе колодцевъ, саженихъ въ 40, была могила киргизского святого Эмбетел (къ сожалѣнію, мы никакъ не удалось сбратъ свѣдѣній объ этомъ, почитаемомъ номадами муллѣ). Могила эта, находилась впрочемъ, среди громаднѣйшаго сардoba. Съ правой стороны тянулся оврагъ, затерявшийся въ перспективѣ; все это однако скрывалось горой, выдвинувшейся попрекъ въ видѣ какого то гигантскаго утюга. Опасность если и представлялась, то избѣжать ея не было никакой возможности, такъ какъ только подъѣхавши вплотную къ колодцамъ, можно было ориентироваться, но это во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ поздно. Разбойники могли скрываться и въ оврагѣ Акча-куйма, и въ Муллушки, и за утесомъ. Осторожность, конечно, не мѣшала, но и будоражить зря народъ ни одинъ караванъ-башъ не рѣшился, а потому Кебековъ, кромѣ меня, никомуничѣмъ не выдалъ своего волненія, а волненіе—это я отлично видѣлъ—у него было слишкомъ велико. Впрочемъ, какъ мною гдѣ-то уже замѣчено, братъ на себя отвѣтственность за цѣлый караванъ—дѣло далеко не шуточное: поневолѣ за каждымъ утесомъ будутъ чудиться разбойники.

Мы подходили къ колодцамъ Тендерли.

Жажда томила всѣхъ страшная, верблюды еще бодро выносили это лишеніе, лошади же едва волочили ноги и частенько спотыкались, по не отъ усталости, а отъ жажды,

^{*)} Карызъ—подземная река. Изображеніе персидское: по направлению скатовъ прорывается и сколько десятковъ близко расположенныхъ друга отъ друга колодцевъ, которые внутри соединяются между собою общимъ подземнымъ каналомъ.

что можно было заключить по ихъ глазамъ, сильно помутившимся.

Тонкій, бѣловатый паръ поднимался надъ зияющими отверстіями степныхъ колодцевъ, песокъ кругомъ былъ влаженъ и на немъ искрились мелкие солончаковые блестки. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки побѣлѣвшей оставшейся золы, чернѣль помѣтъ, отпечатки перепутанныхъ слѣдовъ верблюжихъ, конскихъ, человѣческихъ, обрывочки веревокъ и т. п. остатки временныхъ бивуаковъ. Лошади, почуя воду, звонко заржали, верблюды тоже надрывались какимъ-то хрипкимъ ревомъ, словно простуженные. Поваръ Куллашака, захвативъ съ собой турсукъ, первый бросился за водой, но не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ изъ-за муллушки что-то пукнуло, показался бѣловатый дымокъ—и Куллашака прямо носомъ сунулся въ песокъ, сильно взрыхливъ его. Вслѣдъ за этимъ раздался дикий крикъ и шестеро всадниковъ съ длинными тонкими пиками на перевѣсь бросились на нашъ караванъ. Поднялась суматоха, крики, брань... Не успѣлъ я понять еще въ чёмъ дѣло, какъ вдругъ почувствовалъ у себя на плечѣ какую-то острую боль. Схватившись инстинктивно за болѣющее мѣсто, я съ ужасомъ увидѣлъ, что рука моя покрылась теплой липкой кровью.

Ударъ нанесенъ былъ сзади; въ эту минуту Левашевъ что-то закричалъ мнѣ, я оглянулся и прямо предъ собой встрѣтилъ разъяренную рожу Сандъ-Басмана, замахнувшагося ай-балтой. Крикнуть я не успѣлъ: глухой ударъ по головѣ свалилъ меня съ лошади,—и я лишился чувствъ...

XXI. Незнакомецъ.

Звонко ударяются подковы о каменистый грунтъ, и однобразно отдается этотъ звукъ въ крутыхъ, черныхъ стѣнахъ, со свѣшившимся по нимъ низкимъ колючимъ кустарникомъ. Испуганный ужъ торопливо прилечется въ расщелину утеса; проворно пробирается ящерица по выдающимся между растеніями камнямъ; маленькая черепаха любопытно высо-

выывает голову изъ своего костяка; лиса и хорекъ, подгоняя другъ друга, несутся большими скачками черезъ разбросанные камни, и оглушительно раздается вверху свистъ нелюдимаго орла-стервятника. Я хорошоенько не помню—видѣлъ я все это во снѣ или на яву. Сознаніе то возвращалось, то вновь оставляло меня. Какъ я попалъ сюда, въ эти горы, что со мной,—ничего этого я не могъ себѣ представить, только чувствовалъ, что ложе мое крайне беспокойно; голова свѣсилась на бокъ, туловище было привязано къ сѣду тонкимъ волосянымъ арканомъ; при всемъ этомъ страшно ныло плечо, а во рту палило словно огнемъ. Подѣлъ меня шелъ другой конь, на которомъ сидѣлъ, понурившись, всадникъ по виду узбекъ, голова его была опущена на грудь, онъ или спалъ, или сильно о чёмъ-то задумался.

— Куда это везутъ меня! зачѣмъ?—подумалъ я и вдругъ дѣйствительность воскресла передо мной со всѣми мельчайшими подробностями. Я вспомнилъ и рану въ плечо, и ударъ, нанесенный Сандъ-Басманомъ, и теперь уже не было сомнѣній, что везутъ меня въ ильинъ.—Но почему же нась только двое? Гдѣ же остальные? А, да впрочемъ не все-ли равноЛ.. И на меня напало какое-то убийственное равнодушіе къ своей судьбѣ...

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ того времени: вѣдь, кажется, какъ давно, а между тѣмъ изъ моей памяти не успѣла стушеваться или исчезнуть ни одна черта, ни одна линія, ни одна полоса свѣта или тѣни изъ того, что я описываю. Я помню, какъ вслѣдъ за мыслью, что я попалъ въ плѣнъ, мнѣ тутъ же пришло въ голову, почему это стукъ копытъ одной лошади былъ поразительно похожъ на мелкую дробь барабана: „тра-та-та! тра-та-та!” тогда какъ другая лошадь довольно правильно выбивала юношами: „разъ, два, три, четыре! разъ, два, три, четыре”..

— Ахъ, какъ хочется пить! тра-та-та! тра-та-та! Разъ, два, три, четыре! Разъ, два, три, четыре!..

— Эй, тюра! если ты желаешь живого меня доставти, то ради Бога дай хоть глотокъ воды и развязи, не убѣгу

вѣдь!..—обратился я къ своему чичероне, едва выговаривал слова, такъ все наболѣло и пересохло.

Еслибъ, вслѣдъ за этимъ, съ яснаго голубого неба упалъ громъ, то онъ не болѣе поразилъ бы меня, какъ то, что я услышалъ.

— Ахъ, вы очнулись! Ну, слава Богу, слава Богу!—проговорилъ мой спутникъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ и разомъ остановилъ лошадей, соскочилъ и бросился ко мнѣ развязывать веревки. Черезъ минуту я сидѣлъ уже на лошади и съ жадностью глоталъ воду.

— Будетъ, не пейте много; давайте я перевяжу вамъ плечо!—заботливо продолжалъ онъ, хлопоча около меня.

— Господи! да что же это такое... брежу я, или это все во снѣ происходитъ?.. но пѣть, сильная боль въ плечѣ, до котораго дотронулся спутникъ, заставила меня вскрикнуть; значить, я и не сплю, и не брежу.

— Ради Бога, скажите, кто вы и куда меня везете?—спросилъ я.

— Пожалуйста успокойтесь и не волнуйтесь! Вы находитесь въ совершенной безопасности и въ самомъ скоромъ времени будете опять среди вашего каравана.

— Какъ каравана! да гдѣ же онъ? Давно-ли мы оттуда? Гдѣ вы меня взяли?

— Вы такъ много задали мнѣ вопросовъ, что я не знаю, на который и отвѣтить. Скажите-ка лучше, въ состояніи-ли вы сидѣть на лошади и можемъ-ли мы продолжать путь?

— О, да, да...

— Ну, и отлично. Вы садитесь и пойдемъ, а дорогой я вамъ постараюсь объяснить все, только пожалуйста не говорите и успокойтесь; уверяю васъ, что я другъ вашъ и везу васъ туда, откуда вы были похищены..

— Похищенъ? Я?

— Ну, да, ну, да! Слушайте же и не перебивайте. Безъ сомнѣнія, костюмъ мой заставляетъ васъ предполагать во мнѣ киргиза и даже разбойника, тогда какъ я русскій...

— Русскій?! но какъ же...*

— Вы оять заговорили; вамъ вредно. Успокойтесь и слушайте меня... Да. я русскій. По крайней мѣрѣ, прежде былъ имъ... давно уже меня зовутъ Якубъ-бай, но на самомъ дѣлѣ я Яковъ Николаевъ Зубаревъ... Вчера вечеромъ, волею судебъ, мнѣ случилось быть въ той самой муллушки, около которой было сдѣлано нападеніе на вашъ караванъ...

— О, Боже! тачь неужели и вы...

— Былъ однимъ изъ разбойниковъ,—хотите вы сказать,— успокойтесь и не торопитесь дѣлать никакихъ заключеній. Я еще разъ прошу васъ не перебивать меня и черезъ нѣсколько минутъ вы будете знать все.

Мнѣ оставалось только покориться и я услыхалъ слѣдующее.

— Проѣзжая въ Чимкентъ, я заблудился и попалъ совершилъ случайно къ колодцамъ. Около этихъ колодцевъ встрѣтились мнѣ трое степныхъ разбойниковъ, о чёмъ я узналъ уже послѣ. Они, поджидая караванъ, не обратили, повидимому, особеннаго вниманія на мой уходъ въ муллушки, куда я отправился со своимъ ребенкомъ спать, какъ сказали имъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы укрыться въ болѣе безопасное мѣсто и возможно дороже продать жизнь, если бы она попадобилась этимъ молодцамъ. Сквозь дверную щель я сталъ наблюдать за всѣмъ происходившимъ предъ моими глазами. Встрѣченные люди сказали мнѣ, что они купцы, уѣхавшіе впередъ отъ своего каравана, который вскорѣ долженъ прибыть. Однако, почти передъ самымъ уходомъ въ муллушки я видѣлъ приближавшихся трехъ всадниковъ, гнавшихъ во весь опоръ. Прибывшіе были вооружены съ головы до ногъ и нисколько не походили на мирныхъ купцовъ. Они начали что-то горячо разсказывать и я хотя не слышалъ словъ, но легко могъ догадаться, что рѣчь шла о какомъ-то нападеніи на караванъ. Нѣсколько разъ это слово, громко повторенное, дало мнѣ понять, въ чёмъ суть. Не могу вамъ въ точности сказать, сколько прошло времени, только вдругъ злодѣи направились къ муллушки и я уже думалъ, что насталъ мой конецъ. Однако, они обогнули ма-

зарку и спрягались за ней, уведя вмѣстѣ съ собой и лошадей; очевидно, они расположились такъ потому, чтобы хотя на первое время скрыть свое присутствіе. Кирѣдка до меня доносился неясный, сдержаный шепотъ, но вскорѣ и онъ смолкъ. Но вотъ въ степномъ безмолвіи, издалека донесся какъ бы звукъ колокольчика и я сообразилъ, что караванъ приближается, а стало быть вскорѣ должна произойти катастрофа. Судите о моемъ положеніи. Что дѣлать? Впрочемъ, я рѣшилъ выжидать и... примкнуть къ партии сильнаго... Осмотрѣвъ ружье, я рѣшился разрядить его въ самомъ крайнемъ случаѣ... Между тѣмъ караванъ приближался; я видѣлъ, какъ какой-то киргизъ соскочилъ съ верблюда и бросился къ колодцамъ: должно быть пить очень захотѣлъ; почти въ ту же минуту позади меня раздался выстрѣлъ и пулъ произительно завыла, затѣмъ звонко щелкнула, и киргизъ упалъ. Тогда спрятавшіеся разбойники съ дикимъ крикомъ: Аллеманъ! Али, Магома *)! кинулись на переднихъ людей каравана и началась схватка. Вдругъ одинъ изъ членовъ каравана на великолѣпной вороной лошади вскрикнулъ что-то по-русски. Что именно, я не могъ разобрать и только видѣлъ, какъ вы упали на землю замертво. Присутствіе русскихъ, которымъ я обязанъ былъ оказать помощь, вынуждало меня броситься въ свалку, но кто были враги, этого отличить не представлялось никакой возможности. Костюмъ мой, безъ сомнѣнія, ввелъ бы въ заблужденіе вашихъ и усилилъ панику... Къ тому же, я не могъ рисковать своей жизнью, потому что подлѣ меня спалъ мой ребенокъ, т. е., другими словами, мое все... Однако борьба происходила во мнѣ недолго, голосъ чести заглушилъ разсудокъ и я громко вскрикнувъ по-русски: — мужайтесь, пріятель! — бросился на пожонъ. Всадникъ на вороной лошади дрался молодцомъ. Его смертоносная шашка уложила уже трехъ разбойниковъ и не оставалось сомнѣнія, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ, какъ вдругъ одинъ изъ злодѣевъ, тотъ самый,

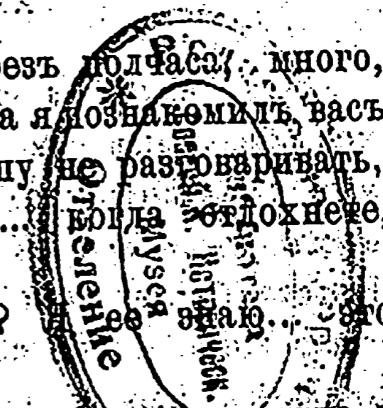
*) Обычный боевой крикъ всѣхъ степныхъ разбойниковъ.

который вамъ нанесъ ударъ, быстро схватилъ васъ, перебросилъ черезъ сѣло и во весь опоръ поскакалъ въ горы. Я въ краткихъ словахъ объяснилъ русскому, кто я и какъ попалъ въ эту шайку, попросилъ его послѣдить за моимъ ребенкомъ, котораго оставилъ спящимъ въ муллушки, а самъ, свистнувъ лошадь, которая паслась въ оврагѣ, погнался спасать васъ, если вы живы, или отбить по крайней мѣрѣ, трупъ своего соотечественника. Злодѣй однако гналъ и столько быстро, что я никакъ не могъ его настигнуть. Я боялся, чтобы онъ не свернулъ куда-нибудь въ сторону, или чтобы мнѣ не потерять слѣдъ; тѣмъ болѣе, что каменистый грунтъ не оставлялъ ни малѣйшаго знака. Вдругъ до моего слуха донесся топотъ лошади; я пришпорилъ своего карабаира и чрезъ какихъ-нибудь десять минутъ разбойникъ былъ у меня на глазахъ. Онъ остановился. Прицѣлившись изъ ружья, я потребовалъ, чтобы онъ немедленно отдалъ мнѣ вашъ трупъ. Злодѣй противился. Терять времени не приходилось и... я размозжилъ ему черепъ. Но не раскаиваюсь! Благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ возможность оказать услугу своему соотечественнику... Вскорѣ я убѣдился, что вы живы и только находитесь въ глубокомъ обморокѣ, вѣроятно отъ потери крови, которой достаточно-таки должно быть вышло изъ васъ. Между тѣмъ ночь наступала;ѣхать обратно я не рискнулъ, боясь наткнуться на новую шайку; осталось свернуть съ тропинки и расположиться на ночлегъ, что я и сдѣлалъ. Представьте же себѣ весь ужасъ моего положенія, когда я услышалъ топотъ, а вскорѣ и разговоръ двухъ человѣкъ. Это должно было возвращаться оставшееся въ живыхъ разбойники... трупъ убитаго неизбѣжно долженъ былъ имъ попасться, они могли вернуться и... признаюсь вамъ откровенно, что, боясь за оставленнаго ребенка, я хотѣлъ бросить и васъ, и лошадей, чтобы пѣшкомъ пробраться обратно, но эта подлая мысль лишь на одну минуту пришла мнѣ въ голову, я съ негодованіемъ отогналъ ее и рѣшилъ положиться на волю Божію. Между тѣмъ съ вами сдѣлался бредъ... и я провелъ довольно-таки

тревожную ночь. Однако все обошлось благополучно, и рано утромъ, чути забрежилъ свѣтъ, я отправился далѣе. Вы все не приходили въ себя и вѣтъ, наконецъ... теперь... Слава Богу!..

— Но, умоляю васъ, скажите, далеко ли мы отъ каравана?

— Думаю, что не такъ далеко. Чрезъ полчаса, много, черезъ часъ пріѣдемъ... а теперь, когда я познакомилъ васъ со всѣмъ проишшедшемъ, вновь попрошу не разговаривать, не утомлять себя, вы еще такъ слабы... Когда отдохнете, мы возобновимъ разговоръ.

— Откуда же это у меня лошадь? Сайдъ-Басмана...

— Убитому разбойнику, полагаю, она была не нужна и я съ спокойной совѣстью взялъ ее себѣ... т. е. для васъ... Что дѣлать, въ стели свои законы, не укоряйте меня!

Укорять его, когда этому неизвѣстному человѣку я былъ обязанъ жизнью! О, я далеко былъ отъ подобныхъ сантиментальныхъ взглядовъ и хорошо помнилъ эти „законы степей“!!

Мысли мои вскорѣ невольно направились на свое чудесное избавление. Что это такое въ самомъ дѣлѣ? Случайность, рокъ, фатумъ? Какимъ образомъ этотъ таинственный незнакомецъ очутился въ глухой степи какъ бы для того, чтобы вырвать меня изъ костлявыхъ рукъ смерти? Теперь, когда надъ моей головой пронеслись долгіе годы, когда я примиѳровъ такихъ случайностей я испыталъ много, я привыкъ, наконецъ, вѣрить, что въ фактахъ этихъ кроется что-то непонятное и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимое. Я глубоко убѣженъ въ томъ, что человѣку положенъ известный жизненный предѣлъ, а тамъ случайности его спасаютъ, или что другое—не берусь доказывать, да это едва-ли и возможно, ибо на мой взглядъ объяснять случайность случайностью—по меньшей мѣрѣ не логично. Но есть конечно люди, которые, несмотря ни на какія доказательства, не поверятъ въ фатальность, рокъ, предопределѣніе и... благо

имъ! Можетъ быть, реальность и хорошее качество, но благодаря судьбу за то, что я былъ и есть и останусь глубокимъ идеалистомъ... „Есть, другъ Горацио, многое въ природѣ, чего и не силюсь нашимъ мудрецамъ“.

XXII. Рассказъ дезертира.

Лучи солнца прямо ударяли въ голову и я испытывалъ невообразимыя страданія. Во рту все пересохло, воспаленныя губы потрескались, боль въ плечѣ и глухой головной шумъ усилились на столько, что я едва держался въ сѣдлѣ. Къ счастію, горная тропинка, змѣившаяся узкой лентой, стала шире и мой спутникъувѣрилъ меня, что за выступившимъ передъ нами утесомъ находятся колодцы, т. е. мѣсто катастрофы. Вскорѣ мы обогнули и утесь. Открывшаяся равнина была совершенно пуста. Караванъ исчезъ.

Двойной крикъ отчаянія нарушилъ мертвую тишину степи. Яковъ Николаевичъ кубаремъ скатился съ лошади и кинулся къ муллушки. Отворившаяся рѣзная дверка скрыла его на минуту съ моихъ глазъ, а когда онъ вышелъ оттуда, то я невольно ужаснулся: глаза его дико блуждали по сторонамъ, а выраженіе ихъ было совершенно безумное. Онъ съ какимъ-то отчаяніемъ схватился за голову и закричалъ: „Дочь моя! Гдѣ моя дочь?... О, я несчастный!“

Признаюсь, я изрядно струхнулъ. Видѣть мужчину, здороваго, взрослого мужчину въ такомъ видѣ—тяжело. Я подошелъ къ нему и только что хотѣлъ начать свои лементациі на тему: дескать „терпите! никто, какъ Богъ!“ какъ вдругъ увидѣлъ прильпленную на внутренней сторонѣ открытой двери бумажку. Чрезъ минуту я уже читалъ вслухъ, вместо утѣшений, слѣдующую знаменитую цидулу: „мы ушодчи, нагоняйте насъ вслучае ежели вы живы“. Не осталось никакого сомнѣнія, что сія рукопись принадлежитъ изобрѣтальному Семену Никитичу, ибо Левашевъ неповиненъ быъ въ грѣхѣ рукоблудія по письменной части. Но, Боже! Что это за остроумнѣйшій субъектъ Семенъ Никитичъ Теллж-

никовъ!! Прейполненный благодарности, я совершенно упустилъ изъ виду, что записка, прильпленная внутри сардобы, рисковала остаться незамѣченной на долгіе годы. Я сообразилъ, что караванъ не могъ далеко уйти, а ушель сиѣ вѣроятно потому, что, во-первыхъ, никто не чаялъ видѣть насъ живыми, а во-вторыхъ, чтобы убраться отъ этого мѣста, которое носило такое характерное название, какъ „Акча-куйма“. Что тамъ не говорите, а пословица о своей рубашкѣ имѣть большое значеніе на этой грѣшной планетѣ и я, строго взвѣшивъ всѣ обстоятельства, не могъ даже сердиться на членовъ каравана, столь безцеремонно махнувшихъ на меня рукой. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, могли они знать, что я возвращусь, если собственными глазами видѣли, какъ вѣроломный таджикъ, сваливъ ударомъ айбалты меня съ ногъ, утащилъ потомъ куда-то въ горы!? Съ полнымъ вѣроятіемъ можно было предположить, что пріятели мои, ушодчи, не забыли захватить съ собой дѣвочку, по крайней мѣрѣ Зубаревъ этому немедленно повѣрилъ и топорилъ меня скорѣе нагонять караванъ.

Я вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе своего новаго пріятеля и только предложилъ ему самый кратковременный отдыхъ, чтобы напоить лошадей и самому обмыть раны.

— О, да, да!.. это освѣжить васъ!..

Мы повернули къ колодцамъ и я только тутъ окинулъ любопытнымъ взоромъ всю мѣстность, нѣсколько часовъ тому назадъ бывшую ареной катастрофы, впрочемъ слишкомъ обычной въ тѣ годы.

Поверхность почвы ничѣмъ не отличалась особыеннымъ, только около центрального колодца лежалъ одинъ изъ разбойниковъ, раскинувъ руки въ стороны и уткнувшись носомъ прямо въ песокъ, сдѣлавшійся какимъ-то бурымъ должно быть отъ крови убитаго; нѣсколько въ сторонѣ вились свѣжій песчаный холмъ, сокрывающій подъ собой (какъ я узналъ послѣ) нашего повара Кулпашку. Надъ акча-куймой воронѣ и когда мы спустились въ оврагъ, то увили, что эти отвратительные степные хищники правили

тизну надъ двуногими собратами по профессії. Двое баран-
тачей представляли уже не цѣлые трупы, а растерзанные
глыбы мяса. Третій разбойникъ, къ удивленію моему, ока-
зался еще живъ, хотя и корчился въ предсмертныхъ судо-
рогахъ. Очевидно, всѣ трое, будучи ранены, уползли въ это
ущелье. Вороны нахально садились на умирающаго и бо-
комъ, трусливо подскакивал, подбирались къ бритой головѣ,
заглядывал въ начавшіе уже стекляниться глаза; руки раз-
бойника, грязныя, цѣпкія и худыя, судорожно погружались
въ песокъ, но не въ состояніи уже были отогнать стаи
птицъ, весьма густо покрывшихъ корчившееся тѣло. Я не
могъ выносить этой ужасной картины, но Зубаревъ, болѣе
меня крѣпкій на нервы, совершенно спокойно подошелъ къ
недавнему врагу и, прежде чѣмъ я успѣлъ что-нибудь ска-
зать, взмахнулъ прикладомъ, раздался трескъ черепа,— и
новый трупъ послѣдъ на завтракъ птицамъ, съ отврати-
тельный карканьемъ вившимся надъ нашими головами.

— О, Боже, что это вы дѣлаете!..

— Собакъ собачья и смерть!—проговорилъ Яковъ Ни-
колаевичъ и заторопилъ меняѣхать.

Обмывъ раны и освѣжившись ключевой водой, я почув-
ствовалъ какъ силы возвращаются ко мнѣ и хотя боль
давала себя знать, вскочилъ на лошадь.

Дальше, Бога ради дальше отъ подобного зрелища!

А солнце равнодушно освѣщало картину: ему должно
быть не впервые приходилось быть свидѣтелемъ такихъ
степныхъ драмъ.

Хорошъ и спутникъ мой, однако! Стукнулъ по башкѣ
какъ будто орѣхъ раскололъ, и ѿдѣть себѣ теперь, тороп-
ится, дочь увидать спѣшить. Дочь! Значитъ, бѣется же у
него какое-нибудь сердце, значитъ есть же у этого зага-
доchnаго субъекта чувство! И мнѣ вдругъ захотѣлось за-
гляднуть въ прошлое своего спутника, узнать, кто онъ и
какъ попалъ сюда въ безлюдную и голодную степь, да еще
съ ребенкомъ.

Преступникъ ли это, бѣжавшій съ каторги, или дезер-

тиръ? А можетъ плѣнnyй, оторванный отъ родины и со-
здавшій себѣ новую?

Подъ вліяніемъ этого желанія, я и обратился къ нему
съ вопросомъ. Яковъ Николаевичъ помолчалъ, вздохнулъ,
а затѣмъ началъ такъ:

— Въ жизни бываютъ воспоминанія, которые непріятно
будить; печали, которые охотно хоронятся въ глубинѣ
души, и раны, которые снова раскрываются, какъ только до
нихъ дотронешься. Я бы ни за что не рѣшился повѣрить
вамъ своего прошлаго, но лицо ваше говоритъ, что предо
мной честная и хорошая душа. Кромѣ того, есть на свѣтѣ
одно существо, при мысли о которомъ мнѣ на сердце ло-
жится тяжелый камень; существо это—моя дочь... Но слу-
шайте по порядку.

— Мой разсказъ относится къ тому періоду молодости,
когда сердце еще полно пышныхъ, безпредѣльныхъ фанта-
зій, когда голова преисполнена смѣлыми, отважными ила-
зами, когда рука съ неустранимымъ своею волею сilitся
поднять мрачную завѣсу съ ближайшей будущности...

При этихъ словахъ Зубаревъ замолчалъ и какъ бы впалъ
въ глубокую задумчивость. Вѣроятно, картины прошлаго слиш-
комъ ярко мелькнули въ его памяти, или, быть можетъ,
онъ разбудили какія-нибудь особенныя воспоминанія. Я
ждалъ, когда онъ заговорить самъ, не желая дотрогиваться,
по его словамъ, до незажившихъ ранъ. Минутъ черезъ пять
Яковъ Николаевичъ тряхнулъ головой, какъ бы отгоняя
отъ себя рой нахлынувшихъ думъ, и продолжалъ слѣдующее:

— Это было въ 1859 году; послѣ короткаго промежутка
кавказскіе горцы снова взялись за оружіе и восстаніе. вспых-
нуло яркимъ пламенемъ. Хотя въ послѣдніе годы Шамиль
потерпѣлъ значительныя потери и русскимъ удалось почти
окончательно завладѣть Дагестаномъ, тѣмъ не менѣе фа-
натикъ-мюридъ съумѣлъ побудить жителей Дагестана и
Чечни къ новой борьбѣ; борьба эта загорѣлась съ неслы-
ханной силой и была кровопролитнѣе, чѣмъ когда-либо.
Русскимъ приходилось бороться въ скалистыхъ ущельяхъ

и непроходимыхъ лѣсахъ Чечни съ непобѣдимыми трудностями; ряды ихъ быстро рѣдѣли отъ смертоносныхъ пуль чеченцевъ, прятавшихся за скалами. За каждымъ деревомъ дѣственного лѣса скрывался врагъ; невидимый до тѣхъ поръ, онъ вдругъ съ дикимъ крикомъ высакивалъ изъ своего убѣжища и сотни русскихъ падали подъ ударами острыхъ сабель и кинжаловъ точно изъ земли выроставшихъ враговъ. Русскіе тѣмъ не менѣе неуклонно подвигались впередъ, оставляя позади себя кровавый следъ, брали аулы и разоряли одну горную крѣпость за другой, такъ что Шамиль вынужденъ былъ искать послѣдняго убѣжища въ скалистомъ гнѣздѣ Гунибъ.

— Я юхалъ офицеромъ въ дѣйствующую армію... но не суждено мнѣ было туда попасть и воспоминаніе о томъ, что я сдѣлалъ—жгучимъ стыдомъ покрываетъ меня до настоящаго времени... Въ Оренбургѣ я познакомился съ однимъ киргизомъ. То былъ весьма вліятельный бїй, ауль котораго лежалъ у подошвы Ала-Тау. Его соблазнительныя описанія романической жизни своей родины заставили меня принять приглашеніе поѣхать его "коша"). Племя, біемъ котораго онъ былъ, расположилось въ это время со своими кибитками около озера Кара-Куль. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и прожилъ... цѣлый годъ въ его гостепріимной палатѣ, пока, наконецъ, такое однообразіе не надоѣло мнѣ: страсть къ путешествіямъ гнала меня впередъ. Въ то время я научился уже довольно порядочно говорить по-киргизски. Это обстоятельство вдругъ натолкнуло меня на мысль проникнуть въ глубь Азіи... Мнѣ удалось сдѣлать то, чего не удавалось быть можетъ ни одному европейцу. Одѣтый въ киргизское платье, хорошо вооруженный, я прошелъ по берегу Аму-Дары почти всю центральную Азію, отъ Кара-Куля до Герата, при чёмъ долгое время жилъ въ Хивѣ, Бухарѣ и Самаркандѣ. Цѣлью моего путешествія была Персія, я на-

[“]) Кочевье.

мѣревался дойти до Тегерана и поступить въ Персидскую службу... Не судите меня строго. Поймите, что я былъ молодъ и притомъ честолюбивъ до болѣзни... Тянуть лямку въ русской арміи мнѣ казалось скучнымъ, а я рѣшилъ во что бы то ни стало добиться высокихъ степеней... Играли ли тутъ судьба какую-нибудь роль, или на этотъ путь меня притягивала романическая струнка? Можетъ быть, то и другое... Какъ бы то ни было, но съ этого времени со мной произошла перемѣна, и вся жизнь моя получила другое направленіе.. Изъ множества горныхъ проходовъ я выбралъ тотъ, который велъ черезъ хребетъ Боноръ-Дагъ. Какъ-то, помню, я остановился во время полуденной жары подъ тѣнью скалистой горы. Вдругъ на дорогѣ, круто сворачивавшей въ этомъ меѣтѣ въ сторону, я услышалъ галопъ спачала одной лошади, а потомъ еще нѣсколькихъ, казалось, слѣдовавшихъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи. Въ ту же минуту, на поворотѣ дороги показался всадникъ, раздался выстрѣлъ, лошадь его упала, а три другие, преслѣдовавшия ея всадника, бросились на него съ обнаженными саблями. Упавшій вытащилъ длинный кинжалъ, но такъ какъ онъ лежалъ подъ лошадью, то и не могъ освободить своей ноги изъ-подъ тяжести мертваго животнаго. Тroe противъ одного!—для меня этого было довольно. Я вскочилъ въ сѣдло, не медля ни минуты. Одинъ изъ преслѣдователей подошелъ къ упавшему всаднику и замахнулся надъ головой несчастнаго своей кривой саблей. Я схватилъ берданку, прицѣлился, выстрѣлилъ и — негодай упалъ; двое другихъ сдержали лошадей, повернули ихъ моментально и ускакали во весь опоръ. Подѣхавъ къ упавшему, я помогъ ему освободиться изъ-подъ тяжести лежавшей на немъ лошади; преслѣдователя я должно быть убилъ на повалъ, потому что онъ даже не шевелился; толь же, кого я спасъ, былъ, если судить по сѣй длинной бородѣ, уже старикъ, хотя въ его широкоплечей, мускулистой фігурѣ и блестящихъ темныхъ глазахъ сказывались чисто юношеское мужество и сила,

— Аллахъ да будетъ милостивъ къ тебѣ здѣсь и да ниспошлетъ тебѣ всѣ радости неба та旣ъ, незнакомецъ! Ты спасъ мнѣ жизни! — сказалъ старикъ, упирая на слово *такъ*.

— Тебѣ нечего благодарить меня, — отвѣчалъ я, — ты былъ одинъ противъ троихъ, и я долженъ былъ заступиться, потому что моя вѣра велитъ мнѣ такъ дѣлать.

— Твоя вѣра! Но кто же ты?

— Я христіанинъ.

— Все равно, ты уже не чужой бей-Ахмету, ты можешь повелѣвать мнѣ, я твой рабъ. Клянусь бородой пророка, что все, что я имѣю, принадлежитъ тебѣ; требуй отъ меня чего хочешь и тебѣ ни вѣрь чѣмъ не будетъ отказано! — вѣ подтвержденіе своей клятвы онъ положилъ на бороду правую руку. — Прежде всего ты мой гость, — продолжалъ онъ — палатки моего аула находятся недалеко отсюда, въ долинѣ... Га, разбойники! — сказалъ онъ, вскакивая на сѣдло свободной лошади и бросая сверкающій взглядъ на убитаго, — это не настоящіе узбеки, которые вздумали подкараулить меня здѣсь... Пускай же онъ тутъ валяется какъ собака, пускай хищныя птицы растащутъ его тѣло! — вскричалъ Ахметъ, цлюнувъ на покойника. — Пойдемъ!

Мнѣ нельзя было не принять приглашенія, потому что наступалъ уже вечеръ, и когда мы достигли аула Ахмета, то на небѣ зажглись первыя звѣзды.

— Въ эти сѣ палаткахъ — сказалъ Ахметъ, когда мы сошли съ лошадей передъ одной изъ нихъ — живетъ мое семейство, мои жены, дочери и внуки; надѣюсь, ты не откажешься войти въ мою собственную палатку, а я отправлюсь къ сыновьямъ.

Въ эту минуту извнутри палатки отдернулся войлокъ, замѣнявший дверь и на порогѣ ея появилась молодая дѣвушка ослѣпительной красоты; позади ея стояла пожилая женщина съ факеломъ въ рукахъ, свѣтъ котораго падалъ на прелестную фигуру молодой красавицы. Я вижу ее какъ теперь, хотя тому прошло много лѣтъ: Длинные золотисто-блокурые волосы доходили у нея почти до пять, а глаза

были черные, при чѣмъ черты лица вовсе не указывали на ея киргизское происхожденіе. Какъ быстро она явилась предо мною, такъ же быстро и исчезла изъ моихъ глазъ; она опустила занавѣсь и я только могъ разслышать ея дѣтскій смѣхъ.

— Это моя внучка, Фатима, — сказалъ Ахметъ, — она испугалась при видѣ посторонняго. Теперь моя палатка свободна, да благословить Аллахъ тотъ часъ, когда ты переступишь ея порогъ! — добавилъ онъ, откидывая занавѣсь.

И Аллахъ услышалъ старика. Съ этой минуты въ моей жизни взошла звѣзда счастія и мое сердце наполнилось такимъ блаженнымъ чувствомъ, какого я еще никогда не испытывалъ и о которомъ даже не смѣлъ мечтать. Къ чѣму рассказывать вамъ о времени, которое началось тогда для меня? Позвольте мнѣ быть краткимъ.

— Женщины и особенно дѣвушки пользуются у киргизовъ и узбековъ большей свободой, чѣмъ предписывается кораномъ. Я еще разъ увидѣлъ Фатиму и полюбилъ это дитя природы со всемъ страстью молодого сердца, а вскорѣ узналъ, что и самъ былъ любимъ взаимно. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Я сопровождалъ узбековъ на охотѣ, принималъ участіе въ ихъ походахъ, жилъ въ одной палаткѣ съ Ахметомъ, который обращался со мной, какъ съ членомъ своего семейства, словомъ, я, незамѣтно для самого себя, превратился въ настоящаго узбека. Ахметъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ томъ, что удерживало меня въ его палаткѣ, такая мысль должна была казаться невозможной ему, строгому магометанину. Я не могъ долѣе злоупотреблять его довѣріемъ, откровенно признался ему въ своей любви къ Фатимѣ и просилъ ея руки.

— Счастье наше въ твоихъ рукахъ, — сказалъ я ему — потому что внучка твоя тоже любить меня. Я не желаю большаго счастія на землѣ, какъ жить съ нею подъ однимъ кровомъ; твой ауль навсегда сдѣлается моимъ отечествомъ.

Ахметъ спокойно выслушалъ меня.

— Располагай моей жизнью,—отвѣчалъ онъ,—ты спась ее, но не требуй отъ меня того, что я, какъ правовѣрный, не могу сдѣлать для христіанина. Все, все, только не это!..

— Ты поклялся бородой пророка—возразилъ я—неужели же эта клятва имѣеть для тебя такъ мало значенія?

— Но ты требуешь отъ меня болѣе, чѣмъ жизнь!—произнесъ Ахметъ послѣ небольшого раздумья,—однако, пусть будетъ по твоему, да проститъ мнѣ пророкъ этотъ грѣхъ! Я поклялся и сдержу свою клятву, но съ однимъ условіемъ: прими нашу вѣру и ты сдѣлаешься мнѣ любезнымъ сыномъ!..

При этихъ словахъ Зубаревъ опустилъ голову на грудь и замолчалъ.

— Любовь создала мнѣ рай на землѣ, обладаніе Фатимой было для меня блаженствомъ,—продолжалъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ,—что значилъ для меня свѣтъ, съ которымъ я разстался навсегда, что значили человѣческие предразсудки? Моя любовь была моей религіей! Кто не любилъ, какъ я, пускай бросаетъ въ меня камень!... Однимъ словомъ, я сдѣлался магометаниномъ, а Фатима—моей женой.

— А что же вы теперь?—невольно спросилъ я, сильно заинтересованный разсказомъ.

— Я теперь то, чѣмъ былъ всегда и чѣмъ умру—человѣкъ!—гордо отвѣчалъ Зубаревъ.

— Я вполнѣ понимаю васъ, другъ мой—произнесъ я—хотя, мнѣ кажется, на вашемъ мѣстѣ я не поступилъ бы такъ... Но что же случилось съ вами потомъ?

— Три года прошли для насъ въполномъ, ничѣмъ не омрачаемомъ счастіи. Къ концу третьего года у Фатимы родилась дочь—вылитый портретъ матери... И все это похитили у меня въ одно мгновеніе, все мое счастіе было разбито въ прахъ, я лишился всего и не понимаю, какъ перенесъ постигшій меня ударъ... Господь Богъ тяжело, хотя и справедливо, наказалъ меня за великий грѣхъ отступничества...

— Но какъ-же это произошло?—съ нетерпѣніемъ спросилъ я задумавшагося спутника,—и онъ продолжалъ.

— Я разбилъ себѣ палатку въ одной боковой долинѣ, потому что мы не хотѣли, чтобы кто-нибудь былъ свидѣтелемъ нашего счастія. Однажды Ахметъ пригласилъ меня сопровождать его на далекую охоту; обыкновенно Фатима отправлялась вмѣстѣ съ нами, но такъ какъ въ этотъ разъ мы должны были пробыть въ отсутствіи нѣсколько дней, то я уговорилъ ее остаться съ ребенкомъ дома... Вернувшись черезъ пѣдѣлю съ охоты, я нашелъ свою палатку сгорѣвшою, Фатима же исчезла безъ всякаго слѣда. Женщина, жившая у насъ въ качествѣ няньки, рассказала, что на другой день послѣ нашего отѣзда, не задолго до солнечного заката, на палатку напала толпа вооруженныхъ всадниковъ и разграбила все до основанія. Она же, нянька, сиряталась съ ребенкомъ въ кусты и видѣла похищеніе Фатимы. Разбойники, накинувши на голову войлочное одѣяло, посадили Фатиму на лошадь и, поджегши палатку, ускакали. Такъ какъ въ аулѣ оставалась одна женщина, то преслѣдовать похитителей было некому. Нѣдолго думал, я рѣшилъ отправиться по слѣдамъ разбойниковъ, въ сопровожденіи двухъ молодыхъ узбековъ—одноаульцевъ. По описанію няньки разбойники направились къ югу. Мы догадались, что то были кашгарцы, и поскакали въ указанную сторону. Цѣлый недѣли скитались мы въ горахъ и, судя по тому, что намъ иногда сообщали пастухи, слѣдовало заключить, что мы нашали на настоящій слѣдъ. Вскорѣ мы перешли границу и продолжали свой путь вдоль подошвы горы, по болотистой, покрытой кустарникомъ, низменности. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ показался дымъ, а еще немного погодя раскинулся аулъ. Спутники мои спѣшились чтобы дать немного отдохнуть утомившимся лошадямъ, я поѣхалъ впередъ. Вдругъ до меня донесся издали звукъ человѣческаго голоса; я сталъ прислушиваться: то былъ голосъ женщины, она напѣвала одну изъ монотонныхъ узбекскихъ пѣсень, полныхъ печали и грусти, ту самую пѣсню, которую дома часто пѣла Фатима. Точно ослѣпленный молнией, я быстро пришпорилъ лошадь. Не боже-

какъ въ ста шагахъ сидѣла въ пыли дороги женщина, завернутая въ лохмотья, съ распущенными волосами. Великій Боже! я узналъ ее... это была Фатима... Фатима, любовь моя!—вскричалъ я, становясь передъ ней на колѣна.—Неужели я нашелъ тебя?.. Я схватилъ ея похудѣвшія руки и началъ покрывать ихъ подѣлками, называя ее нѣжнѣйшими именами. По тѣлу несчастной пробѣжалъ судорожный трепетъ, она взглянула на меня своими темными, глубоко впавшими глазами, въ которыхъ свѣтилось лихорадочное пламя, но ничего не отвѣчала: она не узнавала меня. Рассвѣтная улыбка блуждала на ея блѣдныхъ устахъ; протянувъ руки, она чуть слышно прошептала: „онъ придетъ оттуда! вѣрно онъ прислалъ тебя, чтобы спасти женя изъ огня! Ухъ! они обернули мою голову пылающимъ обручемъ... я горю“! — И она опять взглянула на меня и улыбнулась. Увы! то были взоры, то была улыбка сумасшедшей!..

Потрясенный воспоминаніями, Зубаревъ закрылъ лицо руками и замолчалъ.

— Да, Фатима сошла съ ума... сошла съ ума!..—продолжалъ онъ послѣ непродолжительной паузы.

— Сумасшедшая! это одно слово должно объяснить вамъ ужасъ и боль, которые я испытывалъ при ея видѣ... Послѣ того прошло много лѣтъ, но когда я вспоминаю это время, разы мои открываются и болѣть снова...

— Не дотрогивайся до меня! — вскричала Фатима, отталкивая меня, когда я взялъ ее на руки и посадилъ на лошадь.

— Оставь меня тутъ въ пыли! Чего ты хочешь отъ меня? Посмотри на меня, неужели тебя прельщаетъ моя красота? Вѣдь я не Фатима, Фатима умерла... умерла. А ты? прочь, прочь отсюда! Развѣ ты не видишь, какъ орлы носятся надъ нами и простираютъ свои когти къ моему трупу?.. И она обняла руками мою шею; голосъ отказывался ей повиноваться, она, какъ безчувственная, закрыла глаза и голова ея спустилась ко мнѣ на грудь...

Наконецъ, мы вернулись домой. Вся нѣжная заботливость

и уходъ, которыми я старался окружить любимое существо, не могли прорвать сумрака ночи, въ который была погружена ея душа. Она не узнавала меня, хотя въ бреду нѣрѣдко то звала меня по имени, точно обращаясь къ моей помощи, то горько жаловалась на стыдъ и позоръ, котораго сдѣлалась жертвой. Лихорадка уносила ея послѣднія силы и она быстро приближалась къ роковому концу.. Передъ смертью разсудокъ, казалось, вернулся къ ней. Она открыла глаза... блаженная улыбка освѣтила ея уста, — она узнала меня. „Это, ты, мой возлюбленный?“ произнесла она едва слышно. „Ахъ, какой я видѣла ужасный сонъ! я видѣла... видѣла“... и она приложила свою прозрачную, блѣющую какъ воскъ, руку ко лбу.

— Успокойся, моя дорогая! сновидѣніе миновало, ты была больна, теперь я съ тобою — сказалъ я, между тѣмъ какъ слезы душили меня. Она схватила мою руку, губы ея шевелились, какъ будто она хотѣла что-то сказать, дыханіе становилось все слабѣе и слабѣе и она тихо перешла въ вѣчность.

Сказавши это, спутникъ мой замолчалъ и я замѣтилъ, какъ на глазахъ его показались слезы. Тяжело видѣть слезы мужчины! Только сильное, разъѣдающее горе способно ихъ вызвать. Желая чѣмъ-нибудь отвлечь Якова Николаевича отъ грустныхъ воспоминаній, я спросилъ:

— Удалось ли вамъ, по крайней мѣрѣ, узнать, кѣмъ была похищена ваша жена?

— Да. Болѣе того, я узналъ даже—для кого она была похищена. Фатиму приказалъ украсть для своего гарема бадагманскій бей Мазафаръ; а потомъ, когда она помѣшилась, негодяй выгналъ ее воинъ. Но бей Мазафаръ жилъ не въ томъ аулѣ, около котораго я нашелъ Фатиму, значитъ несчастная скиталась прежде по степи и наконецъ упала отъ усталости. Все племя узбековъ готово было отомстить за позоръ, нанесенный Ахмету въ лицѣ внучки его, но я не хотѣлъ этого допустить. Я поклялся на могилѣ Фатимы отомстить за нее, мнѣ одному принадлежало это право. Эта

*

влятва даже какъ бы смягчала мое горе. Какъ я поклялся, такъ и случилось; узбеки отпустили меня одного. Я достигъ аула Мазафара. Собравъ свѣдѣнія, обѣ образѣ жизни бея, я узналъ, что онъ частоѣздилъ охотиться въ лѣсъ одинъ, со своимъ соколомъ. Цѣлые дни лежалъ я, спрятавшись въ кустарникѣ, на единственной дорогѣ, которая вела въ этотъ лѣсъ. Наконецъ, я увидѣлъ его однажды, уже издали. Когда онъ былъ отъ меня во ста шагахъ, я бросился на лошадь и загородилъ ему проѣздъ по узкой тропинкѣ. Бей, увидѣвъ меня, остановился; я подѣхалъ къ нему ближе.

— Кто ты такой? — гневно воскликнулъ онъ — какъ осмѣлился ты проникнуть сюда, въ мѣсто моей охоты?

— Кто я — ты сейчасъ узнаешь это, несчастный! — отвѣчалъ я. — Я мститель Фатимы, негодный похититель чужихъ женъ! Часъ твой пробилъ, бездѣльникъ!.. Мазафаръ выхватилъ нистолеть, но въ то же мгновеніе мое лассо засвистало въ воздухѣ; не успѣла петля обвиться вокругъ его шеи, какъ бей спустилъ курокъ, но пуля просвистѣла надъ моей головой. Я стащилъ его съ лошади. Пришпоривъ лошадь, въ дикомъ галопѣ понесся я черезъ кусты и острые камни, заполнившіе дорогу, не обращая вниманія ни на какія препятствія и не оглядываясь назадъ, съ привязаннымъ къ сѣдлу арканомъ, на которомъ волочилась моя жертва. Я скакалъ все дальше и дальше, не останавливаясь ни на минуту до тѣхъ поръ, пока, по моимъ соображеніямъ, на лассо не висѣла безформенная кровавая масса. Тогда я отвязалъ лассо и бросилъ его на дорогу; вившіеся въ воздухѣ коршуны могли теперь приниматься за свою трапезу.. Я знаю, — продолжалъ Зубаревъ помолчавъ, — что въ вашихъ глазахъ, юноша, я долженъ казаться дикимъ сыномъ степей и можетъ быть вы правы, осуждая меня, тѣмъ болѣе, что съ этой минуты я дѣйствительно превратился въ дикаря.

— Цомилуйте, я вполнѣ оправдываю вашу месть; и то, что вы утверждаете дальше, кажется мнѣ напраснымъ самообвиненіемъ. Вы хотите представить себя хуже, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ.

— Вы думаете? Въ такомъ случаѣ вы не знаете человѣческой природы. Каждый человѣкъ имѣть въ себѣ болѣе или менѣе кровожадный инстинктъ. Этотъ инстинктъ вдругъ проснулся во мнѣ и я сталъ похожимъ на тигра, когда онъ отвѣдаетъ крови. Я сдѣлался настоящимъ узбекомъ, война и кровопролитіе были для меня наслажденіемъ и даже воспоминаніе о моей прежней счастливой жизни блѣднѣло въ сравненіи съ перемѣнчивой боевой жизнью слѣдующаго года. Я искалъ смерти и не находилъ ея. Вдругъ, однажды, на нашъ ауль напало враждебное племя, мы вышли побѣдителями изъ кровопролитнаго боя, я былъ тяжело раненъ и безъ чувствъ отнесенъ въ палатку. Сколько времени пролежалъ я въ постели — не помню, но когда пришелъ въ себя, то первое, что бросилось мнѣ въ глаза — это стоявшій около моей постели ангель.. Да, дочь моя сдѣлалась ангеломъ-хранителемъ, возвратившимъ меня къ жизни. До этой минуты я мало заботился о ребенкѣ и даже избѣгалъ его по причинѣ поразительного сходства съ матерью (Бываютъ такія противорѣчія въ человѣческой натурѣ). Теперь же, когда дочь, при возвращеніи ко мнѣ сознанія, вдругъ явилась предо мной во всей своей прелести и миловидности, таѣ напоминавшихъ мнѣ Фатиму, и взглянула на меня своими темными глазами, точь въ точь такими же, какъ у матери, въ моемъ сердцѣ произошла внезапная перемѣна. Мнѣ казалось, что съ него свалилась точно какая-то кора, точно я освободился изъ-подъ влиянія злого духа, державшаго меня до тѣхъ поръ въ своихъ цѣпяхъ... Я снова сдѣлался самимъ собою, снова сталъ человѣкомъ. И пока не всталъ съ постели, я не отпускалъ съ тѣхъ поръ Райханъ (такъ зовутъ мою дочь) отъ себя ни на минуту. Въ слѣдующемъ году умеръ Ахметъ. Ничто не удерживало меня болѣе въ Азіи; воспитать свою дочь магометанкой не входило въ мои взгляды и я захотѣлъ вернуться въ Россію.. Болѣе мнѣ нечего прибавлять. А что будетъ впереди — не знаю!..

XXIII. Снова со своими.

Вдали перед нами показалось облако густой пыли. Спутникъ мой обладалъ настолько прекраснымъ зрѣніемъ, что безъ труда разсмотрѣлъ караванъ, но я, кромѣ пыли, ничего не могъ разглядѣть. Мы пришпорили лошадей и помчались маршъ-маршемъ. Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно я убѣдился, что то былъ караванъ. Издали онъ походилъ на раненую птицу, которая рѣвя и разсѣкая воздухъ однимъ крыломъ, другимъ судорожно взмахиваетъ по временамъ, чтобы не упасть; такъ и видите, что если упадетъ она, то уже не подымется. Я никакъ не могъ понять, отчего это происходитъ. Неужели верблюды устали, но почему? Отъ каравана отдѣлился всадникъ и по великолѣпной вороной лошади я узналъ Левашева. Сердце мое вдругъ забилось сильно—сильно, и мнѣ стало несказанно пріятно, что опять вижу этого грубаго, но добродушнаго казака. Только въ эту минуту мнѣ ясно, до малѣйшей подробности, представилось, какой ужасной, по своимъ послѣствіямъ, опасности я подвергался. Плѣнь, рабство, невольничья жизнь, быть можетъ, на многие годы, гдѣ-нибудь среди дикихъ и свирѣпыхъ туркменъ, ихъ звѣрства по отношенію къ кафырамъ,—все это быстро промелькнуло предо мной и я готовъ уже быть впачать въ минорный тонъ подъ вліяніемъ созданныхъ разстроеннымъ воображеніемъ ужасовъ, какъ вдругъ лошадь моя шарахнулась, испуганная крикомъ. То спутникъ мой Яковъ Николаевичъ, проязвительно гикнувъ, понесся къ каравану, и Богъ знаетъ чего не заключалось въ этомъ его крикѣ: и радость скораго свиданія съ дочерью, и опасение—встрѣтить ли онъ ее, найдетъ-ли. Да, иногда крикъ человека, при особыхъ обстоятельствахъ, заключаетъ въ себѣ такъ много различныхъ оттенковъ, что передать этого на бумагѣ совершенно невозможно.

Между тѣмъ Левашевъ приблизился ко мнѣ. Сильное ли перенесенное потрясеніе, или я невольно разнѣжничался—

нервы не выдержали,—только рыданія, буквально дѣтскія горькія рыданія огласили эту мертвую степь. Когда же я успокоился, то увидѣлъ, что меня окружали и Кебековъ, и Зубаревъ, и Левашевъ, и многие другіе члены нашего каравана. Мнѣ опять сдѣжалось такъ весело, такъ хорошо, что я готовъ былъ обнять и передѣловать ихъ всѣхъ, этихъ дорогихъ моихъ друзей. Я не буду описывать ни упрековъ съ моей стороны—почему меня бросили, ни резонныхъ доводовъ караванъ-баша, по весьма естественному чувству, боявшагося за цѣлостность вѣрбеннааго ему каравана болѣе, нежели за жизнь одного какого-либо изъ членовъ этого каравана,—все объяснилось, уладилось, я былъ опять среди своихъ. Отсутствие вѣроломнаго таджика, лежащаго теперь въ скалистыхъ ущельяхъ съ простирающимъ лбомъ, было незамѣтно, благодаря присутствію Зубарева; недоставало одного повара Кулпашки, но и тутъ меня утѣшилъ начитанный, всезнающій и мудрый Нысанъ философской фразой: *Воля Аллаха! такъ видно написано было ему въ книгу судьбы!* Семенъ Никитичъ даже подтвердилъ это евангельскимъ изречениемъ, что „безъ воли Божией ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы человека“.

Кстати о немъ. Если вѣрить увѣреніямъ Семена Никитича, то это положительно онъ одинъ спасъ караванъ отъ угрожавшей опасности: когда онъ соскочилъ съ верблюда и (на что не рѣшишься въ минуту жизни трудную!) выругалъ злодѣевъ, эти послѣдніе, видя, что въ караванѣ не мало русскихъ, поспѣшили убраться. На мое замѣчаніе, что вѣроятно это произошло отъ иныхъ причинъ, Семенъ Никитичъ съ такимъ азартомъ принялъся доказывать свою храбрость, что я рѣшительно долженъ былъ ему повѣрить, хотя жало сомнѣнія и рисовало въ моемъ воображеніи совсѣмъ иная картины.

А какая была прелестная дѣвочка Райхалъ! Представьте себѣ херувима съ свѣтлыми кудрями и длинными темными ресницами, съ розовымъ, словно выточеннымъ рѣзцомъ

художника, личикомъ, прелестныя черты которого поражали своею правильностью. Одѣтая въ черкесскій костюмъ, она чрезвычайно походила на мальчика. Я невольно удивился странной игрѣ природы, создавшей отъ киргизки такого дивно-красиваго ребенка. Яковъ Николаевичъ, однако, увѣрялъ, что Райханъ (какое чудное имя!) двѣ капли вылитыи портретъ матери. Вскорѣ мы сдѣлались съ красавицей Райханъ большими друзьями, да и всѣ въ караванѣ переродились съ появлениемъ этого ребенка. Басантіевъ окончательно одурѣлъ и для удовольствія Райханъ выдѣльвалъ такие курбеты, что восхищенные зрители только хлопали руками о юлы своихъ засаленныхъ чапановъ. Надо было видѣть, въ какую широчайшую улыбку расплывалось лицо добродушнаго Левашева, съ какой осторожностью онъ бралъ ребенка въ свои заскорузлые лапищи,—и слова, исполненные нѣжности, сыпались тогда съ языка Иванъ-бая, словно горохъ изъ прорванного мѣшка. Дѣвочка слушала и серьезно смотрѣла своими большими темными глазами на бородатаго пѣстуна, а врожденное каждой дочери Евы кокетство уже начинало замѣтно проглядывать въ этомъ семилѣтнемъ ребенкѣ, какъ бы сознававшемъ всю неотразимую силу своей красоты.

Когда я подѣхалъ къ каравану, дѣвочка наговорившись до сыта съ отцемъ, что-то бойко лепетала на родномъ своемъ языкѣ Левашеву. Видимо, она о чёмъ-то просила, но эта просьба скорѣе походила на приказаніе, потому что Иванъ-бай моментально соскочилъ съ лошади и прилегъ на землю, которая была сплошь изрыта норами-сурковъ и полевыхъ мышей. Теперь мій сдѣгалось понятнымъ, почему верблюды такъ ковыляли при моемъ приближеніи къ каравану: они остучались, еденину попадая въ вырытые норы, которыхъ была такая масса, что почва представлялась какъ бы нарочно вспаханной, или подработанной какими-нибудь невидимыми гномами. Норы сурковъ подъ землей испещрены разными переходами, на поверхности же повсюду, отъ норъ къ норѣ, протоитаны дорожки. Я ви-

дѣль, какъ у каждой норы сидѣлъ на заднихъ лапкахъ сурокъ и посвистывалъ; при нашемъ приближеніи они моментально разбрѣгались по своимъ жилищамъ. Однако Левашеву удалось одного словить и онъ принесъ его въ свое малахай торжествующей Райханъ.

XXIV. Въ киргизскомъ аулѣ.

Дорога стала изрѣдка пересѣкаться увалами, почва была какъ бы взволнована небольшими горными отрогами тянущимися на сѣверо-востокѣ гряды возвышеностей Кара-сай, которая сливалась въ свою очередь съ горами Мурджакъ, довольно скалистыми, оставшимися, впрочемъ, влѣво отъ насъ. За то передъ глазами гора Джулюсь становилась все видище и видище, хотя до нея оставалось еще три дня пути, какъ сообщилъ мнѣ Кебековъ. Въ степи подобные обманы зрѣнія—совершенно нормальное явленіе. Кто бывалъ въ городѣ Вѣрномъ до землетрясенія, тотъ, конечно, хорошо знаетъ, что Алматинскій пикъ видѣнъ совершенно отчетливо, съ произрастающимъ на немъ лѣсомъ, за семьдесятъ верстъ. Я не берусь объяснить, отъ какихъ причинъ происходитъ подобный фокусъ, но хорошо помню, что кажущаяся близость Алматинскихъ горъ ввела въ заблужденіе какую-то ученую экспедицію англичанъ, задумавшую въ 1883 году исследовать глетчеры горъ, окружающихъ Вѣрий. Экспедиція эта, отправившись налегкѣ и съ малымъ запасомъ пищевого довольствія, чуть было не погибла, а достичь даже половины уступовъ не могла, хотя члены экспедиціи преимущественно считали не болѣе полуторыхъ миль до занитерсовавшаго ихъ пункта. Наконецъ почтенные англичане попали въ какой-то предательскій уступъ, съ вершины которого сорвалась огромныйшая лавина и чуть не погребла подъ собою сыновъ Альбиона.

Долина, на которой расположена г. Джулюсь,увѣнчанная лѣсомъ и изрытая темными буераками, гдѣ гнѣздятся дикия козы и джейраны (родъ газелей),—одна изъ прекраснѣйшихъ, какія мнѣ случалось видѣть во всемъ Туркестанскомъ краѣ.

У подошвы горы всюду зелень и разнообразный веселый видъ. Невдалекъ извивается вмѣйкой черная рѣчка Кара-су (совершенно горного характера), поросшая тростникомъ, съ ярко зелеными лугами, представлявшими для нашего каравана обильное пастбище.

Опускаю описание всего перѣзда до горы Джулуса, куда мы прибыли часамъ къ восьми вечера. Въ сторонѣ, у рѣчки, расположился аулъ, состоявший изъ 10—12 желomeекъ, пропитанныхъ нищетой,—вотъ и все населеніе этой роскошной и привольной мѣстности. Это было первое киргизское становище, встрѣченное нами во время долгаго пути. Возчики наши и аульцы чрезвычайно обрадовались, словно родные встрѣтились послѣ долгой разлуки, хотя до этого они даже не видали никогда другъ-друга.. То и дѣло слышались привѣтствія.

- Аманъ ссыѣ-ба?
- Аманъ-ба.
- Маль аманъ-ба?
- Аманъ.
- Катынъ аманъ-ба?
- Аманъ *).

Такимъ образомъ, киргизы являются не особенно вѣжливыми кавалерами: спачала спросить о здоровыи другъ друга, потомъ о здоровыи скота и затѣмъ уже освѣдомляются о своихъ прекрасныхъ половинахъ. При этомъ еще на вопросъ—здоровы ли бабы?—отвѣчаютъ обыкновенно такимъ тономъ, который ясно доказываетъ, что де: „чортъ-ли имъ дѣлается, понятно здоровы“. Хотя женщины у киргизовъ и не занимаютъ положенія рабынь въ смыслѣ свободы воли, за то въ домашнемъ обиходѣ онѣ стоять па стѣнѣ выочаго животнаго: на нихъ сваливается вся тяжесть хозяйства, тогда какъ мужчины абсолютно ничего не дѣлаютъ, ибо излюбленное ихъ занятіе—скотоводство почти не требуетъ

*.) Здоровъ-ли?—Здоровъ. Скотъ здоровъ-ли?—Здоровъ. Бабы здоровы-ли?—И бабы здоровы.

никакого труда. Про хлѣбопашество въ степи вы и не услышите.

Заговоривъ о тяжелой долѣ киргизской женщины, какъ хозяйки, я не могу обойти молчаніемъ того обычая, который практикуется при родахъ. Узнавъ, что одной изъ женщинъ въ семье наступаетъ время родить, мужчины той семьи, а нерѣдко и сосѣди, окружаютъ родильницу и не даютъ ей не только пособія, но никакого покоя и отдыха. Такимъ образомъ, процессъ родовъ предоставляетъ естественному его порядку, и только при трудныхъ родахъnomады употребляютъ насильственный мѣры, приближаясь въ этомъ послѣднемъ отношеніи къ нашимъ простолюдинамъ, гдѣ, впрочемъ, руководящую роль играютъ бабки-повитухи, грубия въ своемъ невѣжествѣ, хотя и сердобольныя по натурѣ Тьма—вездѣ тьма. Киргизка-мать пользуется только однимъ правомъ—дать имя своему ребенку. Если родившійся ребенокъ мальчикъ, то въ аулѣ поднимаются крики изступленной радости, если же—дѣвочка, то киргизы, какъ бы недовольные, расходятся отъ родильницы.

Караванъ нашъ пестрѣлъ народомъ. Киргизы скакали взадъ и впередъ, тѣспились у юртъ и вообще, повидимому, были нескажанно рады провести сутки-другія около кочевья, гдѣ можно и кумысу попить вволю, и даже приволокнуться за молоденькими киргизками. Въ этомъ отношеніи киргизы имѣютъ весьма характерную чѣрту: они, давая ночующему гостю отдельную палатку, посылаютъ туда своихъ женъ, обязанныхъ прислуживать и исполнять всѣ желанія гостя; если же эти желанія окажутся по отношенію къ дамамъ нескромными, то этимъ не только не наносится безчестія дому, но, напротивъ, доставляется удовольствіе хозяину. Эти обычаи, правда, нынѣ стали уже выводиться, но между нѣкоторыми родами киргизовъ упорно держатся и до сихъ поръ.

Ко мнѣ подѣхалъ верхомъ на осль какой-то чрезвычайно курьезный индивидуумъ. Представьте себѣ двухъ аршинного толстенькаго человѣчка съ огромной головой

обмотанной разъ тридцать въ бѣлую ткань (чалма). Этотъ головной уборъ воочію доказывалъ, что прибывшій—былъ мулла, а стало быть—ученый человѣкъ. Ноги оригинального всадника буквально волочились по землѣ, потому что оселъ подъ нимъ былъ микроскопической величины. И эта огромная чалма, и солидный халатъ, и вообще вся фигура ученаго мужа были пропитаны сознаниемъ собственнаго достоинства. Ко всѣмъ такимъ качествамъ надо было прибавить еще одно, это—даръ необыкновенного краснорѣчія. Мы познакомились и разговорились; мулла довольно спокойно изъяснялся по русски, хотя и выговаривалъ вмѣсто „верблюдъ“—„Серблюдъ“, вмѣсто „вѣра“—„бѣра“ и проч. Желая сразу изумить меня своею ученостью, онъ, послѣ первыхъ же привѣтственныхъ фразъ, обратился ко мнѣ съ такой рѣчью: „Душа человѣческая, подобно ушамъ слова, находится въ вѣчномъ движениі, дай же покой хоть тѣлу, не изнуряй его, отдохни между нами, дай время душѣ скрыться въ свою оболочку, подобно черепахѣ, скрывающейся при видѣ опасности подъ защиту своей крѣпкой коры и успокоиться внутреннимъ созерцаніемъ“.

Окружавшіе насъ киргизы самодовольно глядѣли, желая прочесть на моемъ лицѣ, какой эффектъ произведутъ эти звучные и, вѣроятно, заранѣе приготовленные слова.

На первый разъ тѣмъ и обошлось. Мулла наговорилъ массу любезностей и затѣмъ пригласилъ въ свой кошъ, гдѣ тотчасъ-же, какъ только мы расположились, онъ преподнесъ громаднѣйшую деревянную чашку, наполненную вплоть до краевъ кумысомъ, который я долженъ былъ выпить весь, а иначе могъ бы обидѣть хозяина въ лучшихъ его чувствахъ.

— Вы давно здѣсь кочуете?—обратился я къ нему, желая вызвать на разговоръ этого ученаго мужа.

— Рано бесной кочевали ишшо.

— Скажи пожалуйста, тамыръ, развѣ такъ ужъ хороша кочевая жизнь, что вы вѣчно перѣѣзжаете съ мѣста на мѣсто? Отчего вы не заведете себѣ домовъ и не живете подобно намъ, русскимъ?

— Ишшо належусь на одномъ мѣстѣ, когда умру!—отвѣчалъ мулла и нарисовалъ мнѣ изображеніе кочевой жизни такими яркими красками, представилъ ее въ такомъ радужномъ свѣтѣ и говорилъ такъ краснорѣчиво, что невольно увлекъ меня, сообщивъ часть того восторга, которыемъ была преисполнена его душа.

И не одинъ онъ разсуждаетъ такимъ образомъ о прелестяхъ кочевой жизни! Какой-то изъ восточныхъ поэтъ, кажется Гафізъ, сравниваетъ кочевой народъ съ тучами, беспечно гуляющими по небу, пока судьба, въ лицѣ какого-нибудь Чингисъ-хана, не сольетъ ихъ воедино, или не разразитъ ураганомъ надъ землею.

XXV. Отдыхъ отъ трудовъ.

Хозяинъ очистилъ намъ приличное мѣсто въ кибиткѣ и попросилъ садиться, а самъ между тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы зарѣзали лучшаго барана. Когда Левашевъ перевелъ мнѣ это приказаніе, отданное по киргизски, я хотѣлъ было отклонить, такую любезность, но старикъ лаконически на это отвѣтилъ, что гость въ рукахъ хозяина, и мнѣ пленительно пришло замолчать. Привели барана, зарѣзали и опалили. Опаленный баранъ, какъ палять русскіе свинью, всегда вкуснѣе, чѣмъ приготовленный безъ шкуры. Разрѣзавъ всего барана на части, положили его въ котель, подъ которымъ тотчасъ же и запылалъ камышъ; вокругъ оня на кошмахъ и подушкахъ сѣли гости, которыхъ изображали члены нашего каравана; женщины, набравшіяся въ кибитку муллы, помѣстились въ тѣни, на второмъ планѣ: магометанскій обычай не терпитъ женщинъ въ обществѣ мужчинъ.

Пока продолжался о томъ—о семъ разговоръ съ хозяиномъ, баранъ сварился. Котель сняли съ тагана и хозяинъ велѣлъ подать большой мѣдный тазъ и кумганъ, а также длинное холщевое полотенце и началось обмываніе рукъ. Безъ этого обрядаnomады за пищу не принимаются, что очень понятно: у нихъ мѣтъ ложекъ и всякую пищу

они ъдѣть пальцами, а жидкую пьютъ изъ большихъ деревянныхъ чашекъ прямо черезъ край. Хозяинъ подалъ мнѣ первому самые почетные куски: голову, часть грудины, небольшой кусокъ печени и чуть не полкурдюка сала. Все это было поднесено въ чашкѣ, остальнымъ подавалась одна чашка на двоихъ. При каждой чашкѣ былъ положенъ ножъ азиатскаго издѣлія (псякѣ). Меня часто называлъ хозяинъ таксыръ (господинъ) и я спросилъ, почему же онъ думаетъ, что я таксыръ: костюмъ мой во всякомъ случаѣ не напоминалъ ничего господскаго. На такой вопросъ умный мулла только улыбнулся себѣ въ бороду, что можно было перевести фразой:— „Я не ребенокъ! понимаю, дескать, что ты такое!“

Началось дружное истребленіе мяса; ѿли прямо пальцами, облизывал ихъ по временамъ. Я пригласилъ къ своей чашкѣ хозяина. Признаться сказать, мнѣ гораздо было бы пріятнѣе, еслибы трапезу газдѣли со мнѣй одна особа, звонкий голосъ и красивые глаза которой давно уже обратили мое вниманіе, но пригласить женщину было бы непростительнымъ нарушениемъ киргизскаго этикета; я это зналъ хорошо, а потому и довольствовался лишь посматриваніемъ искоса на эту стечную красавицу.

Наѣвшись по этихъ листѣ, я уже готовъ былъ оставить ѿду, или, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, какъ хозяинъ взялъ въ горсть кусокъ печени, мяса и сала, поднесъ къ моему рту, который я принужденъ былъ открыть, и все втиснулъ туда, подгоняя пальцами; я чуть не подавился и едва-едва проглотилъ эту дозу и то минутъ черезъ десять. Отъ такой любезности нельзя отказаться, не обидѣвъ хозяина, такъ какъ она служитъ у киргизъ выраженіемъ радости хозяина гостямъ. Разумѣется, я тотчасъ отплатилъ ему тѣмъ же.

По окончаніи ѿды, опять явились на сцену тазъ, кумганъ съ горячей водою и снова началось обмываніе рукъ. Послѣ этого подали въ нѣсколькихъ чашкахъ *шурту* (отваръ изъ свареннаго барана), которую мы и начали пить на манеръ чая, при чемъ чашки переходили изъ рукъ въ руки. Въ концѣ концовъ, хозяинъ сложилъ ладони обѣихъ рукъ,

поднялъ ихъ передъ лицомъ, что сдѣлали тоже и всѣ остальные киргизы, и прочиталъ молитву: „Ля, иляга, иль Алла, Мухамедъ ряссуль, Аллахъ акъ беръ!“ *). Затѣмъ каждый обѣими руками погладилъ лицо.

Ужинъ кончился и всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ, мнѣ, однако уснуть, долго еще не удалось, благодаря необыкновенной болтливости хозяина. Не было, кажется, такой вещи, о которой бы онъ не разспросилъ меня самимъ подробнымъ образомъ; удовлетворяя его любознательность, я однако едва сидѣлъ, до того сонъ клонилъ меня. Наконецъ, мулла отдалъ распоряженіе, чтобы мнѣ приготовили постель. Замѣченная мною еще давеча скучастая красавица бойко начала вытаскивать изъ разныхъ закоулковъ войлоки, одѣяла и подушки, и вскорѣ соорудила мнѣ такую заманчивую постель, что я заранѣе предвкушалъ удовольствіе, съ какимъ завалюсь въ объятія храповицкаго.

— Какая у тебя хорошенъкая жена, тамыръ!— обратился я къ своему хозяину,— смотрѣть на нее просто любо!

Отпустивъ такой комплиментъ я однако тотчасъ же спохватился, боясь, что онъ не понравится и даже еще пожалуй, паведетъ старика на разныя ревнивыя подозрѣнія, но, къ удивленію моему, онъ самодовольно погладилъ свою бороду и отвѣтилъ мнѣ извѣстной киргизской поговоркой: „Когда женишься, то бери красивую женщину, такъ какъ если она и окажется лишеннаю всѣхъ душевныхъ качествъ, то красота все таки останется“.

Поговоривъ еще кое о чёмъ, онъ, наконецъ, оставилъ меня и вышелъ изъ кибитки, а вскорѣ я заснулъ какъ убитый.

На утро я проснулся очень поздно. За стѣной кибитки уже раздавался немолчный шумъ: блеяли бараны, ревѣли верблюды и... Богъ знаетъ, какихъ еще не было звуковъ, нарушающихъ погожее лсное утро.

Какъ я говорилъ выше, мы рѣшили отдохнуть подольше

*) Нѣть Бога кромѣ Бога, Магометъ пророкъ Его. Свѣтлый Богъ одинъ.

въ этомъ аулѣ. Налившись кумысомъ, я уже началъ подумывать о томъ, чтобы повеселѣе провести день, какъ Яковъ Николаевичъ сообщилъ, что въ камышахъ, окружающихъ рѣчушку, есть фазаны и не дурно бы отправиться на охоту. Съ восторгомъ принялъ это предложеніе, я спросилъ:

— Откуда же вы знаете, что есть фазаны?

— Помилуйте, да пока вы спали, мы съ Иванъ-боемъ все досконально разузнали. За этой горой не болѣе, какъ въ трехъ-четырехъ верстахъ, есть озеро Арызъ-Куль, поросшее громаднымъ камышемъ, а въ немъ фазановъ видимо-невидимо.

Ученый мулла, етоль любезно наскъ пріютившій, въ свою очередь, подтвердилъ: „сюзъ джекъ, калай копъ анда каргауловъ“.*).

— Ну, а джульбарсовъ (тигровъ) въ этихъ камышахъ нѣть?

— Не слыхали. Да, признаться сказать, мы и ходить туда, въ камыши, боимся. Это звѣрь такой, что всегда надо быть отъ него насторожѣ: *отъ друга и отъ тигра всегда нужно имѣть за поясомъ кинжалъ***). До озера Арызъ-Куль действительно оказалось не болѣе трехъ съ половиной верстъ, мы (Зубаревъ, Левашевъ и я) вскорѣ достигли его береговъ, но охота при первомъ же взгляде не обѣщала ничего путнаго, ибо собакъ у насъ не было, а лѣзть въ „джунгли“ (заросли) не представляло особаго удовольствія, значитъ если бы кто и убилъ фазана, то достать его не такъ-то было легко.

Фазанъ Туркестанскаго края—красавецъ; австралійскія райскія птицы по красотѣ найдутъ въ немъ соперника, онъ много красивѣе кавказскихъ фазановъ и сразу отличается отъ нихъ бѣлымъ ва шеѣ галстукомъ. На чистыхъ мѣстахъ при видѣ человѣка, фазанъ стоитъ всегда молодцомъ, почти въ вертикальномъ положеніи и только золотистый хвостъ

*) Даже сказать нельзя, какъ много тамъ фазановъ.

**) Этой пословицей киргизы характеризуютъ довольно мѣтко дружбы.

его разстилается по землѣ; въ излюбленныхъ имъ джунгляхъ поднимается съ земли почти изъ-подъ ногъ охотника, летитъ плавно, тихо, подставляетъ вѣрную цѣль и промаху по немъ почти дать нельзя. По полету фазанъ—чистая дворовая курица; перелеты его недалеки: рѣдко фазанъ улетить до 200 сажень и если ему не дать отдыха, а поднять сю же минуту снова, онъ перелетить сажень 50, садится и уже болѣе летѣть не можетъ; тогда его берутъ руками безъ сопротивленія. Но только для этого надо иметь хорошую, быструю лошадь, чтобы не потерять мѣсто, гдѣ онъ опустился; довольно опоздать на одну или двѣ минуты, чтобы фазанъ въ травѣ убѣжалъ далеко и пропалъ совсѣмъ, а бѣгаешь онъ быстро, неутомимо, какъ и всѣ плохо летающія птицы (наприм., страусъ) и хитро обманываетъ, къ тому же всегда держится въ мѣстахъ, поросшихъ камышомъ и густыми колючими кустарниками. Въ Туркестанѣ, около Сыръ-Дары и ея рукавовъ, этимъ родомъ охоты занимаются киргизы обыкновенно по новому сѣву (т. е. по порошѣ), чтобы удобнѣе находить фазана по следамъ.

Самка фазана некрасива, нестро-песочного цвѣта, менѣе самца смѣтлива, и на открытыхъ мѣстахъ, при видѣ охотника, прижимается къ землѣ, чтобы не быть видимой, чего самецъ не дѣлаетъ. Вывѣтъ гнѣзда и выводятъ дѣтей фазаны на землѣ и въ такихъ густыхъ камышевыхъ заросляхъ, что найти ихъ гнѣзда или поймать выводокъ представляеть очень большую рѣдкость.

Проехавши часа два, мы, къ благополучію фазановъ и къ великому своему огорченію, не нашли ничего. Да это было и совершенно понятно: со второй половины июня фазаны обыкновенно линяютъ и въ это время поднимаются очень трудно, предпочитая, вѣроятно, спасаться отъ приближающагося врага пѣшкомъ.

Возвращаться съ пустыми руками ужасно было грустно и досадно. Мы двигались шагомъ, усталые, голодные и недовѣльные. Въ воздухѣ слышался храпъ и дыханіе лошадей и болѣе ничего не нарушало тишины...

„Измѣнить священну клятву,
Самъ женился на другой!..”

Вдругъ запѣлъ Левашевъ тонкимъ фальцетомъ и пѣсня его, какъ-то странно зазвучала среди этой невозмутимой тишины. Не знаю, на долго ли хватило бы желанія у Ивань-бая упражняться въ развитіи своихъ голосовыхъ связокъ, если бы мы не были вдругъ поражены какимъ-то страннымъ звукомъ: казалось, что гдѣ-то вдали щудутъ цѣлыя сотни телъгъ, глухо стуча колесами по землѣ; гулъ шелъ откуда-то сверху; онъ не уменьшался и не увеличивался въ своей силѣ и въ этомъ постоянствѣ и ровности звука слышалась какая-то зловѣщая нота, чѣмъ-то могучимъ, неотразимымъ и неизбѣжнымъ звучалъ этотъ странный гулъ. Мы долго не могли понять причины звука, пока наконецъ Левашевъ случайно поднялъ вверхъ голову, откуда шелъ этотъ звукъ: причина объяснилась—то летѣла саранча.

Въ вышинѣ было видно, какъ она двигалась медленно по безостановочно; саранча летѣла довольно рѣдкими рядами, но правильно соблюдала направленіе. Все кругомъ было тихо, лишь шумъ отъ этого войска, этого „бича Божія“, висѣлъ въ воздухѣ, наполняя души неизѣяннимъ чувствомъ безсилія передъ этой ужасной бѣдой.

Здѣсь, среди необъятныхъ песковъ, некому было особенно бояться этихъ видимыхъ враговъ, но представьте себѣ положеніе землепашцевъ. Что саранча есть бѣдствіе совсѣмъ-это никто отрицать не станетъ, но врядъ ли гдѣ является она въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ на Кавказѣ и въ Туркестанскомъ краѣ. Едва ли также еще гдѣ-либо природа столь ожесточенно вооружается противъ землепашца, какъ олять же въ Туркестанѣ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сельское хозяйство принимаетъ характеръ азартной игры, въ которой выигрышъ силошь да рядомъ зависить отъ случайностей, ни угадать, ни предупредить кои человѣкъ не въ силахъ. Заброшенный судьбой въ эту забытую и Богомъ, и людьми страну, предоставленный своимъ слабымъ единичнымъ силамъ, онъ

чувствуетъ, что всецѣло зависитъ отъ всевозможныхъ случайностей. Почва туго поддается его усилиямъ, не награждаетъ хорошими урожаями его трудъ; она безъ орошенія—тотъ же камень; суглинокъ и солончакъ безъ влаги едва въ состояніи возвратить хлѣбопашцу сѣмена. Мало влаги въ этихъ пустыняхъ, мало ея на поверхности; скучно падаетъ она съ небесъ.

Упорство человѣка съумѣло, однако, побороть это зло. Прорылъ онъ степь въ различныхъ направленіяхъ арыками, съ цѣлью утилизациіи горныхъ рѣкъ и ключей и не страшна ему сдѣлалась жара. Пусть въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ восходитъ солнце на безоблачное небо, посыпая на землю свои убийственные лучи и гоня все живое: засуха не страшить болѣе! Спустить воду съ горъ, напитаетъ она землю и вновь все отдыхаетъ, но... печаль и иныи опустошенія грозятъ землепашцу: маленький сѣренѣкій звѣрекъ-сусликъ производить новыхъ невѣроятныхъ бѣды. Бороться съ этимъ врагомъ нѣтъ средствъ и горе тому, чье поле хоть разъ посѣтятъ эти мелкие, но могучіе звѣрки! Въ одну ночь они уничтожаютъ нѣсколько десятковъ десятинъ, и вчерашній богачъ на утро встаетъ нищимъ, лишившись всего своего достоянія. У суслика врожденная страсть къ опустошеніямъ; онъ не столько сѣдѣаетъ хлѣба, сколько губить его, высыпая зѣрно и, какъ серпомъ, срѣзая колосья. Но самое главное, самое тяжелое зло—саранча, съ которой уже совсѣмъ невозможна никакая правильная борьба и надежда на побѣду. Прежде чѣмъ человѣкъ успѣетъ опомниться, она уже исчезнетъ, оставивъ послѣ себя пустыню, какъ выжженную огнемъ.

Есть средиnomадовъ преданіе, будто Магометъ на крыльяхъ саранчи прочелъ такую надпись: „сила наша исоблѣтна; каждый годъ мы кладемъ по 99 яицъ, если же мы клали бы ихъ по 100, то завладѣли бы вслѣдъ міромъ“.

Да, горе землепашцу, на поле котораго сидѣть эта громада съ крѣпкими челюстями, съ голоднымъ желудкомъ... Тутъ нѣтъ и не можетъ быть надежды на спасеніе...

Мы поспѣшили вернуться къ стану. Тамъ тоже замѣтили

лётящую саранчу, но, какъ я уже и раньше сказалъ, осо-
бенно этимъ никто не былъ смущенъ, частію потому, что
на далекомъ разстояніи не было пашенъ, а главнѣйше по-
тому, что полчища саранчи держали направленіе къ востоку
и, по увѣренію Зубарева, должны были опуститься на снѣж-
ные вершины *Колъ-Ярасъ-Казгана*, а стало быть и погибнуть,
не причинивъ вреда нивамъ.

Дѣйствительно, весьма нерѣдко случается, что вѣтромъ
сгоняетъ саранчу на глетчера горъ, она опускается, буквально покрывая ярко бѣлыя снѣжныя вершины, и погибаетъ.
Иногда даже и не вѣтренную погоду, а напротивъ въ
самую тихую и ясную, саранчу какъ бы что гонитъ впередъ,
она пролетаетъ зеленѣющія пашни и опускается на озера
или снѣговыя горы, но отчего это происходитъ, рѣшать не
берусь.

Поговоривъ на тему о саранчѣ, мы возьмѣли весьма
понятное намѣреніе закусить,—и гостепріимный мулла вновь
распорядился предать скорой смерти барана.

Вѣроятно, это распоряженіе очень пришлось по вкусу
многимъ, потому что, въ ожиданіи обѣда, молодежь затѣяла
игры.

Изъ игръ киргизовъ особенно заслуживаютъ вниманія
кокъ-бури и *кызы-кагары*. Въ послѣдней, кромѣ мужчинъ, при-
няли участіе и дѣвушки и, надо имъ отдать справедливость,
въ искусствахъ верховойъ Ѣзы онъ нисколько не уступали
первымъ. Я какъ сейчасъ вижу предъ собой смуглую стени-
ную амазонку, ловкую и поразительно смѣлую. Она скакала
на бѣломъ поджаромъ конѣ, возвуждая удивленіе всей толпы,
необыкновенно быстро увертываясь отъ догонявшихъ ее мо-
лодыхъ людей. Не одинъ уже изъ нихъ получилъ изрядный
ударъ камчи, а поймать красавицы еще не удавалось. Раз-
горѣлись глаза у джигитовъ, одолѣла ихъ страсть раздѣло-
вать смѣлую наѣздницу и снова началась головоломная скачка.
Но вотъ появился какой-то *оїлянчи*—степной пѣвецъ им-
провизоръ, настроилъ свою трехструнную думбру и запѣлъ.
Скачки прекратились. Сконфуженные молодцы и торжествую-

щая амазонка, а за ними и весь народъ собрались въ гу-
стую кучу, притихли и съ глубокимъ вниманіемъ, боясь
проронить слово, слушали вдохновенную импровизацію. А
онъ пѣлъ про подвиги какого-то султана Кенисары и его
храбраго сподвижника Буканъ-бая, кости которыхъ теперь
уже разсѣяны по Голодной степи; пѣлъ о чудныхъ краса-
вицахъ, уведенныхъ Кенисарой въ плѣнъ, о разрушенныхъ
городахъ и невидимо вѣявшей надъ всѣми смерти. „О,
смерть любить храбрыхъ,—пѣлъ старый оїлянчи,—она не
щадить и красавицъ, которая проносятся предъ нашими
глазами, какъ падающія звѣзды... Гдѣ стояли цвѣтущиѣ го-
рода, тамъ сейчасъ мертвая пустыня, а гдѣ стоятъ сейчасъ
цвѣтущиѣ города, тамъ въ свое время будетъ пустыня. Ке-
нисара, ты много пролилъ человѣческой крови, но тебѣ не
млгче отъ этого лежать въ своей могилѣ... Послѣдній бѣд-
никъ и самъ великий ханъ равны въ общей судьбѣ. Жить
страшно только людямъ несправедливымъ, а смерть любить
храбрыхъ... Не умреть только одна слава худыхъ дѣлъ и
святыхъ пѣсни, въ которыхъ пѣвцы оплакиваютъ свою ро-
дину“... Кончилъ пѣвецъ эпопею, весело пробѣжалъ по
струнамъ и замолкъ, а слушатели все еще сидѣли какъ
очарованные.

Мало по малу всѣ разошлись. Безпечная молодежь, обез-
кураженная неудачей, первая нарушила очарование, про-
изведенное пѣсней оїлянчи. Имъ было каждому до себя и
они предложили снова устроить скачки, надѣясь на этотъ
разъ получить отъ красавицы уже не удары ногайки, а по-
цѣлуи.

— Гдѣ вамъ за мной гоняться! да и лошади ваши не
годны для этого, а вотъ пусть кто осмѣлится проѣхаться
на ишакѣ муллы, того я сама подѣлю сейчасъ же...—пред-
ложила веселая амазонка.

Мысль эта принята была съ удовольствиемъ.

Все равно, за что бы не сорвать подѣлуй съ сочныхъ
губъ дѣвушки, лишь бы сорвать его.

Джигиты подошли къ ослу ученаго муллы, стоявшему

около кибитки въ самомъ спокойномъ состояніи, но должно быть имъ, суждено было сегодня терпѣть неудачи и насмѣшки. Сколько ни находилось желающихъ вскочить на спину длинноухаго аргамака, никому это не удавалось. При каждой попыткѣ нецивилизованный братъ Вааламскаго осла сбрасывалъ всадника въ песокъ, къ необычайному восторгу гоготавшей толпы.

Я боялся, что мулла разсердится за такія продѣлки съ его любимцемъ, но онъ добродушно расхохотался и даже самъ предлагалъ всякому, кто съумѣеть проѣхаться, дать три ложки барацьяго жира. Попѣлуй и жиръ—очень заманчивые призы и многіе прельщались перспективой выигрыша, но и уирямство осла есть весьма упорное чувство... Неизвѣстно, сколько бы времени продолжалась эта, своего рода азартная игра, еслибы пикантный ароматъ бараца, варившагося неподалеку въ казанѣ, не отвлекъ неудачниковъ. Мулла подалъ знакъ и всѣ, какъ по мановенію жезла волшебника, опустились на колѣни для молитвы.

Но вотъ молитву кончили. Казанъ, который былъ такой громаднѣйшей величины, что безъ всякаго вмѣшательства чуда, могъ напитать пять тысячъ человѣкъ,—сняли съ огня и мулла опять собственоручно сталъ раздавать куски мяса. Я съ удивленіемъ замѣтилъ стоявшаго въ сторонѣ Телѣжникова, съ какой-то особенной гадливостью наблюдавшаго за нами.

— Садысь, пажалста, ашай кой! *)—предложилъ ему мулла, но тотъ отрицательно затрясъ головой и сплюнулъ.

— Вы что же, въ самомъ дѣлѣ, не принимаете участія въ общей трапезѣ, Семенъ Никитичъ?—спросилъ я.

— Нѣшто съ кыргызомъ можно того, этого изъ одной посудины есть?..

— А почему же?

Но Телѣжниковъ ничего не отвѣтилъ и пошелъ прочь отъ насть.

*) Ашай—ѣшь; кой—баранъ.

— Губа толще—брюхо тоньше!—резонно замѣтилъ Левашевъ и началъ добросовѣстно обгладывать какую-то мостыгу.

А гостепріимный мулла должно быть задался цѣлью накормить насть до отвала, ибо кушанья слѣдовали одно за другимъ: послѣ мяса, намъ притащили громаднѣйшій турсукъ кумысу, потомъ айрану и, наконецъ, послѣдовалъ кирпичный чай, сваренный вмѣстѣ съ козьимъ молокомъ.

Вѣжливый Левашевъ, въ совершенствѣ знавшій всѣ этикеты, уже нѣсколько разъ рыгнулъ, что выражало полное его довольство и благодарность хозяину. Мулла ликовалъ. Повидимому, душа его была преисполнена счастьемъ.

— Я здѣсь дома,—сказалъ онъ, смѣясь,—а вы у меня въ гостяхъ,—и онъ захочоталъ пуще прежняго.

Мнѣ тоже сдѣлалось смѣшно, но болѣе надъ странностью выражения. Въ самомъ дѣлѣ, называть мѣсто, открытое отовсюду и для всѣхъ, своимъ домомъ—очень любопытно.

Неугомонный мулла оиять, какъ и вчера, завелъ разговоръ о вопросахъ политики и „бѣры“. Но такъ какъ и на этотъ разъ плотный завтракъ не вызывалъ меня на дебаты, то скоро и было порѣшено, что ажъ падша (бѣлый царь) правитель, которому нѣть равнаго по славѣ и великолѣпію, что Худай (Богъ)—одинъ, что Магометъ—пророкъ и святой человѣкъ, что Иса (Иисусъ) бесспорно великій пророкъ и очень святой человѣкъ, потому что написалъ русскій коранъ, что всѣ хорошие люди угодны Богу, независимо отъ націи, будь они даже джигибраи, вѣдь Ибрагимъ (Авраамъ) тоже былъ джибрай (еврей).

Наступалъ вечеръ. Зазвенѣлъ кобузъ, тамъ и сямъ начали раздаваться звуки пѣсенъ и даже иногда слышались сочные подѣлуи.

Ко мнѣ подошелъ Семенъ Никитичъ. Онъ былъ точно чѣмъ-то взволнованъ, глаза его шмыгали болѣе обыкновеннаго и вообще замѣчалась не совсѣмъ обычная, даже нѣсколько нервная возбужденность. На мой вопросъ—что съ нимъ—Телѣжниковъ промолчалъ и только шумно вздохнулъ.

— Вы отчего же давеча отказались обѣдать?

— Помилуйте, Николай Иваныч! нѣшто это возможно, знаете? — отвѣтилъ онъ вопросомъ.

— Я рѣшительно не понимаю и не вижу тутъ ничего невозможнаго.

— Кыргызы, обнаковенно, это.... кобылятину жрутъ и прочее тому подобное, словомъ сказать, знаете, собаки поганыя...

Верблюды были отпущены въ степь подъ присмотромъ лаучей, которые развели невдалекъ костеръ, чтобы не давать надежды ночнымъ бродягамъ покушать на даровницу. Озлобленные голодомъ, волки тоскливо завывали, сначала отдѣльными нотами, а затѣмъ и цѣлымъ хоромъ. Я долго не могъ уснуть и вышелъ изъ кибитки на воздухъ. Костеръ свѣтился огненной точкой, словно волчій глазъ среди темноты ночи. Подойдя къ костру и приказавъ подбросить сухаго бурьяну, я растянулся возлѣ и сталъ смотрѣть на огонь. Пламя то потухало, то разгоралось, отбрасывая длинныя полосы свѣта. Дымъ бѣловатыми клубами поднимался вверхъ; лаучи молча дремали, лѣниво позывывая, и съ ожесточенiemъ принимаясь искать блохъ въ своихъ заскорузлыхъ и до невѣроятія грязныхъ лохмотьяхъ. Мало по малу затихло все и надѣ ауломъ спустился сонъ...

Не помню, сколько времени пролежалъ я у костра (не то спалъ, не то задумался), но должно быть порядочно. Огонь едва тлѣлся, сдѣлалось холодно и я опять побрелъ въ кибитку. Подходя къ тюкамъ хлопка, сложеннымъ около аула, мнѣ почудился какой-то шепотъ. Въ напуганномъ воображеніи опять мелькнули разбойники, и я хотѣлъ уже закричать, какъ знакомый голосъ остановилъ меня отъ этого намѣренія.

— Минь тебѣ акча это подарю, знаете... кель сюда того этого...

Я чуть не лопнулъ со смѣху. Оказалось, что Семенъ Никитичъ пустился въ амурныя объясненія съ какой-то красавицей и отчаянно смѣшивалъ излубленныя свои фразы

съ киргизскимъ языкомъ, познаніями котого онъ вообще не могъ похвалиться.

Вотъ тебѣ и „кобылятина“!

XXVI. Подъ вязами.

Мы отдыхали еще цѣлые сутки, наконецъ оставили ауль и двинулись далѣе, щедро расплатившись съ хозяиномъ. Почва опять начала измѣняться: первыя десять вѣрстъ дорога извивалась по уваламъ и между холмами была довольно твердая, но затѣмъ невысокія гряды холмовъ повернули къ востоку, а передъ нами открылась обширнѣйшая равнина, едва замѣтно поднимающаяся впереди. На всемъ протяженіи гладь была удивительная, точно выстланная бѣлыемъ изразцомъ. Бѣхать солончаками ужасно надоѣдаетъ и день этотъ показался намъ необычайно длиннымъ. Но вотъ, наконецъ, солончаки стали прерываться, равнина зазеленѣла и чѣмъ дальше мы поднимались по довольно отлогому подъему, тѣмъ зелень становилась гуще. Впереди даже показались какія-то деревья. Я не могу передать, съ какимъ чувствомъ нетерпѣнія ожидалъ я, да и всѣ другіе, момента, когда можно будетъ отдохнуть подъ тѣнью этихъ, какимъ-то чудомъ выросшихъ, деревъ. Къ сожалѣнію, близость ихъ была кажущаяся. Давно уже миновалъ обычный часъ остановки, а караванъ все двигался впередъ; солнце скрылось за чертою горизонта, на перламутровомъ фонѣ вечерней зари силуэты деревъ казались почти совершенно черными. Зоркимъ взглядомъ всматривается степенный Кебековъ, какъ бы желая проникнуть сквозь небольшой колокольца въ вечернюю тѣнь, где весьма легко укрыться шайкѣ придорожныхъ каракчей.

Но вотъ мы, наконецъ, на мѣстѣ.

Деревья оказались вязами. Я съ наслажденiemъ пошёлъ подъ ихъ зелень, чтобы послушать, что говорятъ они здѣсь, въ безпредѣльной пустынѣ, столь весело шумящіе своимъ многолиственнымъ и широколиственнымъ вѣтвями на на-

шемъ съверъ. Я еще издали увидѣлъ, какъ жмутся эти деревья къ горамъ; вѣтви ихъ начинаются очень высоко отъ корней, выдававшихся наружу. Корни эти, обглоданные верблюдами, торчатъ словно обнаженные кости; они рвутся внизъ, ища въ землѣ пищи, которой тщетно просятъ иссохшія листья, но каменистая почва не пропускаетъ влаги. Ценъ, корявый, грубый, ничѣмъ не защищенный, противостоявшій написку бурь и песковъ и сильно отъ нихъ пострадавшій,—пень почтенный, дающій жизнь многимъ вѣтвямъ, хотя, впрочемъ, жалкую жизнь. Не житье этимъ отшельникамъ лѣсовъ, этимъ уединеннымъ обитателямъ степей. Какъ уныло шумятъ ихъ жидкіе, мелкие, поблѣдѣлые листья! Сражаясь съ вѣтрами, они не знаютъ торжества побѣды, не въ силахъ отразить нападенія непогоды отъ своихъ молодыхъ побѣговъ; нѣтъ, здѣшнія деревья дико гудятъ, хлопая полуобнаженными вѣтвями, какъ погибающій корабль безъ паруса—своими веревками; вѣтеръ свободно свищетъ сквозь нихъ; тутъ онъ вездѣ герой и побѣдитель, свободно разгуливающій по безбрежнымъ степямъ и дикимъ воемъ торжествующій побѣду. Наслушался я въ былое время его пѣсень и теперь онъ отдаются у меня въ ушахъ!

Киргизы вполнѣ сочувствуютъ грустному положенію этихъ несчастныхъ деревьевъ и не трогаютъ ихъ.

— „Кто срубить хотя одну вѣтвь, на того обрушатся всѣ печали, изъ каждого листка разовьется бѣда, изъ каждого прутика—гибель!“—сказалъ мнѣ Кебековъ, когда я спросилъ его, какъ сохранились эти деревья.

Пройзжіе возчики-киргизы изукрасили ихъ разноцвѣтными лоскутками, изъ которыхъ иные съ молитвами, другие просто повѣшаны для красы, и эти лоскуты перешептываются жалобой съ листьями, поражаемые вѣтромъ съ ними вѣтромъ и засыпаемые пескомъ. Особенно два дерева, выросшіе изъ одного корня (въ Малороссіи такія деревья называются братьями) пользовались ласками: отъ одного къ другому былъ протянутъ тонкій арканъ, какъ бы для того

чтобы связать ихъ еще болѣе между собою, на этомъ шнуркѣ были повѣшаны лоскутки, бараны, лопатки съ молитвами и другіе признаки свидѣтельства почтенія и любви. Нѣсколько деревьевъ, ушедшихъ въ небольшое ущелье, еще жили болѣе или менѣе порядочнѣе, такъ какъ находились немного въ тѣни, а ужъ десятокъ другихъ, имѣвшихъ неосторожность выйти въ степь, влачили самое жалкое существованіе.

Тутъ ихъ бичуютъ иногда по цѣлымъ суткамъ бури и пески. Непостижимо, какъ еще могли они вырості! Хоть бы росли-то вмѣстѣ, все бы общими силами противостояли непогодамъ и охраняли другъ друга, а то ихъ разбросало, какъ бѣдныхъ странниковъ на безбрежномъ морѣ океанѣ. Вотъ и теперь нѣсколько порослей думаютъ подняться вверхъ, но ихъ ломаетъ и коробить, и торчатъ одни голыя прутья или побѣги, состарѣвшіеся приземистыми кустами, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ они разрослись бы вѣтвистыми деревьями.

Бѣдные вязы! какъ не жалѣть о нихъ и что мудренаго, что киргизы окружили ихъ такимъ состраданіемъ и почтѣніемъ! Еще бы немилосердая рука человѣка коснулась ихъ, на которыхъ напали всѣ стихіи.. Почтенные деревья, много выстрадавшія, много перенесшія, нельзѧ не уважать васъ!

Я долго прислушивался къ ихъ шуму и говору, но не то говорять онъ здѣсь, что на моей далекой родинѣ, гдѣ ростутъ въ холѣ, среди роскошнаго сада, охраняя корни свои густою жимолостью и гордо возвышалась надъ другими деревьями.. Впрочемъ, можетъ быть и знакомое что шептали онъ, но вѣтеръ разносилъ ихъ говоръ, или заглушалъ его, какъ бы боясь, чтобы не нажаловались на него.

Съ каждой минутой вѣтеръ крѣпчалъ все болѣе и болѣе. Я лежалъ и смотрѣлъ, какъ облака, изорванные какими-то клочками, бѣшено неслись по небу, закрывая собою по временамъ блѣдный дискъ луны. Но вотъ ее заволокло совсѣмъ, звѣзды тоже не видать... загудѣла степь, гдѣ-то

далеко-далеко прогремѣлъ громъ, глухо такъ, а затѣмъ и затахло все на малое время. Запахло сѣрою и дышать сдѣлалось тяжело...

Рвануло еще разъ, сильнѣе прежняго и... загуллялъ *ката-джиль*^{*)} по степи, да такой, какого мнѣ ни раньше, ни послѣ не случалось видѣть, а я таки довольно испыталъ бурь на своемъ вѣку. Цѣлые массы песку неслись съ сѣверо-запада и бичевали все, что попадалось имъ на встрѣчу; луна опять вышла и освѣтила тучи, летавшія цо небу туда и сюда, ища мѣста, гдѣ бы разрѣшились чѣмъ были полны,—градомъ или дождемъ; но буря не давала имъ покоя, гоня все дальше и дальше... Верблюды ревѣли, звеня колокольцами, киргизы что-то кричали, но что—такъ я и не разобралъ. Суeta была страшна, это продолжалось съ полчаса, и заключилось проливнымъ дождемъ, послѣ которого вѣтеръ нѣсколько стихъ...

Дожди въ Туркестанскихъ степяхъ вообще рѣдки и обыкновенно бываютъ только слѣдствиемъ грозы. По близости горъ они падаютъ чаще, но, сравнительно съ другими странами, все же довольно рѣдко; только въ возвышенныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ Уральского хребта дожди обильны и постоянны; они идутъ здѣсь иногда по нѣсколько недѣль сряду.

Восточные вѣты, господствующіе въ цѣломъ Оренбургскомъ краѣ и дующіе въ продолженіи почти $\frac{1}{8}$ года, исушаютъ воздухъ; этотъ вѣтеръ то отходить къ сѣверу, то къ югу. Вмѣстѣ съ юго-восточнымъ вѣтромъ онъ приносить обыкновенно ведро, ясную погоду, а зимою ясную стужу. Сѣверо-восточный вѣтеръ осенью нѣрѣдко сопровождается холodomъ и дождемъ, а зимою—сильную стужу и свойственными степямъ выгогами, извѣстными здѣсь подъ именемъ бурановъ; это бичъ и, нѣрѣдко, гибель путниковъ. Бураны, кажется, происходятъ оттого, что холодный, сѣверо-восточный вѣтеръ, смѣняя собою западный или юго-западный,

Въ буквальномъ переводе—ураганъ.

превращаетъ поднявшіеся при тепломъ западномъ вѣтерѣ водяные пары въ снѣгъ. Тёплыя выюги несутся отъ юго-запада; западный вѣтеръ приносить тепло и оттепель. Есть еще такъ называемый буранъ снизу; имъ даже обыкновенно начинается всякая мятель: вѣтеръ подымаетъ, мяется и гонитъ выюгою снѣгъ съ землею. Но эта выюга далеко не такъ опасна и гибельна, какъ первая —буранъ сверху. Трудно вообразить себѣ, до какой степени человѣкъ и даже самыя животныя, у которыхъ есть обыкновенно какое-то чувство познанія мѣстности, лишаются во время жестокаго бурана всякаго соображенія. Люди замерзаютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ жилья, выбившись изъ силъ и почти не сходя съ мѣста; а плутая все вокругъ да около: Споть бѣжитъ по вѣтру, забѣгаєтъ безъ остановки за сотни верстъ и нѣрѣдко мечется прямо и безъ оглядки въ пронасть и крутояры, гдѣ погибаетъ. Степной киргизъ, который ведеть въ темную ночь, какъ въ ясный день, на любое урочище, рѣшительно отказывается быть вожакомъ во время зимняго бурана, а если послѣдній застаетъ его на пути, то онъ слѣзаетъ на мѣстѣ съ лошади, зарывается если можно, въ снѣгъ, и выжидаетъ ведра. Въ 1827 году киргизы Внутренней орды лишились во время жестокаго бурана 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 75,480 головъ разнаго скота и 1.012,000 овецъ, всего слишкомъ на сумму до 13 миллионовъ рублей асс. Весь скотъ шарахнулся къ сѣверу, въ Саратовскую губернію, частью попадалъ въ овраги и рытвины, частью замерзъ въ голой степи, частью былъ утаенъ поселенцами разныхъ деревень. Въ 1846 году было тамъ же подобное происшествіе. Лѣтнею порою въ степяхъ также часто образуются вихри, занимающіе весьма небольшое пространство: вихрь кружится на одномъ мѣстѣ и уносить съ собою пыль, песокъ, сухія травы до значительной высоты. Вихри эти, будучи замѣты глазу по поднявшейся столбомъ пыли, пробѣгаютъ нѣсколько сотъ и даже тысячу шаговъ и вдругъ ложатся, исчезаютъ. Нѣрѣдко два или три столба подымаются вдругъ въ небольшомъ раз-

стояній. Происхожденіе ихъ объясняютъ, обыкновенно, предполагаемою встрѣчою двухъ противоположныхъ вѣтровъ; но объясненіе это, кажется, недостаточно. По близости столбового вихря воздухъ бываетъ совершенно тихъ: можно подойти вплоть къ столбу и вѣтеръ слышенъ только внутри черты самого вихря.

XXVII. Защита старого быта.

— Джюхлай, джюхлай, бала! Куркъ-ма, куркъ-ма, ми-неке чагарамъ, джаманъ-адамъ, кара-аю шонда джекъ!*)—тихимъ, заунывнымъ голосомъ пѣлъ Яковъ Николаевичъ, укачивая свою хорошенъкую дочурку.

Уныло, безлюдно кругомъ, а эта заунывная пѣсня на-вѣваетъ что-то близкое къ сердцу, родное, знакомое и невольно переносить изъ степи туда, на родину, къ семейному очагу, гдѣ въ давнее время сбирались дорогал мнѣ, теперь уже не существующая, семья, гдѣ за круглымъ семейнымъ столомъ мы были всѣ вмѣстѣ, слушали дивныя сказки матери и подъ напѣвъ няниной пѣсни, тутъ же за столомъ и засыпали, уносясь мечтами въ волшебный міръ, только что нарисованный матерью...

— Скоро вотъ, Яковъ Николаевичъ, родину свою увидите, немного уже осталось мѣстить пески сыпучіе!—обратился я къ Зубареву, желая вызвать его на разговоръ: очень скучно становилось играть въ молчанку. Ничего на это не отвѣтилъ Тюра Якубъ и только глубоко-глубоко вздохнулъ.

— Эхъ, если бы не ребенокъ, не вернулся бы я къ вамъ... Родиной моей сдѣлалась та страна, гдѣ я провелъ лучшіе годы жизни и гдѣ, такъ или иначе, видѣлъ и испыталъ счастье,—задумчиво проговорилъ онъ послѣ паузы и опять тяжело вздохнулъ.

— Помилуйте, да развѣ можно это говорить серьезно

*) Колыбельная киргизская пѣсня, въ переводѣ: «Спи, спи, дата! Не бойся, не бойся, сѣятѣкъ мой! этого человека, медведя чернаго здѣсь нѣть».

живь вдали отъ цивилизациіи, среди дикихъ, необразованныхъ, полулюдей, полуживотныхъ,—воли ваша, не понимаю.

— А почему же сами вы удалились въ эти окраины, если имѣете объ нихъ такое представление?

— Я дѣло другое! Во первыхъ, я живу временно, съ русскимъ народомъ, наконецъ въ такие годы, когда уже Россія вторглась въ эту страну и внесла съ собой и цивилизацію, и культуру, смягчила, такъ сказать, нравственно-бытовую порочность туземцевъ....

XXVIII. Причины упадка киргизской народности.

Въ Россіи большие переѣзды—дѣло обычное. Путешествіе, напримѣръ, отъ Петербурга въ Восточную Сибирь въ наши дни не представляетъ ничего необыкновенного; этотъ путь, если не съ особыми удобствами, то все же и не съ такими ужъ лишеніями можно совершить въ 20—22 дня. Въ смыслѣ разнообразія дляѣдущаго хотя бы въ Иркутскъ найдется много интереснаго: города, рѣки, горы, живописныя мѣста Урала, мрачные берега Иртыша и Оби, вѣковыя дубровы Сибири—все это мелькаетъ словно въ калейдоскопѣ, поражаетъ своимъ величиемъ глазъ путешественника. Намъ же путь предстоитъ почти все время, т. е. въ теченіе тридцати трехъ днѣй, чрезъ пустыню, одно название которой прекрасно можетъ объяснить, что это за милая мѣстность: *Голодная степь*.

Взять на все время путешествія съ собой какихъ либо припасовъ—дѣло не легкое вообще, а въ караванѣ, приспособленномъ исключительно для перевоза хлопка—въ особенности. Да и какого рода продуктовъ мы могли взять, коли въ иные дни жарища доходила до 40° R?

Сначала, правда, у насъ было кое-что, но въ такомъ, сравнительно, небольшомъ количествѣ, что почти въ первую же недѣлю все и вышло. Сухарей могло хватить до самаго Оренбурга, но подобное кушанье набило оскомину до того,

что даже привычные ко всякой пищѣ киргизы и тѣ ~~воро-~~
тили руло. А я такъ всѣ свои зубы проѣлъ на сухаряхъ.
Безъ преувеличения могу сказать, что большую часть зубовъ
я изломалъ объ сухари...

Этотъ продуктъ—дѣло первой важности для всякой
экспедиціи въ пустынныя края и потому на него должно
быть обращено весьма большое вниманіе путешественника.
Всякому известно, какъ вредны заплѣсневшіе сухари, но
далеко не всѣмъ известно, что если сухари дурно засушены,
то современемъ въ нихъ появляется родъ красноватой
ильсени, въ которой ученый Пеенъ (Rayen) открылъ присутствіе
микроскоїческихъ грибковъ, известныхъ подъ именемъ
oidium auranticaum; эти грибки чрезвычайно ядовиты, и
только нагрѣваніе хлѣба до 140° можетъ совершенно и
безвозвратно истребить зародыши ихъ. Совѣтую всѣмъ путе-
шествующимъ принять къ свѣдѣнію замѣчаніе Пеена, не
только какъ открытие ученаго, но какъ имѣющее важное прак-
тическое значеніе...

— Эхъ теперь, то ись ежели бы знаете этого того, го-
ряченькаго похлебать довелось, кажись бы съ крыши спры-
гнуль за такую прокламацію!..— заявилъ неожиданно Тел-
лѣжниковъ и своей безвязной глупой фразой пробудилъ у
всѣхъ такое непреодолимое желаніе похлебать горяченькаго,
что даже слюнки потекли. Но, увы! кроме сухарей и воды
у насть ничего не оставалось. Даже ромъ у Семена
Никитича изсякъ и это окончательно добило бѣднаго ма-
лого. Какъ всѣ слабыя натуры, онъ началъ роптать, на-
правляя свои жалобы туда, къ безоблачному небу, какъ
будто оно было виновато въ нашемъ несчастіи.

Сумерки густились; золотая кайма на вершинахъ со-
сѣднихъ горъ давно погасла, только на западѣ чуть мер-
цали розовые отблески...

Мы проходили послѣдніе Тусумскіе пески, далѣе слѣдо-
вала Тургайская область, гдѣ характеръ мѣстности со-
вершенно измѣнялся и терялъ свой унылый, мрачный ко-
лоритъ.

Мы остановились у небольшаго кургана съ камнемъ на
верху; на камѣ—подобіе креста: это могила христіанина—
русскаго казака М., умершаго лѣтъ 30 тому назадъ, изъ
числа тѣхъ великихъ русскихъ людей, которые составили
славу и гордость нашей дорогой родины...

Я опять разговорился съ Зубаревымъ на тему о совре-
менномъ состояніи киргизовъ, при чемъ у меня невольно
сорвался съ языка упрекъ, что онъ, говоря о русскихъ,
употребляетъ выраженія „вы“, „ваши“, какъ бы не признавая
себя за русскаго.

— О, Господи, какъ горько мнѣ слышать этъ!— воскликнулъ
Зубаревъ.— Нѣтъ, я никогда, ни на одну минуту не пере-
ставалъ быть русскимъ, даже и тогда, когда роковое стеченіе
обстоятельствъ столь легкомысленно вырвало у меня согласіе
перемѣнить вѣру отцовъ. Но, увы! я боюсь, что это отступ-
леніе навсегда отрѣзalo мнѣ путь... быть опять русскимъ...
Нѣтъ, это невозможно... съ каждымъ шагомъ, приближаю-
щимъ меня къ Россіи, я все болѣе и болѣе прихожу въ от-
чаяніе и если бы не ребенокъ, то ни за что не рискнулъ бы
возвращаться въ столь безбожно поруганную мною страну...

— Ну, полноте отчаяваться! Кто же будетъ знать и
долытьться у васъ о прошломъ? Вычеркните его изъ своей
памяти, какъ будто оно никогда и не существовало. Вы
можете поступить на службу, начать новую жизнь: вѣдь у
васъ такая обязанность по отношению къ дочери, что не
время опускать руки.

— Да, вы правы!.. Я начну новую жизнь, жизнь для
моей милой дорогой дѣвочки. Но прошлаго скрыть невоз-
можно, оно должно долго-ли, коротко-ли открыться, вѣдь
напримѣръ, ребенокъ мой ее имѣеть даже христіанскаго
имени. Ее надо будетъ окрестить, а какъ я объясню все
то, что объяснялъ вамъ?!

— Ничего, этого можно и не объяснять: скажите, что
вы были взяты въ плѣнъ, что теперь бѣжали, а про вашу
дочь тоже можно придумать какую-нибудь подходящую
исторію, въ родѣ того, что вы пріютіли брошенаго ре-

на ветвяхахъ.

бенка, затѣмъ привыкались къ нему какъ къ родному и теперь желаете его записать на свое имя и окрестить.

— Да, вы еще разъ правы!. Но, впрочемъ я подумаю, еще время есть обсудить все...

— Скажите мнѣ, Яковъ Николаевичъ, если, конечно, это не тайна, у васъ имѣются какія-нибудь деньги?. Вѣдь жизнь въ Россіи это не то, что въ степи—тутъ безъ денегъ и шагу не ступишъ.. а особенно, если вы имѣете въ виду воспитаніе дочери...

— У меня есть деньги и, по моему, достаточные, но я еще не знаю, какъ устроюсь, чѣмъ займусь и, вообще, мало или почти вовсе не думалъ о будущемъ, но на первое время во всякомъ случаѣ будешь чѣмъ прожить...

Зубаревъ замолчалъ и впалъ въ задумчивость, что было такъ естественно въ положеніи этого любопытнаго человѣка.

Вечеръ опустился на землю. Видъ темносиняго неба при быстро наступавшей темнотѣ сдѣлался строже, точно оно облеклось въ мундиръ и надѣло всѣ свои звѣздныя регалии. Въ такія ночи какой-то особенный, безотчетный страхъ нападаетъ на человѣка и доходитъ до крайнихъ размѣровъ ужаса. Отойти на одинъ шагъ въ сторону отъ каравана— все равно, что выйти изъ уютнаго, надежнаго дома въ безотрадную, безвѣстную пустыню. Въ дневную стоянку всякий выбираетъ себѣ място поудобнѣе. Ночью же, напротивъ, всѣ располагаются по указанію караванбаша...

XXVIII. Еще о киргизахъ.

Дорога отъ озера Кагалы-Куль переходитъ гряду горъ, тянущуюся по восточной сторонѣ Обалы-Томсуга и идетъ по ея волнистому скату. Мы спустились въ привольную долину; она тянется съ юга на сѣверъ, въ началѣ довольно широка, потомъ суживается въ тѣсную лощину. Горы очень живописны, мястами покрыты березнякомъ; травы въ долинѣ

превосходныя; у подошвы восточныхъ горъ прокрадывается ручей Талдыкъ, укрываясь въ широкомъ и глубокомъ оврагѣ поросшемъ высокой и густой травой и березнякомъ. До лощины верстъ 7, лощиною—пять. Она замыкается уваломъ крутымъ и высокимъ. Отсюда до самой рѣки Эмбы широкое и прямое ущелье, постепенно спускающееся. Верстахъ въ двухъ отъ увала, влѣво—ключъ, журчанье которого слышно издалека; теперь уже намъ нечего было опасаться за то, что пить воды. На перѣездѣ отъ солки Кызы-Имчикъ мы встрѣтили огромное стадо дикихъ козъ (джейраны), которыхъ выскочивъ изъ за холма, вдругъ наткнулись на нашъ караванъ и, на минуту ошалѣвъ, кинулись въ разсыпанную. На мы доставали ихъ, джейраны умчались уже далеко.

Вскорѣ намъ стали попадаться аулы, состоящіе иногда изъ пяти-шести юртъ, а иногда число послѣднихъ доходило до 30 и болѣе.

Климатъ и растительность здѣшнихъ мѣстъ, очень благопріятные для скотоводовъ и кочевого образа жизни, прельстили киргизъ поселиться здѣсь. Но, какъ истые скотоводы, они уничтожили мало-по-малу почти всю древесную растительность. Для нихъ излишни рощи, не нужны красоты природы, а нуженъ просторъ для скота, просторъ для ихъ дальновзоркаго глаза, сдѣлящаго съ какой-нибудь горки за пасущимися на волѣ стадами и оберегающаго ихъ отъ хищничества своихъ же родичей и волковъ. Тамъ, гдѣ прежде горныхъ рѣчекъ, питаемыхъ многочисленными ключами и сохранившимися въ ущельяхъ и лѣсахъ снѣгомъ, не высыхали во все лѣто, цвѣточная растительность веселила взглѣдъ кочевника, какъ и тучныя стада скота, наспиася на этихъ благодатныхъ мѣстахъ, а теперь встрѣтишь лишь вырытыя ямы-колодцы допотопнаго образца, да рѣдко-рѣдко мѣстечки, сохранившія прежнюю прелесть природы, веселящія уставлый взоръ человѣка послѣ утомительного путешествія по однообразно-холмистой или гористой степи. И едва ли доказываются старики-киргизы, вспоминающіе о прошломъ *

что умбренный климатъ зависѣлъ отъ лѣсовъ, которые— по ихъ же рассказамъ—ютились по всѣмъ ущельямъ горъ и склонамъ ихъ, и отъ которыхъ остались только жалкие пни. Они, какъ живые укоры истребителямъ, обезобразившимъ природу киргизамъ, напоминаютъ о быломъ... о другой жизни, можетъ быть кипѣвшей здѣсь. И только изрѣдка сохранившіеся оазисы зелени съ чудными цвѣтами смягчаютъ душевное настроеніе и муки людей, но кочевники мало знакомы съ этими муками и настроеніями.

Мы остановились въ аулѣ Аннау, расположенному возлѣ шихана того же имени. Пока сотоварищи мои хлопотали около верблюдовъ, разыскивали ихъ и затѣмъ знакомились съ хозяевами, я наводилъ справки относительно существованія дикихъ козловъ. Встрѣча послѣднихъ не столько пробудила во мнѣ аппетитъ, сколько раздразнила охотничіи инстинкты. Справки, однако, были мало утѣшительны, ибо оказалось, что джейраны чрезвычайно осторожны и не подпускаютъ даже на выстрѣлъ изъ винтовки. За то киргизы угѣшили меня сообщеніемъ, что въ камышахъ рѣки Эмбы водится множество донгузовъ *). Въ этотъ день идти на кабановъ было поздно, да и раздражающій запахъ варившагося козленка, котораго гостепріимные хозяева уже успѣли заколоть, давалъ мнѣ понять, что пока можно обойтись и безъ охоты.

По понятіямъ киргизовъ (да и вообще всѣхъ мусульманъ) употреблять въ пищу свиней—величайшій грѣхъ и поэтому они никогда не рѣшатся убить „донгуза“, даже если бы стада послѣднихъ и причиняли вредъ кочевникамъ. А такъ какъ еще при этомъ охота на кабановъ не всегда и безопасна, то станетъ понятнымъ, почему узкоглазые сыны степей столь энергично уклонялись отъ моихъ предложенийъ отправиться на охоту вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, указать мнѣ—въ какомъ именно мѣстѣ безконечно тянущихся побережныхъ камышей водятся кабаны.

*) Донгуръ—евнечитъ кабанъ.

— А вы имъ того—этого, какъ его, знаете, Николай Иванычъ, послуите денегъ, такъ нѣбось согласятся, знаете!— предложилъ Телѣжниковъ, который вообще глубоко и не поколебимо вѣрилъ въ силу рубля.

Я, однако, возрѣній его не раздѣлялъ; а потому и не рискнулъ обижать честныхъ аульцевъ. Хорошо и сдѣлалъ, такъ какъ, по словамъ Кебекова: „смерть отъ кабана даже самаго благочестиваго мусульманина дѣлаетъ недии, т. е. отправляетъ на тотъ свѣтъ нечистымъ и даже 500-лѣтнѣе горѣніе въ чистилищномъ огнѣ не можетъ очистить его отъ этой скверны“. Послѣ такихъ убѣжденій, всосанныхъ съ молокомъ матери, соваться съ предложеніемъ „рубля“ было, по меньшей мѣрѣ, не тактично.

Старикъ Аннау оказался также весьма гостепріимнымъ хозяиномъ, хотя, какъ я узналъ послѣ, любезность его происходила главнымъ образомъ отъ коммерческихъ видовъ, а именно: имѣя громадный запасъ джебаги *), онъ давно поджидалъ какой-нибудь караванъ, чтобы промыть свой товаръ на мануфактуру бухарского производства, вполнѣ резонно разсчитывая, что таковая должна быть у каждого караванбаша. Правда, на этотъ разъ расчеты старого кочевника не оправдались, но за то и караванъ нашъ былъ совершенно исключительный.

Чтобы сдѣлать болѣе понятными написанные строки я долженъ сказать нѣсколько словъ о судьбѣ такъ-называемыхъ бухарскихъ каравановъ.

По линіи границы Оренбургскаго края со степью есть много пунктовъ, черезъ которые провозится азіатскій товаръ. По существующимъ таможеннымъ правиламъ бухарскій товаръ не можетъ быть распакованъ нигдѣ, кромѣ таможенъ, такъ что заставы собираютъ пошлину лишь съ ввознаго товара киргизскаго производства, и пошлину съ вывознаго товара изъ Россіи въ степь; что же касается товара бухар-

*) „Джебагой“ называется скатанная баранья шерсть.

скаго, то пошлина съ него взимается исключительно въ таможняхъ (каковы—Троицкая и Оренбургская), промежуточные же заставы обязаны караваны принимать, тюки клеймить и отправлять ихъ въ таможни партіями, подъ надзоромъ надсмотрщика изъ заставныхъ же таможенныхъ солдатъ. Мѣра эта прията затѣмъ, чтобы бухарцы не имѣли возможности продавать свой товаръ на пути слѣдованія въ таможню, т. е. товаръ не оплаченный пошлиной.

Ловкіе бухарды находять, однако, средства сбывать часть своего товара и въ Орскѣ; въ этомъ случаѣ пошлина конечно немыслима, почему и товаръ можно купить гораздо дешевле. Является къ вамъ, напримѣръ, бухарецъ и спрашивается—не угодно ли купить канасу; вы говорите: „пустъ принесетъ“. Но у бухарца товаръ съ собой, хотя въ рукахъ онъ ничего не держитъ и изъ-подъ халата ничего не торчитъ; секретъ вскорѣ объясняется: бухарецъ распоясываетъ свой широкій поясъ, а изъ него вытягивается кусковъ пять-шесть шелковой матеріи, которую вы охотно покупаете, потому что она 25-ю % дешевле оплаченной пошлинною. Такимъ точно образомъ продаются и дорогіе халаты, восемь или десять экземпляровъ которыхъ умудряется надѣть на себя иной бухарецъ, безъ всякаго подозрѣнія со стороны таможеннаго солдата, караулящаго у такъ называемыхъ Азиатскихъ воротъ. Само собой разумѣется, что подобныя продѣлки имѣютъ мѣсто лишь по приближеніи къ таможнямъ и заставамъ, дорогой же подобного рода контрабандный товаръ везется безъ всякаго опасенія въ тюкахъ, такъ какъ бухарскіе, кокандскіе и хивинскіе караваны, двигаясь къ таможнямъ Оренбургскаго края, прорѣзываютъ степь въ различныхъ направленіяхъ.

Степь эта населена оренбургскими киргизами и киргизами внутренней, или букеевской орды. Проходя степь, караваны останавливаются въ различныхъ ея пунктахъ и производятъ дѣятельную мѣновую торговлю съ киргизами. При такихъ условіяхъ всякий киргизъ бросается къ бухарцу. Главный продуктъ потребленія между киргизами—халаты,

выбойка и маты, бѣлая или синяя. Все это выдѣлывается въ Бухарѣ въ громадномъ количествѣ и при условіяхъ гораздо меньшей стоимости, чѣмъ въ Россіи. Хлопчатая бумага получается русскимъ фабрикантомъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, и, хотя обработка гораздо тщательнѣе и прочнѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, но провозъ изъ фабрикъ степь стоитъ несравненно больше, чѣмъ изъ Бухары, наконецъ, русскій купецъ долженъ платить вывозную пошлину въ то время, когда бухарецъ расхода этого не несетъ. Все это и составляетъ столь громадную разницу въ цѣнѣ бухарского товара сравнительно съ русскимъ. Киргизъ покупаетъ у бухарца 80 аршинъ матеріи за ту же цѣну, за какую у русскаго купца онъ можетъ купить не болѣе 40 аршинъ; положимъ, русская матерія добротнѣе бухарской, но киргизу до этого нѣть ровно никакого дѣла, онъ видѣтъ только, что за одну и ту же сумму онъ можетъ купить и 80 и 40 аршинъ, и конечно, предпочитаетъ взять 80. При такихъ условіяхъ конкуренціи быть не можетъ, а недостатокъ подобнаго условія въ торговой операциѣ не можетъ не отозваться какъ на вывозной степной торговлѣ, такъ и на мануфактурной промышленности цѣлаго края. Взглянемъ же теперь, сколько наше правительство теряетъ отъ настоящаго положенія дѣль.

Всякій киргизъ и киргизка ходятъ въ бухарскихъ халатахъ. Халатъ стоитъ *minimum* 1 р. 50 к., нижняя и исподняя одежда дѣлаются ими изъ выбойки, или изъ маты того же бухарского производства; стоитъ это не какъ не менѣе 2 руб. сер. въ годъ; кромѣ того, у рѣдкаго киргиза нѣть праздничнаго халата, который онъ обновляетъ ежегодно—цѣна такому халату не ниже 3 руб. сер. Есть и богатые киргизы, султаны, біи, которые носятъ шелковые халаты, надѣвали ихъ по два и по три въ разъ, такія же чамбары и прочія принадлежности одѣянія. Взявъ все это въ соображеніе, выйдетъ, что киргизъ тратить въ среднемъ въ годъ не менѣе 6 руб. сер. Положимъ пошлину по 25%, какъ она и существуетъ, съ 6 руб. сер. выходить 1 р. 50 к.

Киргизовъ степи Оренбургскаго вѣдомства и внутренней орды считается около 400 т. кибитокъ. Если въ кибиткѣ положить среднимъ числомъ по четыре человѣка, то всего населенія выйдетъ 1 мил. 600 т. Киргизы внутренней орды не столь дѣятельно торгуютъ съ Бухарой; во внутренней ордѣ считается до 100 т. кибитокъ (400 тысячъ жителей), мы ихъ отбросимъ и у насъ остается населеніе въ 1 м. 200 т. На каждого жителя, какъ указано выше, приходится пошлины 1 р. 50 к., слѣдовательно на 1 м. 200 т. жителей—1 м. 800 т. рублей серебромъ. Съ выбойки и маты пошлина 15%, а не 25%, скажемъ 300 т. и у насъ останется цифра въ 1 $\frac{1}{2}$ мил. чистаго правительеннаго дохода, который ежегодно дарится киргизамъ и бухарцамъ, изъ которыхъ послѣдніе и такъ вывозятъ изъ Россіи громадное количество звонкой монеты.

Если при этомъ обратить вниманіе на наемную цѣну верблюда, которая мало отклоняется отъ слѣдующей:

отъ Бухары до г. Оренбурга	160 тенъга *)
" Орска	140 "
" форта Казалы	70 "
" ф. Казалы до Орска	8 руб. сер.

то станетъ понятно, почему возчики постоянно набираютъ съ собой продукты потребленія, перечисленные выше.

Сильно разочарованный остался бабай Аннау, когда, караванъ нашъ двинулся въ путь, не оставивъ у него, по неизвѣнію, ни одного изъ предметовъ, кои онъ очевидно разсчитывалъ вымѣнѣть на заготовленную джебагу.

— Теперь, старая собака, ругать насъ цѣлую недѣлю будетъ!—промолвилъ Левашевъ, усиленно насасывая свою обгорѣлую люльку.

— Этого того, какъ его... напрасно, знаете, мнѣ раньше не сказали господинъ Левашевъ, что дорогой такъ выгодно

*) Тенъга—бухарская серебряная монета = 20 коп. серебр., по курсу на наши деньги.

можно заняться комерціей, знаете! Я бы того, какъ его, халатиковъ десятка три-четыре захватилъ съ собой.

— Да вѣдь вы, Семенъ Никитичъ, говорили что не при деньгахъ, а 40 халатовъ составляютъ кущъ порядочный.

Но Семенъ Никитичъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на мою шпильку, а только что-то заворчалъ про себя, дѣлая выкладки на пальцахъ,—барышъ должно быть подсчитывалъ, какие могли бы ему достаться.

Иванъ-бай, повидимому, сильно разсердился на „господина“ и такъ грозно посматривалъ на мизерную фигуру Телѣжникова, что я невольно расхохотался, представляя себѣ картину, если бъ могучій кулакъ Левашева опустился на неудачнаго коммерсанта.

— Зачѣмъ у насъ нѣть той быстрой предпримчивости, которой обладаютъ сѣверо-американцы или англичане?—вдругъ задалъ вопросъ Яковъ Николаевичъ, ни къ кому въ сущности не обращаясь.

Меня это восклицаніе удивило и я спросилъ, чѣмъ оно было вызвано.

— Помилуйте, да развѣ стали бы таскаться на верблюдахъ англичане или американцы, обладая такой рѣкой какъ Сыръ? Развѣ стали бы они безпощадно убивать и время, и здѣсь, и деньги, когда перѣездъ водою несравненно дешевле караванныхъ странствованій.

— Позвольте, а вы забыли, Яковъ Николаевичъ промели на Сырѣ и Джаманъ-Дарьѣ? *) Вѣдь существуютъ же у насъ Аральскіе пароходы, а какой отъ нихъ толкъ?

— Стара пѣсня! Можно завести пароходы болѣе сильные, которые могли бы преодолѣвать быстроту теченія въ Кара-Узякѣ.

— Но вѣдь очистить отъ камыша Кара-Узякъ—дѣло

*) Въ 16 верстахъ ниже форта Перовскаго отдѣляется отъ Сыра притокъ Кара-Узякъ, который вскорѣ черезъ сто саженъ впадаетъ въ Сырь, образуя между началомъ и устьемъ Джаманъ-Дарью (т. е. дурную рѣку) отличающуюся мѣководьемъ.

лигантскихъ работъ и, кромъ того, требуетъ громадныхъ затратъ, не говоря уже о гидротехнической сторонѣ.

— Э, батюшка, все это ерунда! Развитіе пароходства по Сыру заключается вовсе не въ принципѣ невозможности, или трудности осуществленія этой идеи, а все въ той же медленности въ преслѣдованіи полезныхъ цѣлей, которую я и называю непредпримчивостью и отъ которой тормозится у насъ всякое предпріятіе. Поѣзжайте на Волгу, на востокъ Россіи, тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь вы съ каждымъ шагомъ становите убѣждаться въ томъ, что земля наша велика и обильна, но что много трудовъ, много работъ нужно, чтобы оживить ее и призвать къ производительности всѣ тѣ громадныя пространства, которыхъ тамъ раздоально разстилаются предъ глазами... Э, да что тутъ!.. — Яковъ Николаевичъ махнулъ рукой и замолчалъ.

— Знаете, Яковъ Николаевичъ, вы сейчасъ обмолвились и мнѣ очень пріятно было слышать эти: *наши*, у *насъ* и проч. Значитъ, въ васъ сохранился русскій духъ, который по мѣрѣ приближенія къ Россіи все ярче и ярче всыхиваетъ. Дай-то Богъ! А то что, въ самомъ дѣлѣ, за отреченіе?! Ну, мало ли что было, про то надо забыть, и смотрѣть какъ на непріятное сновидѣніе...

— А это что! — сказалъ Зубаревъ, указывая на свою киргизочку и тяжко вздохнувъ.

XXIX. На свадьбѣ.

Еще два-три перехода и мы будемъ у цѣли нашего путешествія.

Какъ надѣли пески, эта гладкая, словно скатерть, степь съ своимъ однообразно унылымъ видомъ, эти солончаки съ тонкой глинистой почвой и это пекущее съ утра до вечера солнце!!

А хуже всего отравляло путешествіе отсутствіе пищеваго довольствія. Сухари опротивѣли, баранина, дурно сва-

ренная, часто безъ соли *), безъ приправъ, прѣсная, словно трава, кумысъ подозрительной чистоты,—все это довольно чувствительно отражалось и на здоровыи, и на состояніи духа. Ко всему этому надо прибавить и одуряющее раскачиваніе на „корабляхъ пустыни“. Со мной даже сдѣгалось что-то вродѣ морской болѣзни. Еще немного,—и пришлось бы окончательно слечь, но, къ моему счастію, утомительное путешество приходило къ концу.

Чрезъ нѣсколько дней мы достигли Григорьевской станицы, отъ которой то по правую, то по лѣвую сторону рѣки Илека направились до уроцища Биш-Тамакъ. Съ одной стороны рядъ холмовъ, закрытыхъ сплошною массою яркой зелени; съ другой — извилистые, красивые берега Илека. Множество мелкихъ ручейковъ и рѣчекъ, притоковъ Илека, пересѣкаютъ дорогу; впрочемъ, для каравана они не составляли большаго затрудненія, такъ какъ всѣ легко переходили въ бродъ. Отъ верховьевъ рѣчки Караганды **) мы свернули къ уроцищу Уркачъ.

Долина Караганды составляетъ послѣдній уголокъ степи; по ея бокамъ холмы, постепенно возвышаясь, составляютъ двѣ непрерывныя цѣпи, которая, въ свою очередь, слившись вмѣстѣ, образуютъ плоскую возвышенность. Песчаный и глинистый грунтъ замѣняется твердымъ, каменистымъ. Утесы всевозможныхъ формъ и оттѣнковъ, высокія тѣнистые деревья придаютъ природѣ болѣе суровый видъ. Совершенно уединенно, въ сторонѣ отъ уроцища, возвышается, на подобіе сахарной головы, гора Ишали. Отъ Уркача дорога спускается въ богатую пастбищами долину рѣки Эмбы и, перерѣзывъ ее поперецъ, доходитъ до подножія Мугоджарскихъ горъ. Больше всего нашъ караванъ встрѣтилъ задрудненій при перевалѣ черезъ Мугоджары: приходилось

*) Киргизы рѣдко употребляютъ соль. Говорятъ, что это отлично сохраняетъ зѣни, но насколько такое предположеніе—основательно, судить не рѣшаюсь, хотя долженъ замѣтить, что зѣни у киргизъ поразительно хорошее.

**) Притокъ Илека.

пробираться узкимъ извилистымъ ущельемъ. До этого ущелья усыпано мелкими, гладко отшлифованными каменьями, которые, перекатываясь на мягкому сыпучему песку, дѣлаютъ хожденіе по нимъ весьма неудобнымъ; почти непреродолимымъ для верблюдовъ: несчастныя животныя едва удерживаются на своихъ неуклюжихъ ногахъ, подвигаются съ трудомъ и то лишь послѣ большихъ усилий, часто остаются и падаютъ.

Утесы и вѣтвистыя деревья не пропускаютъ солнечныхъ лучей, отчего въ ущельѣ царствуетъ полумракъ и прохлада; есть и просвѣты, но тамъ обрывы, овраги и пропасти по бокамъ узенькой тропинки дѣлаютъ проходъ очень опаснымъ. По серединѣ ущелья стоитъ гора Аюрукъ, отъ которой дорога начинаетъ спускаться и снова растягивается по степи, доходя до Орска.

Отъ Мугоджарскихъ горъ и почти вплоть до самого Орска дорога можетъ развлекать глазъ путешественника живописными видами. Толстый карагачъ, стройный таль, джиды и другія деревья густо разрослись въ этомъ уютномъ уголкѣ степи и образовали маленькие лѣсочки. Среди этой роскошной зелени, чуть замѣтно чернѣются киргизскія юрты, словно гигантскія круглые шапки.

Во время одного перехода къ намъ подѣхало нѣсколько человѣкъ киргизовъ и стало упрашивать Кебекова свернуть съ дороги, чтобы остановиться лагеремъ близъ ихъ аула; оказалось, что они приглашали всѣхъ насть принять участіе въ свадьбѣ, назначенной въ этотъ же день. Мы, разумѣется, съ удовольствіемъ приняли приглашеніе и отправились на той*), который устраивалъ отецъ невѣсты.

Къ сожалѣнію, мы опоздали къ самому процессу свадьбы и попали уже прямо на брачный пиръ.

*) Такъ называется праздникъ, который отецъ невѣсты устраиваетъ отцу жениха. Послѣ всевозможныхъ угощеній, гости забавляются скачкою, или же игрою *кызы-кагаръ*, о которой многое уже сказано выше.

Насъ встрѣтила сама „молодая“ со своимъ женихомъ. Это была полная, высокая дева, одѣтая въ какой-то невообразимо пестрый нарядъ. Бойко смотрѣли ея большие черные глаза, обрамленные дугообразными бровями. Лицо невѣсты можно было бы назвать красивымъ, если бы не сильно выдавшіяся скулы. Безъ всякой застѣчивости подошла она къ намъ и, протянувши руку, весело проговорила: „Аманъ, тюра!“ При этомъ хитрая улыбка раскрыла ея мясистыя сладострастныя губы и выставила на показъ два ряда ровныхъ, ослѣпительной бѣлизны, зубовъ. Подѣстать былъ и женихъ, стройный и оригинально-красивый молодецъ лѣтъ двадцати двухъ. Глаза его блестѣли неподѣльнымъ счастьемъ; здоровый румянецъ пробивался сквозь загаръ красиваго лица, мало напоминавшаго своими формами монгольскій типъ.

— Ассаламалейкюмъ!— привѣтствовалъ онъ насъ и также протянулъ руку.

— Аманъ!.. Калай турасызъ?

— Джексы, алларезаусымъ!.. саламатъ сымса? *).

— Пажалста, тамыръ, будиши гостю!— привѣтливо привѣтствовалъ насъ молодой, отчаянно коверкая русскій языкъ.

— Спасибо, спасибо, приятель!.. съ удовольствіемъ гостями будемъ.

Прямымъ столбомъ высоко взвивался то черный, то бѣлый дымъ изъ тюндюка юрты и исчезалъ въ безоблачно-голубомъ небѣ; вокругъ этой юрты толпились кочевники и довольно неравнодушно заглядывали во внутренность, где готовились брачныя кушанья. Этотъ процессъ, очевидно, болѣе интересовалъ гостей, нежели церемонія свадьбы, которая, кстати сказать, крайне не сложна у киргизовъ.

— Ишь, собака, знаете, какую, того-этого, подѣшилъ хозяйку-то важнѣцкую... проворчалъ Телбжниковъ, съ вожделѣніемъ поглядывая своими рачими глазами на молодуху.

*) Приблизительный переводъ: здравствуйте, какъ живаете?— Хорошо, благодарю васъ.

— А вамъ завидно?—задалъ вопросъ Яковъ Николаевичъ; но такъ и не дождался отвѣта. Семенъ Никитичъ только шумно вздохнулъ и по своему обыкновенію началъ что-то ворчать про себя.

Междудѣмъ, изъ толпы выступилъ почтенной наружности старецъ (отецъ невѣсты) и важно произнесъ:

— Будьте у насъ гостями, дѣлайте, что хотите, и просите, чего желаете! Сейчасъ у насъ начнется байга—сдѣлайте ей честь своимъ участіемъ или присутствіемъ.

Съ этими словами настъ поставили на самомъ видномъ мѣстѣ, около помѣстившись наиболѣе сановитыхъ личностей аула, а за ними старики, женщины и пѣши киргизы; конные же составили передъ нами полукругъ, ожидая знака для начала состязанія. Вскорѣ былъ зарѣзанъ молодой баранъ, у которого тотчасъ же отрубили голову, а тушу подали привѣтствовавшему насъ старику; старики въ свою очередь поднесъ обезглавленного барана ко мнѣ и сказали:

— Бросай!

Я не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Это вамъ особый почетъ дѣлаютъ, Николай Иванычъ,—объяснилъ Зубаревъ,—бросьте передъ собой барана въ самую турбу (толпу) и увидите, что будетъ.

Я послѣдовалъ совету.

Мгновенно всѣ всадники ринулись съ мѣста къ брошенному барану; лошади и всадники смыкались въ одну кучу, въ которой трудно было разглядѣть что-нибудь; дикие возгласы, брань, тошотъ коньтъ, щелканье ногаевъ—имѣли что-то сверхъестественное и совсѣмъ оглушили меня. Свалка все болѣе и болѣе усиливалась, но вотъ изъ облака пыли, на маленькой сивой лошадкѣ, вырвался одинъ всадникъ и понесся по степи; у его сѣдла, подъ правымъ колѣномъ, висѣлъ баранъ. За нимъ, словно свора борзыхъ, съ крикомъ помчалась вся толпа. Всадникъ, однако, уѣхалъ не далеко: съ обѣихъ сторонъ къ нему подскакали два другихъ всадника и у нихъ началось состязаніе въ силѣ и ловкости.

Междудѣмъ, какъ боролись эти трое, подоспѣли и

остальные и свалка возобновилась еще съ болѣшимъ ожесточеніемъ.

Но вотъ одинъ киргизъ разомъ отдѣлился отъ прочихъ; его гнѣдой аргамакъ легко удалялся отъ преслѣдователей. Далеко занося тонкія, словно выточенныя ноги, гордо поднявъ красивую, благородную голову и широко расширивъ красныя ноздри, несся легкій скакунъ; волнистая грива развѣвалась по вѣтру, а пушистый длинный хвостъ замѣтъ слѣдъ; конь едва касался земли, какъ будто невидимая сила поддерживала его въ воздухѣ.

Нетерпѣніе всадника усиливалось по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Всѣмъ тѣломъ подавшись впередъ, почти стоя на плоскихъ стременахъ, сдѣрживая дыханіе, онъ пристально смотрѣлъ въ ту сторону, где происходила борьба и только изрѣдка щелкалъ языкомъ, чтобы подогнать своего бойкаго карабаира; ногайка безъ употребленія висѣла на лукѣ сѣдла: къ ней прибѣгать было излишне, такъ какъ благородное животное добросовѣстно исполняло свою обязанность. Въ нѣсколько секундъ молодой киргизъ очутился въ серединѣ толпы.

Растолкать, перепачать всѣхъ, отнять барана, совсѣмъ почти разорванаго и оставить далеко позади себя всѣхъ соперниковъ—было дѣломъ шуточнымъ для ловкаго джигита. Преодолѣвъ всѣ препятствія и проскакавъ опредѣленный кругъ, онъ бросилъ барана къ ногамъ судей, а самъ, окинувъ торжествующимъ взглядомъ присутствующихъ, гордо подбоченился и терпѣливо началъ ожидать отзыва судей...

Послѣ этого были зарѣзаны еще нѣсколько барановъ и брошены на арену байги; когда состязавшіеся порядкомъ поутомились, всѣ двинулись къ аулу, чтобы принять участіе въ угощеніи, приготовленномъ отцомъ невѣсты.

Кушанья киргизовъ, какъ мною замѣчено уже ранѣе, не отличаются разнообразіемъ, а все вниманіе обращается лишь на обиліе. Поэтому я не буду описывать ихъ, чтобы не цитировать.

Не безъ удовольствія я прослушалъ пѣсни, которыхъ

далеко раздаваясь по широкой степи, невольно проникали въ душу. Я до такой степени замечтался подъ влияниемъ дикихъ наивовъ, что не замѣтилъ, какъ наступили сумерки.

Поблагодаривъ за гостепріимство и дружбу новыхъ своихъ знакомыхъ, я отправился къ каравану, чтобы на утро по возможности раньше тронуться въ путь.

XXX. Въ Орскѣ.

Пройзжал Губерлинскими горами, каменистыя гряды которыхъ (саженъ до 80-ти вышиной) начинаются станцій за три до Орска, мнѣ еще разъ пришлось убѣдиться, что Россія могла бы извлечь громадныя выгоды изъ благодатнаго азіатскаго края—этого баснословнаго эльдорадо—еслибы Ташкентъ былъ соединенъ съ Оренбургомъ желѣзной дорожной и... еслибы было побольше энергіи *).

— Вотъ тутъ желѣзная руда есть!—сказалъ Левашевъ, указывая вправо отъ дороги.

— Желѣзная руда? гдѣ желѣзная руда?—воскликнулъ Яковъ Николаевичъ, пробужденный этой новостью отъ дорожной дремоты.

— Да вотъ тамъ, въ той горѣ, что стоять поодаль отъ соседнихъ.

— Что-жъ, разрабатываютъ руду? добываютъ желѣзо?

— Кому разрабатывать, знамо нѣтъ....

— Вотъ, вотъ; не правду я говорилъ!—обратился ко мнѣ Зубаревъ, — нѣтъ сомнѣнія, что тутъ всюду много богатствъ. Помилуйте, мѣловыя, известковыя, гранитныя, лішмовыя и другія породы, разнаго рода лѣсъ, ключи,—и никого, никого, кто могъ бы оживить эти пустыни!

Въ самомъ дѣлѣ, странно, почему Оренбургскіе казаки,

*) Ко дѣ было писанъ мною этотъ правдивый очеркъ, я далекъ былъ отъ мысли, что въ недалекомъ будущемъ мечты мои осуществлятся и сѣть желѣзныхъ дорогъ покроетъ Туркестанъ во всѣхъ его направленияхъ.

Авторъ.

какъ мѣстные жители, не разрываютъ гранитныхъ свалъ на материалъ для устройства своихъ жилищъ, подобно филиндцамъ, у которыхъ почти всюду встрѣтите постройки изъ рванаго камня? Вѣдь вышли бы отличные домики, не чeta тѣмъ мазанкамъ и деревяннымъ избушкамъ, что теперь нагромождены въ станицахъ.

Извѣстъ подъ рукой—ея цѣллы горы, только разрабатываѣ. И нельзя было не согласиться съ Зубаревымъ, чтобольшую роль играетъ славянская лѣнъ вообще и непредпримчивость въ особенности.

Казаки иногда довольно порядочную известковую гору отдаютъ какому-нибудь мелкому промышленнику рублѣй *a пять* въ годъ. Спросите ихъ: отчего же они сами не строятъ каменныхъ домовъ? Скажутъ вамъ: „этого де, моль, не заведено, да и мастеровъ такихъ нѣту; изба у насъ завсегда строится изъ лѣсу“, и тому подобный вздоръ. А между тѣмъ и каменные горы подлѣ, и извѣстъ тутъ-же.. Должно быть, некому объяснить имъ этихъ выгодъ...

Близокъ, близокъ конецъ пути! Мы уже слышали русскія привѣтствія, и при звукѣ роднаго языка быстро испарились всѣ дорожныя непріятности и беспокойства. Быть забыть и палящій зной, и недостатокъ воды, и консервы, и сухоядѣніе.

Черезъ четыре дня мы прибыли въ Орскъ и остановились въ таможенномъ караванъ-сарай.

Суматоха тутъ была страшная: ревъ верблюдовъ, крики киргизовъ, разноголосые колокольчики и всеобщая разлада—стономъ стояли въ воздухѣ.

— Чохъ, чохъ!—слышалось въ одномъ мѣстѣ, гдѣ несколько киргизовъ старались поднять на ноги упрямившагося верблюда.

— Держи, держи!—во всю мочь орали другіе, упаявшись за „кораблемъ пустыни“, быстро удиравшимъ отъ своихъ преслѣдователей.

А дулона, наэлектризованные фаватизмомъ, во всю глотку распѣвали свои проповѣди:

на верблюдахъ.

— О...о...о...у.. и улькинъ-чи джаксыдаръ!.. Мы всѣ умремъ. Этотъ міръ кончится, откроется новый міръ, не такой, какъ настоящій. Земля тамъ будетъ бѣлая, такая, на которой никто не дѣлалъ грѣховъ; она будетъ горячая, какъ безводный котель, раскаленный на сильномъ огнѣ; солнце будетъ печь такъ, что наши мозги въ головѣ закипятъ, какъ сурпа...

— Ой-бай!.. Кудай сактой кюръ!.. *)—благочестиво вздыхали слушатели.

А дувона продолжалъ:

— И будемъ мы стоять и ждать очереди. Аллахъ не беретъ за свой судъ кулунъ. **), какъ это дѣлаютъ наши біи. Аллахъ судить справедливо, не разбирая богатаго и бѣднаго... Начнетъ Аллахъ спрашивать насъ; и будетъ намъ тяжело, такъ какъ свидѣтелями придутъ наши скоты и скажутъ: хозяинъ билъ насъ и отводилъ намъ дурыя мѣста для кочевокъ. Верблюдъ скажетъ: на меня навьючивали болѣе положеннаго вѣса тяжести и заставляли дѣлать кичь (кочевки) болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по адату... ***).

— Барекяльда! барекяльда! Бай-бай, Мульдекъ, мульде Икль!.. ****)—восклицали присутствовавшіе, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ.

А благоученый человѣкъ совсѣмъ ужъ дошелъ до неистовства; онъ не говорилъ, а только дико взвизгивалъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ и закрывъ глаза. Это, однако, не помѣшало ему подставить свой малахай, куда щедро посыпались коканы (двадцатикопѣечная серебряная монета) восторженной толпы.

Въ Орскѣ ****) съ первыхъ шаговъ васъ поражаетъ восточный характеръ; шпицы мечетей и минареты придаютъ

*) О, Боже! сохрани насъ!

**) Вантки.

***) Обычай (законъ иногда).

****) Да благословитъ тебя Богъ! Какой благоученый человѣкъ!

*****) Этотъ городъ лежитъ при слияниіи рѣки Урала, текущаго съ сѣвера, съ рѣкою Орою, направляющеюся съ юга. Асторгъ.

городу оригинальный видъ. А какое разнообразіе фігуры и костюмовъ! Вотъ идетъ русскій солдатъ выправленной походкой, вотъ пылкій и отважный уральскій казакъ. Далѣе попадается бухарецъ съ длинной бородою, человѣкъ степенныій и важный, носящий чалму, длина которой необъятна, если развернуть ея складки...

Почти въ самой срединѣ города возвышается обширное зданіе Мѣноваго Двора, служащаго главнымъ мѣстомъ свиданій кочующихъ жителей, которые стекаются сюда со всѣхъ сторонъ, пріѣзжая иногда издалека верхомъ на лошадяхъ или верблюдахъ. Этотъ дворъ—своего рода биржа. Огромное зданіе Мѣноваго двора представляеть почти правильный квадратъ, съ большою площадью въ центрѣ. Дворъ этотъ всегда наполненъ толпою народа; давка ужасная, шумъ оглушительный: покупатели и продавцы говорятъ и кричатъ всѣ вмѣстѣ и еще каждый старается перекричать своего сосѣда. Всѣ двигаются взадъ и впередъ, хлопаютъ въ ладони, выкрикиваютъ свою цѣну, которая всегда оказывается рѣшительною и недопускающею уступки.

Купцы, оживляющіе этотъ своеобразный базарь, принадлежать къ различнымъ національностямъ. Они продаютъ всякую всячину, но главнымъ образомъ одежду, изъ которой чапаны (халаты) занимаютъ первое мѣсто, такъ какъ эта простая одежда получила право гражданства на границѣ степей. Рядомъ съ этимъ предметомъ, который продаётся въ мѣновомъ дворѣ на огромную сумму, купцы выставляютъ большой запасъ войлочной ткани, затѣмъ разные женскіе наряды, стеклянныя и металлическія украшенія, дешевая цѣна которыхъ соблазняетъ дочерей Евы.

Войлочная ткань киргизской выдѣлки бывають весьма хорошаго качества и потому тоже имѣютъ большой сбытъ. Въ общемъ Орскѣ не принадлежитъ къ числу городовъ, производящихъ пріятное впечатлѣніе: въ немъ вы видите одни низенькие полуразвалившіеся домишкі, а восточная нерѣшилость дѣлаетъ его совсѣмъ непрігляднымъ.

Въ первый день по пріѣздѣ въ Орскъ я, ошеломленный

этой безтолково-суетящейся толпой, совершенно растерялся и не зналъ, какъ и кому сдавать товаръ, но меня выручилъ всезнающій Левашевъ. Онъ отправился розыскивать довѣренаго и вскорѣ притащилъ его за собой. Я не буду описывать порядка сдачи хлопка, такъ какъ это въ сущности далеко не сложная вещь: когда мы доставили товаръ въ Орскую таможенную заставу, тамъ тотчась же наложили на него клейма и послѣ этого я по особымъ накладнымъ сдалъ товаръ новому приемщику и этимъ окончилась моя обязанность. Теперь я былъ совершенно свободенъ, а такъ какъ путь мнѣ лежалъ еще далѣе, въ Акмоллы, по уже одному, по своимъ личнымъ дѣламъ, то я и сталъ готовиться къ отѣзду на почтовыхъ. Я никакъ не предполагалъ, что встрѣчу новое большое затрудненіе въ получении лошадей. Отправившись на почтовую станцію, я долго и безплодно старался отыскать хоть одну живую душу, но не могъ никого встрѣтить, точно всѣ вымерли.

Нечего дѣлать, пришлось ждать. Наконецъ, неизвѣстно откуда, явился киргизъ и ломаннымъ русскимъ языкомъ спросилъ, что мнѣ нужно.

— Какъ что нужно? Разумѣется, лошадей.

— Лошадей нѣть.

— Нѣты! Когда-же онѣ будутъ?

— Завтра.

Положеніе печальное, но дѣлать нечего, поневолѣ пришлось ждать. Въ сущности, я догадывался, что киргизъ врѣть, недостатка въ лошадяхъ не могло быть, но такова ужъ особенность условій на почтовыхъ станціяхъ. Разумѣется, въ подобныхъ обстоятельствахъ лучше всего пригрозить, если вы имѣете видъ офицера или чиновника, или опустить руку въ карманъ, если ваша скромная наружность обличаетъ самого простаго гражданина. Но и доставъ лошадей, вы не считайте свой отѣзздъ дѣломъ рѣшеннымъ: начинается новая возня съ уздой, возжами, оглоблями и т. д. безъ конца.

Когда я рассказалъ Левашеву свои затрудненія, то онъ

началъ такъ ожесточенно ругаться, что я совершенно пересталъ сомнѣваться и былъ совершенно увѣренъ, что завтра уже найду лошадей. Бородатый мой спутникъ обѣщалъ на русскомъ и киргизскомъ діалектахъ „переломать всѣ ребра этимъ собакамъ“, „согнуть ихъ въ бараній рогъ“, „истолочь въ порошокъ“ и т. д. и т. д.

Чтобы прервать потокъ браніи, я спросилъ, гдѣ наши спутники. Оказалось, что Яковъ Николаевичъ съ самаго прѣзда лежалъ и о чёмъ-то отчалино думалъ, а Телѣжниковъ бѣгалъ по городу и уже не скрывалъ что онъ *не при деньгахъ*, а, напротивъ, у всѣхъ и каждого освѣдомлялся что бы ему купить новогоднѣе, чтобы увезти въ свой Великій Устюгъ.

— Я того этого, Николай Иванычъ, думаю, знаете, маты купить; какъ вы, то исъ, полагаете, этого-какъ его, не будетъ убыточно?

Я увѣрилъ, что, вѣроятно, это будетъ выгодно и обрадованій Семенъ Иванычъ снова куда-то уѣжалъ *по своему дѣлу* и, признаться, я его больше не видалъ.

На утро Левашевъ дѣйствительно мнѣ досталъ лошадей и я сталъ сбираться въ путь.

— Ну-съ, прощайте, дорогой мой Яковъ Николаичъ, не унывайте, не падайте духомъ, авось Господь поможетъ вамъ устроиться въ новой жизни, не забывайте, что у васъ есть дочь! — говорилъ я, ложимая руку своему новому другу.

— Благодарю васъ, постараюсь! — отвѣчалъ какъ-то видимой знакомецъ, но видно было, что онъ не совсѣмъ равнодушно разстается со мнѣй. Поцѣловавши маленькую Райханъ и еще разъ простившись со всѣми спутниками, я сѣлъ въ повозку.

— Вы, Николай Иванычъ, въ случаѣ чего, въ зубы его мерзальца, лупите! — совѣтывалъ Левашевъ, недружелюбно кивая на ямщица.

Когда уже было все готово, отѣзздъ мой еще замедлился: стеснѣнія лошади, не привыкшія къ оглоблямъ, съ беспокойствомъ поводили ушами, глубоко дышали и вздрагивали. Я,

признаться, со страхомъ сѣль въ повозку. Но вотъ ямщикъ подобралъ возжи, крикнулъ что-то въ родѣ: „Гюй, гюй! Тси... Г'яу, г'яу...“ лошади взвились на дыбы, сильно встряхнувъ головами и затѣмъ помчались во весь духъ, экипажъ немилосердно прыгалъ и подскакивалъ, я еще разъ успѣлъ маинуть платкомъ и затѣмъ плотище усѣлся въ глубь тарантаса, готовясь каждую минуту вылетѣть вонъ. Однако-жъ, мало по малу, бѣгъ становился ровнѣе, экипажъ пересталъ прыгать, очевидно, горячія лошади устали и мы поѣхали ровнѣе, хотя все еще довольно быстро.

Я негрузился въ задучивость, мнѣ было жаль своихъ спутниковъ, къ которымъ я успѣлъ привязаться, сдружиться съ ними. Вирочемъ (думалось мнѣ), мало ли человѣку съ кѣмъ приходится встрѣтиться въ жизни! Встрѣтившись, познакомившися, привяжешься къ кому-нибудь и вдругъ житейская волна отброситъ и далеко унесетъ этого знакомца. И опять новая встрѣчи, новая обстановка, новые условія и интересы...

— Горе, и радость, и время, и люди —
Все это лишь мимо летить!...

А угоноившися дикія лошади уносили меня все далѣе и далѣе. Теперь дорога пошла гладкая, степная, впечатлѣнія мало по малу укладывались, меня начала одолѣвать дремота,—и вскорѣ я негрузился въ сонъ...

XXX. Чрезъ двѣнадцать лѣтъ.

Пасха въ 1884 году была ранняя. Не смотря, однако же на то, что былъ еще только конецъ марта, фруктовыя деревья распустились; а черемуха уже цвѣла, искуская приятный ароматъ. Я жилъ тогда въ Ташкентѣ, но уже послѣдніе дни, такъ какъ долженъ былъѣхать въ Россію; на этотъ разъ я оставлялъ Туркестанскій край навсегда: смерть отца требовала, чтобы я принялъ на себя попечительство надъ семьей. Сложивъ и упаковавъ все свои вещи, я остался въ дорожномъ костюмѣ и хотѣлъ часовъ въ десять утра от-

правляться. Скоротавъ кое-какъ вечеръ, я отправился къ заутренїю при первомъ ударѣ колокола; народъ съ радостными лицами сновали по улицамъ, направляясь въ церкви, освѣщенныя множествомъ огней. Соборъ въ Ташкентѣ былъ очень маленький и не вмѣщалъ десятой доли всѣхъ собравшихся; усѣвшися на скамейку въ саду, противъ самаго собора, я отъ нечего дѣлать сталъ наблюдать публику, среди которой встрѣчалось, разумѣется, немало знакомыхъ.

— А, Николай Иванычъ! съ наступающимъ праздникомъ! — раздался около меня грубоый голосъ, и когда я поднялъ глаза, то увидѣлъ передъ собою своего спутника Ивана Левашева. Онъ все еще былъ бодръ по прежнему, но волоса и борода его посѣдѣли до бѣлизны, а всевластное времіе пѣсколько сгладило грубоыйя черты, превративъ этого колосса въ добродушнаго старика. Костюмъ, по слуху такой торжественной почі, былъ на Левашевѣ совершенно новый, съ иголочки; хорошій, туземнаго покроя, бешметъ плотно облегалъ его коренастый корпусъ, а сѣдую голову украшала новенькая фуражка, съ краснымъ окольшемъ (Иванъ-бай, по казацкой привычкѣ, въ особо важныхъ случаяхъ всегда надѣвалъ форменную фуражку).

— Здравствуй, Иванъ Варфоломѣичъ! И тебя равнымъ образомъ. А мнѣ вотъ и праздника здѣсь захватить не придется, думаю часовъ въ 10 выѣзжать.

— Что-жъ, коли дѣло такое! Слышалъ я въ конторѣ про вашъ отѣздъ; батюшка, сказывали, у васъ померши...

— Да, Иванъ Варфоломѣичъ. Прошай видно совсѣмъ!

— Ну, пошто совсѣмъ, никто какъ Богъ, авось свидимся.

— Едва-ли. Думаю поселиться на родинѣ, да и будеть ужъ, попутешествовалъ, нора къ семейному очагу.

— Оно точно, жениться подит-ка думаете, Николай Иванычъ?

— Нѣтъ, пока не собираюсь еще, невѣсты не выросли.

— Хе-хе-хе! шутить изволите! Для васъ невѣстъ сколь угодно найдется, разумѣется не здѣсь.

Мало по малу мы пустились въ разсужденія о томъ, о семъ и перешли къ воспоминаніямъ о прошломъ. Многихъ уже не было на свѣтѣ, многое измѣнилось и вообще наступали другія времена, появились новые люди и новые пѣсни. Левашевъ сообщилъ мнѣ, что Нысанъ-Кебековъ умеръ года два назадъ, Казанджиковъ по прежнему занимается подрядами и только про одного не могъ ничего сказать, это про Зубарева.

— Какъ разстался я съ нимъ въ тѣ поры въ Орскѣ, такъ болѣе и не видѣлъ!—заключилъ свой разговоръ Ивань-бай и набожно перекрестился: въ эту минуту раздалось торжественное пѣніе клира, вышедшаго изъ церкви.

Праздничный, малиновый звонъ мелодичными переливами посыпалъ надъ городомъ.

Высоко, высоко въ темномъ небѣ вскинула едва замѣтная звѣздочка... за ней другая, третья,—и вскорѣ весь необъятный куполъ неба усыпалъ безчисленными блестками звѣздъ...

Сама природа какъ бы присоединилась къ людямъ, чтобы почтить торжество Воскресенія Великаго Богсчеловѣка.

— Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!.. запѣлъ клиръ.

— Воистину воскресе!—отвѣтилъ на эту радостную вѣсть немолчный гомонъ толпы.

— „Воистину воскресе!“—отклинулось и далекое, емлюсинее небо съ мириадами звѣздъ.

— „Воистину воскресе!“—отозвалась вся природа, словно не решавшаяся заснуть въ эту великую ночь всеобщаго „торжества изъ торжествъ“...

— Нохристосуемся и мы, Николай Иванычъ,—сказалъ Левашевъ, и голосъ его былъ тихъ и радостенъ.

Въ нашемъ поѣзду было все: и поздравленіе съ Великимъ Днемъ, и прощанье. Вскорѣ я пошелъ, чтобы окончательно приготовиться къ отѣзду...

Локомотивъ тяжело пыхтѣлъ, какъ уставшее гигантское чудовище. Поѣздъ, въ которомъ яѣхалъ, подходилъ къ станціи и когда уже были стаціонныя постройки, а вскорѣ показался громадный, казарменнаго типа, вокзалъ. Первое,

что бросилось въ глаза, была красная фуражка начальника станціи, шагавшаго по платформѣ въ сопровождении жандармовъ и немногочисленной публики.

— Станція Медвѣдская, буфетъ, поѣздъ стоитъ 35 минутъ!—крикнулъ кондукторъ.

Вотъ и отлично,—подумалъ я,—съ удовольствиемъ здѣсь чаю.

Начальникъ станціи подошелъ опять и началъ что-то рассказывать машинисту, а я, отъ нечего дѣлать, сталъ оглядывать мѣстность.

По мѣрѣ удаленія отъ Ташкента природа измѣнялась и за три сотни верстъ уже не было и помину о цвѣтушихъ деревьяхъ, а еще далѣе я начиналъ остатки зимы.

Мѣстность около Медвѣдской станціи почти сплошь еще была покрыта снѣгомъ, правда, мѣстами уже сильно чернѣвшимъ подъ дыханьемъ наступающей весны.

Выйдя изъ вагона и вновь наткнувшись на красную фуражку, я впервые обратилъ вниманіе на ея обладателя.—Что за чудо,—думалось мнѣ,—я тѣ-то видѣлъ этого господина, но гдѣ?

— Ваше высокородіе, пожалуйте на минуту въ кабинетъ вѣаъ спрашивають!—отрапортовалъ сторожъ.

— Хорошо, Сидоренко, скажи, что сейчасъ буду!

Не успѣлъ еще закончить этой фразы начальникъ станціи какъ я уже узналъ его. Да, не было ни малѣйшаго сомнѣнія,—передо мной находился Зубаревъ.

— Яко... Николаевичъ! Вы ли это? Какими судьбами?—радостно закриль я и бросился было съ объятіями.

Господинъ въ красной фуражкѣ вздрогнулъ, затѣмъ обернулся ко мнѣ и, пристально посмотрѣвъ въ самые мои глаза, холодно произнесъ:

— Вы, вѣроятно, ошиблись, я вовсе не Яковъ Николаевичъ...

— Но, позвольте, какъ же.

— Бога ради молчите... потомъ поговоримъ...—тихо шепнулъ опять и быстро отправился на станцію.

Черезъ полчаса я уже сидѣлъ въ квартирѣ Зубарева (такъ какъ это былъ онъ) и рѣшилъ, что останусь у него до слѣдующаго поѣзда.

Изъ разговора съ Яковомъ Николаевичемъ выяснилось, что онъ живеть въ Медвѣдской уже три года и служить подъ чужимъ именемъ—Дмитрія Ивановича Лахтина; дочь его, давно уже окрещенная, кончила Н—скую гимназію и въ настоящее время находится въ С.-Петербургѣ на курсахъ.

— Во имя всего святаго, умоляю вась Николай Иванычъ, ради Бога никому не говорите моего настоящаго имени, иначе я погибъ!

— Полноте, Яковъ... то бишь Дмитрій Ивановичъ, я хорошо понимаю ваше положеніе и повѣрте, съумѣю быть скромнымъ.

Много и обо всемъ мы переговорили съ случайнымъ моимъ знакомцемъ. Онъ вновь, съ полной откровенностью, рассказалъ миѣ шагъ за шагомъ всю жизнь съ момента разлуки нашей въ г. Орскѣ. Я душевно радовался, что эта мятущаяся душа нашла, наконецъ, себѣ успокоеніе...

Зимой того же года я какъ-то случайно попалъ на спектакль въ Большой театръ; зала была буквально полна. Бель-этажъ сиялъ роскошными туалетами дамъ, фраками и мундирами мужчинъ. У оркестра, въ первыхъ рядахъ кресель, красовались тузы столицы, военные генералы и въ нарядныхъ национальныхъ костюмахъ татары, персы и армяне. Верхнія ложи и раекъ кишѣли, какъ улей. Внизу виднѣлись английскіе проборы, благородныя лысины и смѣло закинутыя назадъ кудри, а чѣмъ выше поднимался глазъ, тѣмъ онъ чаще встрѣчалъ иные типы, начиная отъ мелкаго чиновника и кончая девятиврудовой купчихой, вознесшейся подъ самыя облака и съ наслажденiemъ грызущей орѣхи. Мужчины, какъ тѣпи, сновали изъ ложи въ ложу, а надо всѣмъ этимъ, кроме чудныхъ звуковъ оркестра, царилъ непрерывный шумъ, словно вѣтеръ гудѣлъ по верхушкамъ гремучаго лѣса, словно поднялись съ тревожнымъ жужжаньемъ вспугнутые со своихъ ульевъ безчисленные рои пчелъ.

— Вовѣ она, въ бель-этажѣ, лѣва! зона, смотрите смотрите!—раздался около меня восторженный возгласъ и бинокли соѣдей направились на помянутую ложу. Я тоже невольно взглянулъ и остолбенѣлъ: прежде мной была Райханъ. Не та, разумѣется, лѣвочка, съ которой я 12 лѣтъ назадъ путешествовалъ вмѣстѣ на верблюдахъ, а чудная молодая дѣвушка въ изящномъ черномъ шелковомъ платьѣ, плотно обтягивающемъ ея гибкую фигуру, съ блѣднымъ, словно восковымъ, лицомъ, осарененаго большими, столь хорошо мнѣ памятными черными глазами, полузакрытыми длинными рѣсницами. Я долго, противъ своей воли, не сводилъ глазъ съ этого профиля, и съ воображениемъ разматривалъ темную, дугой очерченную бровь, изящный носикъ съ тонкими подвижными ноздрями, граціозный выгибъ бѣлага, какъ мраморъ, подбородка, маленькое розовое ухо, въ которомъ блестящими огнями переливалась бѣлопантовая стрѣлка, а воображеніе вновь переносило меня въ степь, въ то чудное прошлое, когда я съ этой чаровницей пробирался по пескамъ на „корабляхъ пустыни“...

КОНЕЦЪ.